

ВЕСТНИК НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация

2023. Том 21, № 4

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретическая и прикладная лингвистика

Корди Е. Е. Причина и произвольная каузация (на материале французского языка) 5

Компьютерная и прикладная лингвистика

Арбузова Е. М., Дурандин О. В., Карабасова Ю. А., Климова М. А. Стилистические пометы «книжное» и «разговорное» в словарях фразеологизмов 18

Хуан Шанлун. Понимание консубстанциональных лингвистических терминов носителями русского языка 37

Когнитивные исследования и межкультурная коммуникация

Иванова И. Б. Изафет как средство выражения функционально-семантической категории меры в якутском языке 58

Калинин О. И. Метафорическое речевое воздействие в медиадискурсе торговой войны между КНР и США 70

Кориунов Д. С. Опыт измерения продуктивности суффиксальных морфем в китайском новостном военном дискурсе на основе универсальной меры 85

Савина Е. С. Юридическая лексика как средство осмысления культурных коммуникативных ситуаций аристократией в романе М. Пруста «В поисках утраченного времени» 101

Психолингвистика

Гриднева Е. М., Здорова Н. С., Иваненко А. А., Грабовская М. А. Обработка русских идиом эритажными носителями русского языка и изучающими русский как иностранный 115

Сундуева Е. В. Вербализация страха в бурятском языке 131

Перевод и переводоведение

Алешко-Ожевская С. С., Терновская И. Л. Особенности перевода названий нормативно-правовых актов с английского языка на русский язык 143

<i>Меркулова А., Соломоновская А. Л. Особенности передачи имен собственных в процессе аудиовизуального перевода (на материале англоязычного мультфильма «Мадагаскар»)</i>	156
Информация для авторов	168

V E S T N I K

NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY

Scientific Journal
Since 1999, November
In Russian

Series: Linguistics and Intercultural Communication

2023. Volume 21, № 4

CONTENTS

Theory of Language and Applied Linguistics

Kordi E. E. Cause and Random Causation (on French Data) 5

Computer and Applied Linguistics

Arbuzova E. M., Durandin O. V., Karabasova Yu. A., Klimova M. A. Stylistic Labels
Bookish and Colloquial in Phraseological Dictionaries 18

Huang Shanglong Understanding Consubstantial Linguistic Terms by Russian Native
Speakers 37

Cognitive Studies and Intercultural Communication

Ivanova I. B. Izafet as a Means of Expressing the Functional-Semantic Category of
Measure in the Yakut Language 58

Kalinin O. I. Metaphor Power in the US-China Trade War Discourse 70

Korshunov D. S. Experience in Measuring Productivity of Suffix Morphemes in Chinese
Military News Discourse Based on a Universal Measure 85

Savina E. S. Legal Vocabulary as a Means of Conceptualization of Cultural Communicative
Situations by Aristocrats in Marcel Proust's Novel 101

Psycholinguistics

Gridneva E. M., Ivanenko A. A., Zdorova N. S., Grabovskaya M. A. The Processing of
Russian Idioms in Heritage Russian Speakers and L2 Russian Learners 115

Sundueva E. V. Verbalization of Fear in the Buryat Language 131

Translation and Translation Studies

Aleshko-Ozhevskaya S. S., Ternovskaya I. L. Titles of Acts: Translation from English into
Russian 145

<i>Merkulova A., Solomonovskaya A. L. Peculiarities of Transferring the Proper Names in the Process of Audiovisual Translation (Based on the Material of the English Language Cartoon "Madagascar")</i>	156
Instructions for Contributors	1168

Editor-in-Chief Dr. Sc. (Linguistics) Maria K. Timofeeva (Novosibirsk)
Deputy Editor-in-Chief Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Michèle Debrenne (Novosibirsk)
Executive Secretary Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Anatoli F. Fefelov (Novosibirsk)
Secretary Darya A. Savostiyanova (Novosibirsk)

Foreign Text Editor

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Olga A. Ryzhkina (Novosibirsk)

Members of the Editorial Board

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Natalia V. Kozlova (Novosibirsk)

Dr. Sc. (Philology), Prof. Alexey D. Palkin (Moscow)

Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof. Ivan A. Remorov (Novosibirsk)

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Olga A. Ryzhkina (Novosibirsk)

Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof. Anna L. Solomonovskaya

PhD (Cross-Cultural Psychology), Assistant Prof. Snežana Stupar-Rutenfrans (Utrecht, Netherlands)

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Victor P. Zakharov (St. Petersburg)

Editorial Board of the Series

Academician of the Russian Academy of Sciences, Prof. A. E. Anikin (Novosibirsk)

Dr. Sc. (Philology), Prof. V. E. Gorshkova (Irkutsk), Dr. Sc. (Linguistics), Senior researcher L. L. Iomdin (Moscow),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. B. Koshkareva (Novosibirsk),

Cand. Sc. (Linguistics), Doctorat National en sciences du langage A. M. Lavrentev (Lyon, France),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. O. N. Aleshina (Taipei, The Republic of China, Taiwan),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. D. B. Nikulicheva (Moscow), Dr. Sc. (Philology), Prof. L. G. Panin (Novosibirsk),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Z. G. Proshina (Moscow),

Dr. Sc. (Philosophy, Neuroscience), Assoc. Prof. A. N. Savostyanov (Novosibirsk),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. I. Ya. Selyutina (Novosibirsk), Dr. Sc. (Philology), Prof. I. V. Silantyev (Novosibirsk),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. V. A. Stepanenko (Irkutsk), Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Ye. F. Tarasov (Moscow),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. V. Ufimtseva (Moscow), PhD (Philology) V. Obry (Mulhouse, France),

PhD (Philology), Assoc. Prof. I. Chekhova (Sofia, Bulgaria),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. I. V. Shaposhnikova (Novosibirsk)

*The journal is published quarterly in Russian since 1999
by Novosibirsk State University Press*

The address for correspondence

Institute of Humanities, Novosibirsk State University
1 Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Tel. +7 (383) 363 42 23

E-mail address: lingua@vestnik.nsu.ru

On-line version: <http://elibrary.ru>

Научная статья

УДК 811.133.1

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-4-5-17

Причина и произвольная каузация (на материале французского языка)

Елена Евгеньевна Корди

Институт лингвистических исследований РАН
Санкт-Петербург, Россия

Kordi2005@mail.ru

Аннотация

Цель данной статьи состоит в том, чтобы показать семантическое сходство и семантическое различие между каузативными конструкциями (КК) и причинными конструкциями (ПК) во французском языке. Представляется, что эти наблюдения могут иметь и типологическое значение. В статье сопоставляется синтаксис и семантика каузативных и причинных конструкций во французском языке. С точки зрения синтаксического устройства эти два типа конструкций различны. Но их значения совпадают в том, что они выражают причинно-следственные отношения, однако это совпадение частичное. Во французском языке есть три типа КК: факитивные с полувспомогательным глаголом *faire* 'делать', пермиссивные с полувспомогательным глаголом *laisser* 'допустить' и конструкции со знаменательными каузативными глаголами (*prier* 'просить', *ordonner* 'приказывать', *contraindre* 'принуждать', *persuader* 'убеждать', *dissuader* 'разубеждать', *permettre* 'позволять', *aider* 'помогать', *contribuer* 'способствовать', *défendre* 'запрещать', и др.). С другой стороны, рассматриваются два типа причинных конструкций: полипредикативные (сложноподчиненные предложения с придаточными причины) и именные (простые предложения, в которых причина выражается предложно-именным оборотом). Между КК и ПК устанавливается возможность синонимических трансформаций и делается вывод о сходстве и различии их грамматических значений по признаку произвольной/непроизвольной каузации (или причины). Произвольная каузация имеет место в агентивной ситуации, при наличии активного агенса-каузатора. Непроизвольная каузация происходит в ситуации, когда одно событие порождает другое, влияет на него, или влияет на положение, настроение и поведение человека. В статье делаются следующие выводы: 1) факитивная конструкция *faire* + Inf. может выражать два грамматических значения: произвольную каузацию или активное целенаправленное действие человека и причину; 2) пермиссивная конструкция при одушевленном личном имени в позиции подлежащего выражает произвольную или непроизвольную каузацию, а при неодушевленном имени в позиции подлежащего выражает причинно-следственные отношения; 3) знаменательные каузативные глаголы могут выражать оба названных значения; 4) причинные конструкции, как именные, так и полипредикативные, не выражают произвольной каузации и всегда имеют причинное значение.

Ключевые слова

конструкции каузативные, причинные; каузация произвольная, непроизвольная, причина, агенс, пациенс

Благодарности

Выражаю благодарность Наталье Михайловне Заике и Виктору Самуиловичу Храковскому за ценные замечания, которые помогли автору улучшить статью, а также информантам Cédric Baudeu и Anna Morozova-Baudeu, которые одобрили примеры, приведенные в статье.

Для цитирования

Корди Е. Е. Причина и произвольная каузация (на материале французского языка) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 4. С. 5–17. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-4-5-17

© Корди Е. Е., 2023

Cause and Random Causation (on French Data)

Elena E. Kordi

The Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
Saint-Petersburg, Russian Federation

Kordi2005@mail.ru

Abstract

This article addresses the semantic similarities and differences between causative constructions (CiveC) and causal constructions (CsalC) in French, with its findings probably relevant for typology studies as well. A contrastive syntactic and semantic analysis of the two construction types shows that while syntactically different, they are similar semantically in that both express cause vs. consequence relations. This similarity is not, however, complete. French has three types of CiveCs: factitive constructions with the auxiliary *faire*, permissives with the auxiliary *laisser*, and constructions with notional causative verbs. Causal constructions exist in two types – mult clause constructions, and nominal constructions. Revealing the ability of CiveCs and CsalCs to undergo mutual synonymic transformations, the article concludes that the similarities/differences of their grammatical meanings depend on the randomness/non-randomness of the causation (cause). Random causation takes place in agency situations with active agents. Non-random causation emerges where one event generates/impacts the other one. The conclusions are the following: 1) the factitive construction *faire* + Inf. can express two grammatical meanings: a) cause, b) random causation/active purposive action; 2) permissive constructions normally express random causation, except for constructions with inanimate subjects; 3) notional causative verbs can express both meanings above; 4) causal, both nominal and mult clause, constructions never express random causation, invariably signaling cause.

Keywords

causative constructions, causal constructions, random causation, non-random causation, cause, agent, patient

Acknowledgements

I'm grateful to N. M. Zaika and V. S. Khrakovsky for their valuable comments that helped me improve this paper, and to my consultants Cédric Baudeu and Anna Morozova-Baudeu who have checked and approved the French examples used.

For citation

Kordi E. E. Cause and random causation (on French data). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, vol. 21, no. 4, pp. 5-17. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-4-5-17

Введение

В данной статье ставится задача показать семантическое сходство и семантическое различие между каузативными конструкциями (КК) и причинными конструкциями (ПК) во французском языке. Представляется, что эти наблюдения могут иметь и типологическое значение.

Изучение каузативных конструкций с позиций типологии в СССР началось в прошлом веке. Этим конструкциям была посвящена коллективная монография [Холодович (ред.), 1969].

Мысль о том, что и причинные, и каузативные конструкции выражают причинно-следственные отношения и это объединяет их по значению, была высказана уже тогда в статье В. П. Недялкова и Г. В. Сильницкого [Недялков, Сильницкий, 1969. С. 6]. Детальное описание механизмов образования каузативной конструкции в разноструктурных языках дается в работах [Dixon, 2000; Shibatani, 1976, 2002; Comrie, Polinsky, 1993].

Причинные конструкции изучались обычно вне связи с каузативными. Полипредикативные причинные конструкции (ППК) с типологических позиций описаны на материале разных языков. Обобщение и подробную библиографию можно найти в работе Н. М. Заики [Заика, 2019].

Большое количество работ посвящено значению причинных предлогов [Иорданская, Мельчук, 1996; Левонтина, 2003; Богуславская, Левонтина, 2004; Israeli, 2015]. Большая статья С. С. Сая, специально посвященная типологии именных причинных конструкций (ИПК), находится в печати [Сай, 2021].

В последние годы появились работы, в которых сопоставляются причинные и каузативные конструкции и выявляется их семантическое сходство и различие между ними [Крылов, 2020; Храковский, 2020, 2021; Генюшене, 2022].

1. Синтаксис каузативных конструкций

Каузативные конструкции представлены простыми предложениями, в которых подлежащее выражает агенса-каузатора или причину, а каузация маркируется в глаголе-сказуемом. Во французском языке есть два полувспомогательных каузативных глагола, которые употребляются с инфинитивом полнозначных глаголов: *faire* ‘делать’ с фактитивным (побудительным) значением ‘делать так, что/чтобы’, ‘заставлять’ и *laisser* с пермиссивным значением: ‘позволять’, ‘допускать’. Эти глаголы в грамматике ‘Le bon usage’ названы в числе полувспомогательных, поскольку они не полностью утрачивают свое лексическое значение в каузативном употреблении [Grevisse, Goosse, 2008. Р. 1037–1039]. При помощи этих глаголов образуются два типа каузативных конструкций: фактитивная (1), и пермиссивная (2):

(1) Paul nous a fait rire toute la soirée.¹ *Поль смешил нас весь вечер.*

(2) Pierre nous a laissé entrer. *Пьер позволил нам войти* (т. е. не стал препятствовать).

Кроме того, каузация может выражаться полнозначными глаголами, такими как *ordonner* ‘приказывать’, *prier* ‘просить’, *contraindre* ‘заставлять’ и др. В монографии [Корди, 1988. С. 111–120] проанализированы значения фактитивной и пермиссивной конструкций в различных типах представленных ими ситуаций. Типы ситуаций определяются по значению каузативного глагола, а также по одушевленности/неодушевленности, личности/неличности, субъекта и объекта каузации.

2. Грамматические значения каузативных конструкций

2.1. Грамматические значения фактитивной конструкции

При описании значения каузативных конструкций обычно различают непроизвольную и произвольную каузацию [Dixon, 2000. Р. 34; Gaatone, 2015. Р. 180; Mel’čuk, 2015. Р. 7].

Грамматические значения фактитивной конструкции проанализированы в [Корди, 1988. С. 111–115]. Подавляющее большинство фактитивных конструкций имеет в позиции подлежащего личное имя, обозначающее агенса (каузатора) и выражает произвольную каузацию. Это может быть воздействие каузатора на одушевленного личного пациенса: побуждение к действию (3), (5) или прямое действие (4); при этом если глагол в инфинитиве переходный, то пациенс может не называться (5), (6):

(3) Avec une politesse méfiante, elle inspecta Annette, et elle la fit entrer dans un petit salon... [Roland, 1955. С. 292]. *Она окинула Аннетт вежливо-настороженным взглядом и пригласила ее пройти в небольшую гостиную...*²

(4) Christophe essaya de se relever: le petit bourgeois le poussa et le fit retomber [Rolland, 1957. С. 80]. *Кристоф хотел было подняться, но этот буржуйчик снова толкнул его и сбил с ног.*

(5) Pour éviter l’encombrement, derrière eux le chef de gare fit fermer les grilles [Daudet. Tartarin de Tarascon. Р. 22]. *Чтобы избежать толчеи, начальник вокзала приказал закрыть за ними решетки.*

(6) ...un bon petit déjeuner qu’il se fit servir au lit... [Daudet. Tartarin de Tarascon. Р. 26]... *вкусный завтрак, который он заказал подать себе в постель.*

¹ Все примеры без ссылки предложены или одобрены информантами автора – носителями французского языка, жителями Лиона Cédric Baudeu и Anna Morozova-Baudeu и даются в авторском переводе.

² Все литературные примеры даны в переводе автора статьи.

Это может быть воздействие человека на предметы, вещи или события. В этой ситуации агентс или действует сам (7), или действует «чужими руками», т. е. организует других людей (8):

(7) ...il fit craquer une allumette suédoise [Sabatier, 1969. P. 100]. ... он чиркнул шведской спичкой.

(8) L'ingénieur voyageait pour la destruction des oeuvres d'art, telles que viaducs, ponts et tunnels. Il en avait une centaine à faire sauter [Amédée Achard. Récits d'un soldat. P. 7]. Работа инженера состояла в том, чтобы ездить по стране и сносить памятники прошлого – виадук, мосты и тоннели. Их надо было взорвать целую сотню.

В отличие от описанных выше случаев фактитивная конструкция может употребляться с неодушевленным подлежащим и иметь значение произвольной каузации. Тогда она обнаруживает семантическое сходство с причинными конструкциями. Для выявления этого сходства рассмотрим возможности синонимических трансформаций каузативных конструкций в причинные. Ниже приводятся примеры фактитивной конструкции, которые допускают синонимическую трансформацию в ПК. Иногда возможны триады, как для (9)–(10), но чаще встречаются только пары (КК и ИПК):

(9) Le froid nous a fait rentrer. Холод заставил нас вернуться.

(9a) Nous sommes rentrés à cause du froid. Мы вернулись из-за холода.

(9б) Nous sommes rentrés parce qu'il faisait froid. Мы вернулись, потому что было холодно.

(10) La pauvreté fait souffrir beaucoup de gens. Бедность мучает многих людей.

(10a) Beaucoup de gens souffrent de la pauvreté. Много людей страдают от бедности.

(10б) Beaucoup de gens souffrent, parce qu'ils sont pauvres. Много людей страдают, потому что они бедны.

(11) Un rien la fait pleurer. Пустяк доводит ее до слез (заставляет плакать).

(11a) Elle pleure pour rien. Она плачет по пустякам.

(12) Le hasard m'a fait rencontrer Pierre. Я встретила Пьера по воле случая.

(12a) J'ai rencontré Pierre par hasard. Я встретила Пьера случайно.

(13) Même son ombre lui fait peur. Даже его (собственная) тень его пугает.

(13a) Il a peur même de son ombre. Он боится даже своей тени.

Из сказанного выше ясно, что фактитивные конструкции четко делятся по своим грамматическим значениям на два типа: конструкции, имеющие значение произвольной каузации и имеющие значение произвольной каузации. Последние связаны синонимическими отношениями с причинными конструкциями, в отличие от первых.

Подтверждением для такого разграничения могут служить разные семантические свойства причины и произвольной каузации: мы различаем причину объективную и субъективную, непосредственную и опосредованную, значение прямого и обратного логического вывода (инференциальное значение). При произвольной каузации различаются: вид каузации: фактитивная, пермиссивная, ассистивная; принудительная/непринудительная каузация; положительная/отрицательная каузация; речевой/неречевой способ каузации; результативная/нерезультативная каузация [Корди, 1988. С. 123–132].

Ниже в первом случае для обозначения субъекта применяется термин «агентс», а для обозначения действия – «произвольная каузация», а во втором случае – термины «причина» и «непроизвольная каузация». Именно потому, что в (9)–(13) выражается причина, здесь возможна трансформация каузативной конструкции в причинную.

Таким образом, если рассматривать причину и произвольную каузацию как разные грамматические значения, можно прийти к выводу, что во французском языке фактитивная конструкция *faire* + Inf. может выражать два грамматических значения: произвольную каузацию, т. е. активное целенаправленное действие человека, и непроизвольную каузацию или причину, т. е. некое событие, оказывающее влияние на человека или на дальнейший ход событий. Причинно-следственные отношения имеют место в обоих случаях, но в первом случае это происходит по воле активного агенса-каузатора.

2.2. Грамматические значения пермиссивной конструкции

Рассмотрим далее грамматическое значение пермиссивной конструкции *laisser* + Inf. В монографии [Корди, 1988. С. 116–121] перечисляются типы ситуаций, в которых употребляется данная конструкция. Если глагол *laisser* сочетается с непереходным глаголом и в роли объекта выступает неодушевленное имя, то имеет место ситуация действий агенса с конкретными предметами, эти действия не требуют от агенса большой активности. В этом случае иногда возникает сочетание значений агентивности и непроизвольной каузации:

(14) Marie laissa tomber son mouchoir. *Мария уронила носовой платок.*

(15) Paul laisse traîner partout ses papiers. *Поль оставляет свои бумаги где попало.*

В (14)–(15) возможны два прочтения: действие непроизвольное и действие намеренное (уронила случайно или намеренно, оставляет случайно или намеренно).

В случаях с личными агенсом и пациенсом имеет место ситуация допущения или невмешательства, при которой инициатива действия принадлежит пациенсу, а агенс пассивен:

(16) Henri a laissé passer les enfants. *Анри пропустил детей.*

(17) Le peintre nous laisse voir ses tableaux. *Художник позволяет нам смотреть свои картины.*

(18) Les élèves étaient fatigués. Le maître les a laissés reposer. *Ученики устали. Учитель дал им время передохнуть.*

Пермиссивная конструкция может также употребляться с неодушевленным именем в позиции подлежащего. См., например:

(19) Quand je portai à mes lèvres le bidon rempli de l'eau puisée dans l'anse qui l'abritait, ma main le laissa retomber sans pouvoir en avaler une gorgée [Amédée Achard. Récits d'un soldat. P. 38]. *Когда я поднес к губам полный бидон воды, набранной из ямки, моя рука не смогла удержать его (или буквально: моя рука позволила ему опуститься...), и я не смог сделать ни глотка.*

(20) Que de morts! Ils portaient presque tous l'uniforme des zouaves. ... Plusieurs, étendus sur le dos, tournaient leur visage blanc vers le ciel; leurs lèvres ouvertes avaient laissé échapper un dernier cri [Amédée Achard. Récits d'un soldat. P. 91]. *Сколько мертвых! Почти все в форме зуавов... Многие лежали на спине, бледным лицом к небу. Из их приоткрытых губ вырвался последний крик (буквально: ...дали вырваться, не смогли удержать).*

В (19) подлежащим является существительное «рука» (кисть), в (20) – «губы», т. е. части тела человека-агенса, поэтому в данных примерах выражается непроизвольное действие агенса.

В других случаях, когда в позиции подлежащего выступают неодушевленные имена, грамматическое значение пермиссивной конструкции приближается к значению причинных конструкций. См., например:

(21) Dans le corridor la porte entr'ouverte laissait passer une rai du jour [Amédée Achard. Récits d'un soldat. P. 14]. *Полуоткрытая дверь пропускала луч света в коридор.*

(22) Les fenêtres étaient ouvertes pour laisser entrer les rayons du soleil d'automne... [Rolland, 1955. P. 359]. *Окна были открыты, чтобы впустить лучи осеннего солнца...*

(23) Sur sa poitrine ensanglantée, et que laissait voir sa chemise entr'ouverte, pendait une plaque de cuir... [Amédée Achard. Récits d'un soldat. P. 26]. *На его окровавленной груди, открытой взору из-за распахнутой рубахи (букв.: ... которую распахнутая рубаха давала возможность видеть), висела медная пластинка.*

В подобных случаях пермиссивная конструкция допускает синонимическую трансформацию в причинную конструкцию:

(21a) Comme la porte du corridor était entr'ouverte, un rai du jour y passait. *Так как дверь в коридор была приоткрыта, туда пробивался луч света.*

(22a) Comme les fenêtres étaient ouvertes, les rayons du soleil d'automne entraient dans la chambre. *Так как окна были открыты, лучи осеннего солнца проникали в комнату.*

(23a) Comme sa chemise était entr'ouverte, on pouvait voir une plaque de cuir qui pendait sur sa poitrine ensanglantée. *Поскольку рубаша не была застегнута, можно было видеть медную пластинку, которая висела на его окровавленной груди.*

В большинстве случаев это однотипные примеры, подобные приведенным выше. Конструкция в примере (23) имеет дополнительное значение: воздействие внешних обстоятельств на восприятие человека.

Синонимическая связь пермиссивных конструкций с причинными проявляется только при неодушевленном имени в позиции подлежащего. Это объединяет пермиссивную конструкцию с фактитивной.

2.3. Грамматические значения конструкций со знаменательными каузативными глаголами

Помимо полувспомогательных каузативных глаголов, во французском языке есть более сотни знаменательных каузативных (причинных) глаголов, классификация которых и подробный семантический анализ даны в [Корди, 1988. С. 121–140]. Причинные предикаты анализируются также очень подробно в [Gross, 2015. Р. 17–35], где дается и их классификация.

Учитывая тему настоящей работы, нас интересует, прежде всего, сочетаемость каузативных глаголов с именами в функции подлежащего и в функции дополнения. В зависимости от их сочетаемости употребление знаменательных каузативных глаголов распределяется по четырем типам денотативных ситуаций:

- 1) отношения между людьми;
- 2) воздействие людей на предметы или события;
- 3) воздействие событий на людей;
- 4) воздействие одного события на другое.

Ситуация 1 выражается каузативными глаголами, которые сочетаются с одушевленными личными именами в позициях субъекта и объекта, как например, глаголы речи (или декларативные): *ordonner* 'приказывать', *défendre* 'запрещать', *prier* 'просить', *proposer* 'предлагать', *supplier* 'умолять', *inviter* 'приглашать', *persuader* 'убеждать', *demander* 'просить, требовать'. Например:

(24) ...on m'avait demandé de rédiger un rapport [Rolland, 1955. Р. 414]. *...меня попросили написать доклад.*

Компоненты ситуации: агенс, пациенс, произвольная каузация, каузируемое действие.

Ситуация 2 (воздействие человека на события) включает компоненты: агенс, произвольная каузация, каузируемое событие.

(25) Si l'on avait convenu d'une promenade pour le dimanche, elle partait, sans prévenir... Ou, au dernier moment, elle décommandait la réunion projetée [Rolland, 1955. Р. 310]. *Если мы договаривались о прогулке в воскресенье, она могла уйти, не предупредив... Или в последний момент отменяла встречу.*

Для передачи этого значения употребляются каузативные глаголы, имеющие две валентности: на агенс и на каузируемое событие, такие как *décider* 'решать', *commander* 'заказывать', *décommander* 'отменять', *aider* 'помогать', *contribuer* 'способствовать' и др. Конкретный исполнитель в этом случае не называется.

Ситуация 3 (воздействие обстоятельств или событий на людей) может быть проиллюстрирована примером:

(26) Elle savait maintenant où trouver le travail. Ses diplômes <...> lui assuraient la supériorité [Rolland, 1955. Р. 314]. *Теперь она знала, где найти работу. Ее дипломы обеспечивали ей преимущество.*

Каузативный глагол в данном случае выражает причину, поэтому здесь возможна трансформация в причинную конструкцию:

(26a) Grâce à ses diplômes, elle était sûre de sa supériorité. *Благодаря своим дипломам она была уверена в своем превосходстве.*

В подобных примерах обстоятельства и события воздействуют на настроение, мысли, поведение человека. Компоненты ситуации: причина, произвольная каузация, пациенс, каузиремое состояние. Для обозначения этой ситуации используются трехвалентные каузативные глаголы, которые могут сочетаться с неодушевленным именем в позиции подлежащего и личным именем в позиции дополнения: *causer* 'причинять', *pousser* 'толкать', *obliger* 'обязывать', *contraindre* 'заставлять', *assurer* 'обеспечивать' и др.

Ситуация 4 (воздействие одних событий на другие, одного положения дел на другое). Для передачи этой ситуации употребляются двухвалентные каузативные глаголы с соответствующей сочетаемостью: *faciliter* 'облегчать', *contribuer* 'способствовать', *empêcher* 'мешать', *favoriser* 'благоприятствовать', *permettre* 'позволять', *obliger* 'заставлять'.

См., например:

(27) La maison était grande, coiffée d'un grenier haut. La pente raide de la rue obligeait les écuries et les remises, les poulaillers, la buanderie à se blottir en contrebas tout autour d'une cour fermée [Colette. La maison de Claudine. P. 1]. *Дом был большой, с высоким чердаком. Круто наклонная улица заставляла конюшни, каретные сараи, курятники, прачечную тесниться внизу у самого забора закрытого двора.*

В данном случае крутой наклон улицы приводит к тесноте возле дома.

Компоненты ситуации: причина, произвольная каузация (воздействие), объект воздействия, следствие. В большинстве случаев такая каузативная конструкция допускает синонимическую трансформацию в ПК:

(27a) A cause de la pente raide de la rue les écuries et les remises, les poulaillers, la buanderie se blottissaient en contrebas tout autour d'une cour fermée. *Из-за крутого наклона улицы конюшни, каретные сараи, курятники, прачечная теснились внизу у самого забора закрытого двора.*

Таким образом, конструкции, в которых выражается произвольная каузация, обнаруживают синонимию с причинными конструкциями, в отличие от конструкций со значением произвольной каузации.

По своему значению каузативные глаголы характеризуются рядом признаков, которые перечислены выше. При произвольной каузации реализуются все семантические признаки, при произвольной — исключается речевой способ и признак принудительности.

3. Синтаксис причинных конструкций

По своему синтаксическому устройству причинные и каузативные конструкции различаются. ППК представляют собой сложные предложения, где в главной части выражается следствие, а в зависимой части — причина. Зависимая часть является в них обстоятельством причины:

(28) Je suis fatiguée, parce que j'ai travaillé toute la journée. *Я устала, потому что работала целый день.*

(29) Je pense que l'enfant est malade puisqu'il pleure tout le temps. *Я думаю, что ребенок болен, потому что он все время плачет.*

ИПК являются простыми предложениями, включающими предложные именные группы в функции обстоятельства:

(30) Nous avons acheté cette maison à cause de sa situation au bord de la mer. *Мы купили этот дом из-за его расположения на берегу моря.*

(31) Tous les jours, des gens meurent de faim sur cette planète... (Франц. корпус FRA_EUROPPARL) *Каждый день на этой планете люди умирают от голода...*

В обоих случаях причина выражена обстоятельством, является новой информацией и находится под логическим ударением.

4. Грамматические значения причинных конструкций

В ППК значение причины выражается при помощи придаточных предложений (32) или инфинитивных (33), причастных (34) и герундиальных оборотов:

(32) La vitesse du Bonadventure n'était que très modérée alors, parce que la brise... gonflait à peine ses voiles [J. Verne. L'île mystérieuse. P. 297]. *Скорость Бонадвенчера была тогда очень умеренной, потому что бриз... едва надувал паруса.*

(33) Pour avoir copié sur son voisin, Pierre a eu un zéro. *За то, что он списал у соседа по парте, Пьер получил ноль.*

(34) Et Elodie? Ne le voyant pas dans la rue, elle avait dû le chercher partout [Sabatier, 1969. P. 59]. *А что делала Элоди? Не видя его на своей улице, она, должно быть, искала его повсюду.*

В зависимой части этих предложений выражается ситуация-причина, а в главной части – ситуация-следствие. В сложноподчиненных предложениях значение причины выражается подчинительными союзами *parce que* ‘потому что’, *puisque* ‘поскольку’ и др. Эти союзы являются специализированными причинными коннекторами. Но причинные коннекторы могут отсутствовать, и причинно-следственные отношения могут выражаться сложными бессоюзными предложениями или двумя независимыми простыми предложениями. Предложения, в которых отсутствуют причинные коннекторы, но причинно-следственные отношения выражаются другими средствами, анализировались в работе [Moeschler, 2015]. Автор дает следующие примеры:

(35) Jean s'est cassé la jambe, parce qu'il est tombé dans un précipice [Moeschler, 2015. P. 36]. *Жан сломал ногу, потому что упал в пропасть.*

(35a) Jean s'est cassé la jambe. Il est tombé dans un précipice. [Moeschler, 2015. P. 36]. *Жан сломал ногу. Он упал в пропасть.*

Признавая эти два высказывания синонимичными, автор объясняет различие между ними с точки зрения прагматики, доказывая, что наличие коннекторов облегчает трактовку высказывания. В полипредикативных причинных конструкциях наличие коннекторов *parce que*, *puisque*, *et*, *donc* показывает наличие и направление причинной связи, что не всегда понятно при отсутствии коннекторов.

С учетом темы настоящей статьи возникает вопрос, могут ли причинные конструкции выражать произвольную каузацию. Полипредикативные ПК состоят из двух частей, в которых выражаются ситуация-причина и ситуация-следствие. Иначе говоря, они всегда выражают непроизвольную каузацию, ибо одна ситуация оказывает воздействие на другую.

В ИПК причинное значение выражается предлогами. Только два предлога: *à cause de* ‘по причине, из-за’ и *grâce à* ‘благодаря’ могут сочетаться как с неодушевленными, так и с одушевленными личными именами. В последнем случае причина представлена как лицо при помощи метонимического переноса значения [Сай, 2021]:

(36) À cause de lui, la discussion a pris un tour dangereux... [J.-M. Guenassia. Le Club des incorrigibles optimistes. P. 34]. *Из-за него дискуссия приняла опасный оборот.*

(37) Sa tête fut mise à prix, et, s'il ne se rencontra pas un traître pour la livrer, son père, sa mère, sa femme, ses enfants payèrent pour lui avant même qu'il pût connaître les dangers qu'à cause de lui ils couraient... [J. Verne. L'île mystérieuse. P. 638]. *За его голову была назначена награда, и если не нашлось предателя на его голову, то его отец, мать, жена и дети пострадали за него еще до того, как он узнал об опасности, которой они из-за него подвергались.*

(38) Vous savez que, si quelqu'un peut un jour faciliter à votre fils l'acquisition d'une étude, c'est moi; c'est grâce à moi que le voici troisième clerc de notaire, et qu'il achève son droit [H. de Balzac. La cousine Bette. P. 5]. *Вы знаете, что если кто-нибудь может помочь вашему сыну в приобретении конторы, то это я; это благодаря мне он сейчас третий помощник нотариуса и заканчивает юридический факультет.*

Именная группа, состоящая из предлога и имени лица, имеет здесь значение причины, но не может выражать произвольную каузацию. Произвольная каузация выражается только тремя типами каузативных конструкций, обозначенными выше.

С большой степенью вероятности эти положения могут иметь типологическое значение. В тех языках, где есть морфологический каузатив или вспомогательные каузативные глаголы, каузативная конструкция служит, главным образом, для выражения произвольной каузации. Выражать причину она может только при неодушевленном имени в позиции подлежащего, а причинные конструкции служат исключительно для выражения непроизвольной каузации, т. е. причины. Полнозначные каузативные глаголы везде передают оба названных значения.

Заключение

Анализ французских каузативных и причинных конструкций приводит к следующим выводам.

1. Фактитивная конструкция в зависимости от значения подлежащего может выражать и произвольную каузацию, и причину, но в большей части употреблений преобладает первое значение.

2. Пермиссивная конструкция, как правило, употребляется с личным агенсом, который может осуществлять как произвольную каузацию, так и непроизвольную. Исключением являются конструкции с неодушевленным именем в позиции подлежащего, имеющие значение причины.

3. Знаменательные каузативные глаголы могут выражать оба названных значения. Каждый глагол имеет свой, характерный для него набор ситуаций, которые он может выражать. По своему значению каузативные глаголы характеризуются рядом признаков: каузация фактитивная, пермиссивная, ассистивная, принудительная/непринудительная, положительная/отрицательная, речевая/неречевая, результативная/нерезультативная. При произвольной каузации реализуются все семантические признаки, при непроизвольной исключается речевой способ и признак принудительности.

4. Причинные конструкции, как именные, так и полипредикативные, не выражают произвольной каузации и всегда имеют причинное значение.

5. По-видимому, эти положения могут иметь типологическое значение. В тех языках, где есть морфологический каузатив или вспомогательные каузативные глаголы, каузативная конструкция служит главным образом для выражения произвольной каузации, а причинные конструкции используются для выражения непроизвольной каузации. Полнозначные каузативные глаголы везде передают оба названных значения.

Список литературы

- Богуславская О. Ю., Левонтина И. Б. Смыслы 'причина' и 'цель' в естественном языке. Вопросы языкознания, 2004. № 2. С. 68–88. URL: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/2004-2/68-88> (дата обращения: 28.06.2023).
- Генюшене Э. В. Актантные соответствия в конструкциях каузативных оппозиций литовского языка / Verus convictor, verus academicus. К 70-летию Николая Николаевича Казанского.

- СПб.: ИЛИ РАН, 2022. С. 160–172. URL: <https://nenadict.iling.spb.ru/publications/333> (дата обращения: 28.06.2023).
- Заика Н. М.** Полипредикативные причинные конструкции в языках мира: пространство типологических возможностей // ВЯ, 2019. №4, С. 7–32. URL: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/2019-4/7-32> (дата обращения: 28.06.2023).
- Иорданская Л. Н., Мельчук И. А.** К семантике русских причинных предлогов (ИЗ-ЗА любви ~ ОТ любви ~ ИЗ любви ~ *С любви ~ ПО любви) // Московский лингвистический журнал. 1996. № 2. С. 162–211. URL: <http://mj.l.rsu.ru/issues/issue2.html> (дата обращения: 28.06.2023).
- Корди Е. Е.** Модальные и каузативные глаголы во французском языке, СПб., 1988.
- Крылов С. А.** Семантическая категория каузальности (причинности) и способы ее выражения в русском языке // Причинные конструкции в языках мира (синхрония, диахрония, типология): Материалы междунар. конф. / Заика Н. М. (ред.). СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 108–111. URL: <https://nenadict.iling.spb.ru/publications/339> (дата обращения: 28.06.2023).
- Недялков В. П., Сильницкий Г. Г.** Типология каузативных конструкций // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Холодович А. А. (ред.). Л.: Наука, 1969. С. 5–19. URL: <https://iling.spb.ru/publications/1692> (дата обращения: 28.06.2023).
- Недялков В. П., Сильницкий Г. Г.** Типология морфологического и лексического каузативов // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Холодович А. А. (ред.). Л.: Наука, 1969. С. 20–50. URL: <https://iling.spb.ru/publications/1692> (дата обращения: 28.06.2023).
- Сай С. С.** Именные причинные конструкции: параметры типологической вариативности и исследовательская анкета // Типология причинных конструкций. Заика Н. М. (ред.). СПб.: ИЛИ РАН, 2021. (рукопись) URL: https://www.academia.edu/42025922/Именные_причинные_конструкции_параметры_типологической_вариативности_и_исследовательская_анкета (дата обращения: 28.06.2023).
- Холодович А. А.** (ред.). Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л.: Наука, 1969.
- Храковский В. С.** О соотношении причинных и каузативных конструкций // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. 2020. № 42(3). С. 64–70. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-prichinnyh-i-kauzativnyh-konstruktsiy> (дата обращения: 28.06.2023).
- Храковский В. С.** Опыт сопоставительного анализа причинных и каузативных конструкций // ВЯ. 2021. № 5. С. 7–25. URL: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/2021-5/7-25> (дата обращения: 28.06.2023).
- Comrie B., Polinsky M. (eds.).** Causatives and transitivity. Amsterdam: John Benjamins, 1993.
- Dixon R. M. W.** A typology of causatives: Form, syntax and meaning. Changing valency: Case studies in transitivity. Dixon R. M. W., Aikhenvald A. Y. (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000. P. 30–83.
- Gaatone D.** Le jeu complexe de deux constructions causatives en français: quelques remarques // «La Grammaire de la Cause / The Grammar of Causation», Paris, 23–24 octobre 2015. P. 179–198. URL: https://lettres.sorbonne-universite.fr/sites/default/files/media/2020-05/la_grammaire_de_la_cause_actes.pdf (дата обращения: 28 июня 2023).
- Grevisse M., Goosse A.** Le bon usage. Grammaire française. De Boeck & Larcier, Bruxelles, 2008. 14-th edition
- Gross G.** Prédicats de cause du premier et du second ordre // «La Grammaire de la Cause/ The Grammar of Causation», Paris, 23–24 octobre 2015. P. 17–36. URL: https://lettres.sorbonne-universite.fr/sites/default/files/media/2020-05/la_grammaire_de_la_cause_actes.pdf (дата обращения: 28.06.2023).
- Israeli A.** Russian causal prepositions: internal vs. external cause and impact // La grammaire de la cause / The grammar of causation. Actes du colloque international, Paris, 23–24 octobre 2015.

- P. 205–222. URL: https://lettres.sorbonne-universite.fr/sites/default/files/media/2020-05/la_grammaire_de_la_cause_actes.pdf (дата обращения: 28.06.2023).
- Viellard S., Thomières I. (eds.)**. Paris, 2015, 205–222. Mel'čuk 2015: Mel'čuk I. La causation dans la langue // La Grammaire de la Cause / The Grammar of Causation, Paris, 23–24 octobre 2015. P. 7–16. URL: https://lettres.sorbonne-universite.fr/sites/default/files/media/2020-05/la_grammaire_de_la_cause_actes.pdf (дата обращения: 28.06.2023).
- Moeschler J.** Avec ou sans ? Une approche pragmatique des discours causaux explicités et implicites // La Grammaire de la Cause / The Grammar of Causation, Paris, 23–24 octobre 2015. P. 36–51. URL: https://lettres.sorbonne-universite.fr/sites/default/files/media/2020-05/la_grammaire_de_la_cause_actes.pdf (дата обращения: 28.06.2023).
- Shibatani M. (ed.)** The grammar of causative constructions. New York: Academic Press, 1976.
- Shibatani M. (ed.)**. The grammar of causation and interpersonal manipulation. Amsterdam: John Benjamins, 2002.

Список источников

- Achard A.** Récits d'un soldat (1871) (Document électronique)
- Daudet A.** Aventures prodigieuses de Tartarin de Tarascon (Document électronique)
- de Balzac H.** La cousine Bette. (Document électronique)
- Colette 1922. La maison de Claudine (Document électronique)
- Guenassia J.-M.** Le Club des incorrigibles optimistes (Document électronique)
- Verne J.** L'île mystérieuse (Document électronique)
- Rolland R.** L'âme enchantée. Литература на иностранных языках. М., 1955. 829 с.
- Rolland R.** Jean-Christophe, vol. 1. Литература на иностранных языках. М., 1957. 452 с.
- Sabatier R.** Les allumettes suédoises. Paris: Edition Albin Michel, 1969. 312 p.
- Французский корпус FRA EUROPARL

References

- Boguslavskaya O. Yu., Levontina I. B.** Smysly 'prichina' i 'tsel' v yestestvennomyazyke [Meaning of 'cause' and 'purpose' in natural language]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2004. No. 2. P. 68–88. URL: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/2004-2/68-88> (accessed on 28.06.2023).
- Geniušienė E.** Aktantnyye sootvetstviya v konstruktsiyakh kauzativnykh oppozitsiy litovskogo yazyka [Argument correspondences in causative opposition constructions in Lithuanian]. In: *Ve rus convictor, verus academicus. K 70-letiyu Nikolaya Nikolayevicha Kazanskogo* [To the 70th birthday of N. N. Kazansky]. P. 160–172. URL: <https://nenadict.iling.spb.ru/publications/333> (accessed on 28.06.2023).
- Zaika N.** Polipredikativnyye prichinnyye konstruktsii v yazykakh mira: prostranstvo tipologicheskikh vozmozhnostey [Multiclausercausal constructions across languages: a space for typological possibilities] *Voprosy yazykoznaniya*. 2004. No. 4, 2019. P. 7–32. URL: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/2019-4/7-32> (accessed on 28.06.2023).
- Iordanskaya L., Mel'chuk I.** K semantike russkikh prichinnykh predlogov (IZ*ZA lyubvi ~ OT lyubvi ~ IZ lyubvi ~ *S lyubvi ~ PO lyubvi) [On the meaning of Russian causal pronouns (IZ-ZA lyubvi ~ OT lyubvi ~ IZ lyubvi ~ *S lyubvi ~ PO lyubvi)]. In: *Moskovskiy lingvisticheskiy zhurnal*, 1996, 2. P. 162–211. URL: <http://mj.l.rusuh.ru/issues/issue2.html> (accessed on 28.06.2023).
- Kordi E.** Modalnye i kausativnye glagoly vo frantsuskom yazyke [Modal and causative verbs in French]. Spb., 1988.
- Krylov S.** Semanticheskaya kategoriya kauzalnosti (prichinnosti) i sposoby yeye vyrazheniya v russkom yazyke [The semantic category of causality and the means of its expression in Russian]. In: Prichinnyye konstruktsii v yazykakh mira (sinkhroniya, diakhroniya, tipologiya). *Materialy*

- mezhdunarodnoy konferentsii [Causal constructions in languages of the world (synchrony, diachrony, typology). Proceedings of an international conference].* Zaika N. M. (ed.). SPb.: ILI RAN, 2020. P. 108–111. URL: <https://nenadict.iling.spb.ru/publications/339> (accessed on 28.06.2023).
- Nedjalkov V. P., Silnitsky G. G.** Tipologiya kauzativnykh konstrukciy. In: Tipologiya kauzativnykh konstrukciy. Morfologičeskij kauzativ [*A Typology of Causative Constructions. Morphologic al Causative*]. Kholodovich A. A. (ed.) Leningrad: Nauka, 1969. P. 5–19. URL: <https://iling.spb.ru/publications/1692> (accessed on 28.06.2023).
- Nedjalkov V. P., Silnitsky G. G.** Tipologiya morfologičeskogo i leksičeskogo kauzativov [A typology of morphological and lexical causatives]. In: *Tipologiya kauzativnykh konstrukciy. Morfologičeskij kauzativ* [A typology of Causative Constructions. Morphological Causative]. Kholodovich A. A. (ed.) Leningrad: Nauka, 1969. P. 20–50. URL: <https://iling.spb.ru/publications/1692> (accessed on 28.06.2023).
- Say S.** Imennyye prichinnyye konstruksii: parametry tipologičeskoy variativnosti i issledovatel'skaya anketa [Nominal causal constructions: the parameters of typological variability and a tentative questionnaire]. In: *Tipologiya prichinnykh konstruksiy [A Typology of causal constructions]*. Zaika N. M. (ed.). SPb.: ILIRAN, 2021 (manuscript). URL: https://www.academia.edu/42025922/Именные_причинные_конструкции_параметры_типологической_вариативности_и_исследовательская_анкета (accessed on 28.06.2023).
- Kholodovich A. A. (ed.)** Tipologiya kauzativnykh konstrukciy. Morfologičeskij kauzativ. [A Typology of Causative Constructions. Morphological Causative]. Leningrad: Nauka, 1969.
- Khrakovsky V.** O sootnoshenii prichinnykh i kauzativnykh konstruksiy [On correlation between causal and causative construction]. In: *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Petrozavodsk State University], 2020, 42(3). P. 64–70. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-prichinnyh-i-kauzativnyh-konstruksiy> (accessed on 28.06.2023).
- Khrakovsky V.** Opyt sopostavitelnogo analiza prichinnykh i kauzativnykh konstruksiy [A tentative contrastive analysis of causal and causative constructions]. In: *Voprosy yazykoznanija* No. 5, 1921. P. 7–25. URL: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/2021-5/7-25> (accessed on 28.06.2023).
- Comrie B., Polinsky M. (eds.)**. Causatives and transitivity. Amsterdam: John Benjamins, 1993.
- Dixon R. M. W.** A typology of causatives: Form, syntax and meaning. Changing valency: Case studies in transitivity. Dixon R. M. W., Aikhenvald A. Y. (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000. P. 30–83.
- Gaatone D.** Le jeu complexe de deux constructions causatives en français: quelques remarques // «*La Grammaire de la Cause/ The Grammar of Causation*», Paris, 23–24 octobre 2015. P. 179–198. URL: https://lettres.sorbonne-universite.fr/sites/default/files/media/2020-05/la_grammaire_de_la_cause_actes.pdf (accessed on 28.06.2023).
- Grevisse M., Goosse A.** Le bon usage. Grammaire française. De Boeck & Larcier, Bruxelles, 2008.
- Gross G.** Prédicats de cause du premier et du second ordre // «*La Grammaire de la Cause/ The Grammar of Causation*», Paris, 23–24 octobre 2015. P. 17–36. URL: https://lettres.sorbonne-universite.fr/sites/default/files/media/2020-05/la_grammaire_de_la_cause_actes.pdf (accessed on 28.06.2023).
- Israeli A.** Russian causal prepositions: internal vs. External cause and impact // *La grammaire de la cause / The grammar of causation. Actes du colloque international*, Paris, 23–24 octobre 2015. P. 205–222. URL: https://lettres.sorbonne-universite.fr/sites/default/files/media/2020-05/la_grammaire_de_la_cause_actes.pdf (accessed on 28.06.2023).
- Viellard S., Thomières I. (eds.)**. Paris, 2015, 205–222. Mel'čuk 2015: Mel'čuk I. La causation dans la langue // *La Grammaire de la Cause / The Grammar of Causation*, Paris, 23–24 octobre 2015. P. 7–16. URL: https://lettres.sorbonne-universite.fr/sites/default/files/media/2020-05/la_grammaire_de_la_cause_actes.pdf (accessed on 28.06.2023).

- Moeschler J.** Avec ou sans ? Une approche pragmatique des discours causaux explicites et implicites // *La Grammaire de la Cause/ The Grammar of Causation*, Paris, 23–24 octobre 2015. P. 36–51.
URL: https://lettres.sorbonne-universite.fr/sites/default/files/media/2020-05/la_grammaire_de_la_cause_actes.pdf (accessed on 28.06.2023).
- Shibatani M. (ed.)** The grammar of causative constructions. New York: Academic Press, 1976.
- Shibatani M. (ed.)**. The grammar of causation and interpersonal manipulation. Amsterdam: John Benjamins, 2002.

Sources

- Achard A.** Récits d'un soldat (1871) (Electronic resource)
- Daudet A.** Aventures prodigieuses de Tartarin de Tarascon (Electronic resource)
- de Balzac H.** La cousine Bette (Electronic resource)
- Colette 1922. La maison de Claudine (Electronic resource)
- Guenassia J.-M.** Le Club des incorrigibles optimistes (Electronic resource)
- Verne J.** L'île mystérieuse (Electronic resource)
- Rolland R.** L'âme enchantée. Foreign language literature. Moscow, 1955. 829 p.
- Rolland R.** Jean-Christophe, vol. 1. Foreign language literature. Moscow, 1957. 452 p.
- Sabatier R.** Les allumettes suédoises. Paris, Edition Albin Michel, 1969, 312 p.
- French Corps FRA EUROPARL

Информация об авторе

Корди Елена Евгеньевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН

Information about the Author

Elena E. Kordi, Dr. of Philology, Leading Researcher, The Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russian Federation

*Статья поступила в редакцию 28.06.2023;
одобрена после рецензирования 25.09.2023; принята к публикации 26.09.2023*
*The article was submitted 28.06.2023;
approved after reviewing 25.09.2023; accepted for publication 26.09.2023*

Научная статья

УДК 81'33

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-4-18-36

Стилистические пометы «книжное» и «разговорное» во фразеологических словарях

Екатерина Михайловна Арбузова¹, Олег Владимирович Дурандин²,
Юлия Алексеевна Карабасова³, Маргарита Андреевна Климова⁴

¹ПАО «Сбербанк»,
Нижний Новгород, Россия

²Независимый исследователь,
Нижний Новгород, Россия

³ООО «ОК “Вета”»,
Нижний Новгород, Россия

⁴Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Нижний Новгород, Россия

¹emarbuzova@sberbank.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7147-1893>

²oleg.durandin@gmail.com

³karabasova@veta.expert, <https://orcid.org/0009-0007-8307-9293>

⁴mfokina@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2249-6396>

Аннотация

Статья посвящена анализу распределения стилистических помет *книжное* и *разговорное* во фразеологических словарях, их взаимосвязи с другими пометами и верификации соответствующих помет русскоязычных фразеологизмов с помощью корпусно-ориентированного подхода. Анализ проведен на материале электронного датасета, включающего четыре фразеологических словаря. В результате исследования выявлены значительные различия между словарями в наборе помет, в наполненности стилистической информацией, в востребованности конкретных помет, в стилистической характеристике отдельных фразеологизмов. Для определения статистически значимой взаимосвязи помет *книжное* и *разговорное* с другими пометами был использован метод индуктивной статистики «хи-квадрат». Значимой признана взаимосвязь помет *книжное* и *высокое, устаревшее* и *книжное*, а также взаимосвязь пометы *разговорное* и эмоционально-экспрессивных помет. Основные случаи несовпадения, затрагивающие пометы *книжное* и *разговорное*, включают квалификацию фразеологизма как разговорного в одном словаре и как просторечного – в другом, а также несовпадение пометы *книжное*, с одной стороны, и *просторечное* или *разговорное*, с другой стороны. Для выявления фразеологизмов, стилистические свойства которых, а именно принадлежность к книжным или разговорным, обоснованы количественными характеристиками в соответствующих дискурсах, был применен корпусно-ориентированный подход. В результате анализа встречаемости фразеологизмов в корпусах художественных текстов и разговорной речи было обнаружено, что менее половины исследованных единиц тяготеет к преобладающему употреблению в корпусе, соответствующему присвоенной помете. Отдельно рассмотрены спорные случаи, представляющие собой фразеологизмы, которые в части словарей охарактеризованы как книжные, в то время как в других словарях имеют помету *разговорное*. Подобные фразеологизмы продемонстрировали преимущественное тяготение к употреблению в книжной речи. Опыт применения корпусно-ориентированного подхода к книжным и разговорным фразеологизмам позволил сделать вывод о том, что данный подход может быть использован для присвоения помет и их верификации при условии учета технических ограничений и гетерогенности словников фразеологических словарей.

© Арбузова Е. М., Дурандин О. В., Карабасова Ю. А., Климова М. А., 2023

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 4

Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2023, vol. 21, no. 4

Ключевые слова

фразеология, фразеологический словарь, русский язык, стилистические пометы, корпусно-ориентированный подход

Для цитирования

Арбузова Е. М., Дурандин О. В., Карabasова Ю. А., Климова М. А. Стилистические пометы «книжное» и «разговорное» во фразеологических словарях // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 4. С. 18–36. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-4-18-36

Stylistic Labels *Bookish* and *Colloquial* in Phraseological Dictionaries

Ekaterina M. Arbuzova¹, Oleg V. Durandin²,
Yulia A. Karabasova³, Margarita A. Klimova⁴

¹PJSC “Sberbank”, Nizhniy Novgorod, Russia

²independent scholar, Nizhniy Novgorod, Russia

³Veta Expert Group, Nizhniy Novgorod, Russia

⁴HSE University, Nizhniy Novgorod, Russia

¹emarbuzova@sberbank.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7147-1893>

²oleg.durandin@gmail.com

³karabasova@veta.expert, <https://orcid.org/0009-0007-8307-9293>

⁴mfokina@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2249-6396>

Abstract

The article deals with discrepancies between stylistic labels of phraseological units in various dictionaries, which is considered to be one of the deep-rooted issues in lexicography. The authors compiled an electronic dataset of four phraseological dictionaries of the Russian language and then analysed the use of the stylistic labels *knizhnoje* (*bookish*) and *razgovornoje* (*colloquial*) in them. The results demonstrate considerable discrepancies between the dictionaries both in the set of stylistic labels and in the density of stylistic information. In addition, the relevance of stylistic labels, in particular that of *razgovornoje* (*colloquial*), varies considerably. The authors then statistically explored the connection between the stylistic labels *knizhnoje* (*bookish*) or *razgovornoje* (*colloquial*) and other stylistic characteristics using the chi-square test. Only a few pairs of stylistic labels have been found to possess a statistically significant connection, among them *knizhnoje* (*bookish*) and *vysokoje* (*elevated*), *ustarevshee* (*archaic*) and *knizhnoje* (*bookish*) as well as the combination of *razgovornoje* (*colloquial*) and emotive and expressive labels. The main differences in the stylistic labeling of one phraseological unit in different dictionaries have been found to include the discrepancy between the labels *razgovornoje* (*colloquial*) and *prostorechnoje* (*vernacular*) as well as assigning the label *knizhnoje* (*bookish*) in one dictionary and the label *razgovornoje* (*colloquial*) or *prostorechnoje* (*vernacular*) in the other. In the final part of the article, the authors apply a corpus-oriented approach to verify the stylistic labels *knizhnoje* (*bookish*) or *razgovornoje* (*colloquial*) by comparing the frequency of the corresponding phraseological units in corpora of fiction and colloquial speech respectively. According to the results, less than a half of the analysed phraseological units correspond to the stylistic label assigned to them in the dictionary. The debatable cases in terms of being *knizhnoje* (*bookish*) or *razgovornoje* (*colloquial*) were then analysed and found to predominantly occur in the corpus of fiction. On the basis of the findings it is concluded that the corpus-oriented approach can be used for assigning and verifying stylistic labels as long as the technical limitations and the heterogeneity of the units in phraseological dictionaries are taken into account.

Keywords

phraseology, phraseological dictionary, the Russian language, stylistic labeling, corpus-oriented approach

For citation

Arbuzova E. M., Durandin O. V., Karabasova Yu. A., Klimova M. A. Stylistic Labels *Bookish* and *Colloquial* in Phraseological Dictionaries. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, vol. 21, no. 4, pp. 18–36. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-4-18-36

Введение

В связи с активным взаимодействием лексикографии и компьютерной лингвистики меняется роль лексикографа: по словам Д. В. Андриановой, «он должен выступить в роли аналитика базы данных по отношению к уже существующему текстовому словарю, чтобы адаптировать этот материал под новый формат – формат электронной базы данных» [Андрианова, 2019. С. 9]. Данное исследование посвящено использованию подобной электронной базы данных, объединяющей несколько словарей фразеологизмов, для анализа стилистических помет.

Задача стилистики в области фразеологии – это описание стилистических характеристик фразеологизмов, их классификация, а также выявление правил, по которым стилистические пометы могут приписываться фразеологизмам в словаре [Баранов, Добровольский, 2014. С. 162]. Отсутствие единообразия классификаций стилистических помет и правил их присвоения отмечалось многими учеными [Ниннин, 2012; Есетова, 2017; Складаревская, 2016; Аюпова, 2008]. Признавая объективность причин непоследовательных и противоречивых словарных стилистических оценок и невозможность их полной унификации, Г. Н. Складаревская тем не менее отмечает необходимость стандартизации стилистических квалификаций и преодоления интуитивного принципа присвоения помет [Складаревская, 2016. С. 611–612]. В качестве объективного инструмента обоснования стилистических помет успешно опробован корпусно-ориентированный подход, основанный на частотности фразеологизмов в жанрово-специфических корпусах [Козеренко и др., 2013]; подобный подход применяется и в настоящем исследовании.

Данная работа посвящена сопоставлению четырех фразеологических словарей, объединенных в датасет, с целью выявления различий в наполненности пометами и их востребованности. На следующем этапе исследования особое внимание уделяется пометам *книжное* и *разговорное* как наиболее частотным, демонстрирующим несовпадение в разных словарях и в связи с этим требующим объективных критериев присвоения. Выявляется связь данных помет с другими стилистическими характеристиками фразеологизмов, анализируется частотность фразеологизмов с пометами *книжное* и *разговорное* в корпусах художественной литературы и устной речи.

В работе рассматриваются следующие исследовательские вопросы.

1. Как отличается набор помет и степень наполненности словарей стилистической информацией?
2. Какие пометы оказываются наиболее и наименее востребованными?
3. С каким пометами значимо взаимосвязаны пометы *книжное* и *разговорное*?
4. Каковы ключевые случаи несовпадения помет у одного и того же фразеологизма в разных словарях?
5. Для каких из фразеологизмов, снабженных пометами *книжное* и *разговорное*, стилистические свойства обоснованы количественными характеристиками в соответствующих дискурсах?

1. Обзор литературы

В современном мире лексикография вступает в активное взаимодействие с компьютерной лингвистикой в аспекте обработки неоднословных единиц (англ. multi-word expressions, multi-word units). Необходимо оговориться, что данное понятие шире понятия фразеологизма: неоднословные единицы включают также составные наименования, фразовые глаголы, составные предлоги и т. д. [Masini, 2019; Villavicencio, Idiart, 2019]. Несмотря на различия в классификациях разных авторов, в состав неоднословных единиц неизменно включаются идиомы и коллокации.

Лексикография и компьютерная лингвистика успешно дополняют друг друга при решении задач идентификации и извлечения неоднословных единиц [Villavicencio, Idiart, 2019; Dobrovolsky, 2020], однако этим не ограничиваются возможности данного взаимодействия, об-

зор которых представлен в [Gantar et al., 2019]. Применение методов обработки естественного языка может также обогатить лексикографическое описание неоднословных единиц, значительную часть которых составляют фразеологизмы, в вопросах оценки целостности их значения, определения синонимических и других отношений между ними с помощью моделей дистрибуции. Для эффективного решения данных задач необходимы аннотированные корпуса или базы данных (датасеты) неоднословных единиц, активно создаваемые для разных языков [Villavicencio, Idiart, 2019; Fellbaum, 2015].

В качестве подобного ресурса для русского языка в первую очередь выступает База данных по русской идиоматике, разрабатываемая коллективом Отдела экспериментальной лексикографии Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН под руководством А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского и представляющая собой репрезентативный корпус примеров по русской фразеологии (экспериментальный вариант базы данных размещен на сайте <https://www.slovari.ru/>). Следует упомянуть и о Базе данных коллокаций, созданной в Санкт-Петербургском государственном университете (<https://collocations.spbu.ru/>). Разработчики ресурса подчеркивают, что база не включает идиомы и для ее формирования не использовались фразеологические словари [Хохлова, Мамаев, 2021. С. 372]. Таким образом, для сопоставления информации о фразеологизмах в различных словарях, выявления случаев, требующих разработки объективных критериев присвоения помет, необходим отдельный датасет, который и был разработан в рамках настоящего исследования.

Непоследовательность стилистической характеристики фразеологизмов в словарях, необходимость ее уточнения и связанные с этим трудности отмечались многими исследователями [Ниннин, 2012; Есетова, 2017; Складаревская, 2016; Аюпова, 2008]. По словам А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, «сам “пересчет” категорий теории стилистики в систему словарных стилистических помет оказывается нетривиальной задачей» [Баранов, Добровольский, 2014. С. 163]. В ряде работ рассмотрена проблема разнообразия классификаций и множественности их оснований [Ниннин, 2012; Есетова, 2017; Аюпова, 2008]. Как следствие, основополагающие пометы *разговорное* и *книжное* присутствуют во всех классификациях, но рассматриваются учеными по-разному в связи со спецификой категоризации конкретного исследования. Так, Р. А. Аюпова [Аюпова, 2008] относит пометы *разговорное* и *книжное* к тем, что указывают на функционирование фразеологизма в определенной сфере общения. В классификации Г. О. Ниннина пометы *книжное* и *разговорное* относятся к группе помет функционально-стилистического содержания, регулирующих фактами социального характера, однако к различным подгруппам – «книжная фразеология» и «разговорная фразеология» соответственно [Ниннин, 2012]. В рамках системы стилистических шкал А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского [Баранов, Добровольский, 2014] помета *книжное* относится к дискурсивным пометам, наряду с *журнализм*, *жаргонизм*, *народное* и т. д., в то время как *разговорное* определяет фразеологизм с точки зрения его стилистического регистра, в оппозиции с такими пометами, как *высокое*, *сниженное*, *грубое*, *неприличное*. Более того, по мнению исследователей, будучи самой частотной стилистической характеристикой идиом, разговорное не нуждается в маркировании пометой, т. е. должно помечаться через значимое отсутствие. Данная концепция воплощена во «Фразеологическом объяснительном словаре русского языка» [Баранов и др., 2009. С. 13].

Как можно заметить, расхождения в отнесении той или иной пометы к определенному классу указывают на проблемы в теории стиля, что заставляет различных исследователей создавать свои собственные подходы к описанию стилистических характеристик.

Трудности в стилистической квалификации отдельных фразеологизмов, как представляется, могут быть связаны и со сложными семантическими и прагматическими отношениями, выражающимися во взаимосвязи некоторых помет. В частности, по наблюдениям А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, пометы *книжное* и *высокое* оказываются взаимозависимыми, кроме того, в качестве книжных зачастую воспринимаются устаревшие фразеологизмы. [Баранов, Добровольский, 2014].

Внимание исследователей уделено принципам присвоения помет [Есетова, 2017; Лавриненко, 2017; Козеренко и др., 2013]. Рассматривая факторы, определяющие принадлежность французских фразеологизмов к разговорному стилю, В. А. Лавриненко выделяет коннотативные значения, экспрессивность и образность фразеологической единицы, антропоцентричность метафоры, слова с конкретным значением в качестве основного лексического компонента, наличие разговорной, просторечной и арготической лексики, неясную образность [Лавриненко, 2017]. Тем не менее, как отмечают А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский, несмотря на существующие попытки сформулировать формальные критерии, реально в практических работах для присвоения помет фразеологизмам в основном используется интуиция [Баранов, Добровольский, 2008], что обуславливает актуальность разработки и внедрения операциональных критериев отнесения фразеологизма к определенному стилистическому разряду.

Данное исследование подвергает тестированию метод, впервые предложенный в работе А. Д. Козеренко, А. Н. Баранова, М. М. Вознесенской, Д. О. Добровольского, К. Л. Киселевой [Козеренко и др., 2013]. Методика позволяет предположить стилистическую характеристику фразеологизма на основе его количественных свойств, т. е. встречаемости в жанрово-специфичных корпусах текстов. По результатам исследования 100 фразеологизмов из словника Тезауруса [Баранов и др., 2007] авторами установлено, что такой метод может служить инструментом обоснования, проверки и коррекции стилистических помет.

Несмотря на ограничения данного подхода, он, несомненно, является значимым шагом на пути преодоления интуитивного принципа присвоения помет. Наша коллекция фразеологизмов позволяет протестировать этот подход на значительно большем количестве единиц, а также в ситуациях совпадения таких помет, как *книжное* и *разговорное* у одной и той же словарной статьи.

2. Материал и методы

Материалом для данного исследования стала электронная коллекция, источниками для которой послужили четыре русскоязычных фразеологических словаря. В таблице 1 кратко представлена основная информация о выбранных словарях. Все перечисленные словари, кроме двуязычного словаря Д. И. Квеселевича, относятся к толковым фразеологическим словарям. Наиболее объемным и актуальным с точки зрения года выхода является словарь А. И. Федорова, включающий дополненный словник словаря А. И. Молоткова и отмеченный А. Н. Барановым и Д. О. Добровольским в числе ключевых толковых фразеологических словарей русского языка [Баранов, Добровольский, 2014. С. 152].

Сбор данных осуществлялся путем парсинга электронных словарей, представленных в формате DSL (Dictionary Specification Language). Словарные статьи собранной коллекции включают в себя варианты фразеологизма, его значения, стилистические пометы, синтаксическую роль, примеры употребления, а также наименование словаря, из которого были получены данные.

Одна словарная статья может содержать информацию о фразеологизме сразу из нескольких источников. Таким образом, итоговый объем коллекции меньше, чем совокупный объем первоначальных словарей, и составляет 17 847 статей.

Для парсинга и объединения их в электронную коллекцию был разработан скрипт на языке программирования Python с использованием ряда фреймворков.

В ходе анализа стилистических помет использовались статистические методы, а именно методы дескриптивной и индуктивной статистики и методы графического представления результатов, также осуществляемые при помощи компьютерного моделирования.

Метод анализа количественных характеристик фразеологизмов в жанрово-специфичных корпусах предполагает наличие корпусов нескольких жанров согласно исследуемым пометам.

Таблица 1

Краткая справка о словарях, вошедших в датасет

Table 1

Summary of dictionaries included in the dataset

Словарь	Автор	Год	Объем (количество единиц)
Русско-английский фразеологический словарь [17]	Д. И. Квеселевич	1998	7 567
Универсальный фразеологический словарь русского языка [18]	Т. В. Волкова	2000	4 368
Фразеологический словарь русского языка [19]	И. В. Федосов, А. Н. Лапицкий	2003	6 367
Фразеологический словарь русского литературного языка [20]	А. И. Фёдоров	2008	11 310

В данной работе внимание сфокусировано на пометах *разговорное* и *книжное*, поэтому были сформированы соответствующие корпуса: литературный и разговорной речи. Для формирования корпуса литературы были собраны произведения, высоко оцененные редакцией сайта <https://proza.ru/>. В итоговый корпус вошло 846 текстов 191 автора, опубликованные на сайте с января 2021 по декабрь 2022 г. Корпус разговорной речи собран путем извлечения и обработки текстов и диалогов российских телесериалов за период с 2007 по 2022 г. с портала <https://www.opensubtitles.org/ru>. В корпусе оказались тексты 240 сериалов, снятых на русском языке с ориентацией на русскоязычную аудиторию.

Сбор и лемматизация корпусов осуществлялись с помощью языка программирования Python. Объем каждого из них – чуть более миллиона слов. Несмотря на технические ограничения, связанные с возможностями персонального компьютера, и в корпус литературной, и в корпус разговорной речи вошли работы разнообразных тематик и жанров. На наш взгляд, данные факторы, наряду с временным разнообразием сериалов в составе корпуса разговорной речи и количеством различных авторов прозы, позволяют говорить о репрезентативности корпусов, компенсирующей небольшой объем.

3. Результаты и обсуждение

3.1. Набор помет и степень наполненности словарей стилистической информацией

Всего в нашем датасете встречаются 73 различные пометы, однако ни в одном словаре не содержатся все из них. Наибольшее их количество включает словарь Д. И. Квеселевича – 45 различных помет. Словарь Т. В. Волковой использует всего на одну меньше – 44 пометы, затем словарь А. И. Федорова с 35 пометами, и, наконец, в словаре И. В. Федосова и А. Н. Лапицкого встречается всего 16 различных помет. Интересно также, что только 9 помет используются каждым автором: *бранное*, *ироническое*, *книжное*, *неодобрительное*, *презрительное*, *пренебрежительное*, *просторечное*, *разговорное*, *шутливое*.

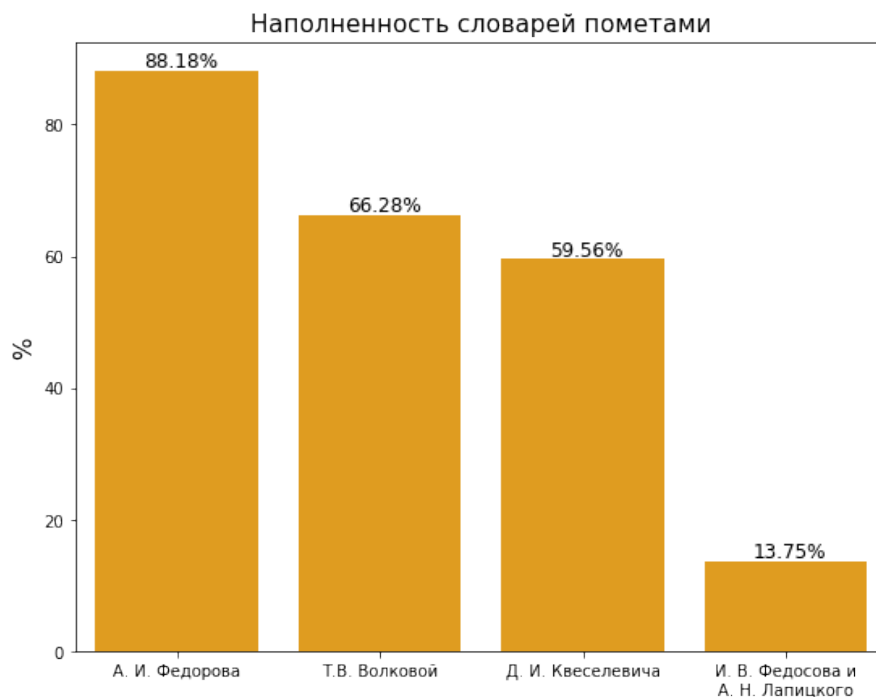

Рис. 1. Наполненность словарей пометами

Fig. 1. Fullness of dictionaries with labels

На рис. 1 представлена информация о том, у скольких процентов словарных статей есть хотя бы одна стилистическая помета. Как мы видим, словари очень сильно различаются по наполненности стилистической информацией. Так, в словаре А. И. Фёдорова для наибольшего количества фразеологизмов (88 %) присутствует стилистическая информация, в то время как в словаре И. В. Федосова и А. Н. Лапицкого такая информация есть всего чуть больше, чем у 10 % фразеологизмов.

В объединенной коллекции чаще всего фразеологизмы имеют две различные пометы (примерно 34 %), например *баба-сквернавка* (*устар.*, *бран.*). Почти так же часто встречаются фразеологизмы с одной пометой (31 %), к примеру *вороново крыло* (*экспрес.*). Около 25 % фразеологизмов в коллекции не имеют помет вовсе, например, *вести под руки* или *ставить (поднимать) на ноги*. Максимальное количество различных помет у одного фразеологизма может достигать семи единиц, таких фразеологизмов всего семь, один из них – *Вожжа (шлея) под хвост попала* (*груб.*, *неодобрит.*, *прост.*, *ирон.*, *вульг.*, *грубо-прост.*, *разг.*).

3.2. Востребованность помет

На рис. 2 приведены наиболее частотные пометы в рамках каждого из словарей.

При сравнении распределений самых частотных помет можно заметить, что они сильно различаются для представленных словарей. Так, в словарях Д. И. Квеселевича и Т. В. Волковой с заметным отрывом лидирует помета *разговорное*. В словаре А. И. Федорова она занимает вторую позицию, а в словаре И. В. Федосова и А. Н. Лапицкого она вообще не присутствует в десятке самых частотных.

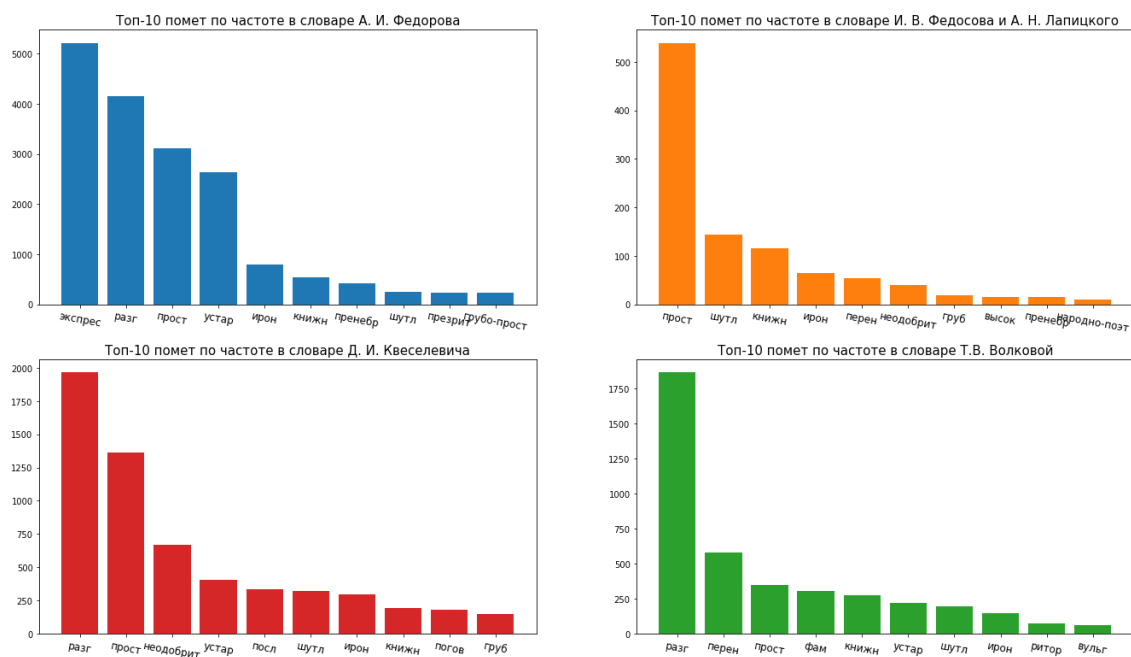

Рис. 2. Рейтинги 10 самых популярных помет в каждом словаре

Fig. 2. The top ten popular labels in each dictionary

Только 4 пометы (*просторечное*, *ироническое*, *книжное*, *шутливое*) присутствуют в топах по частотности во всех словарях, при этом они занимают различные позиции.

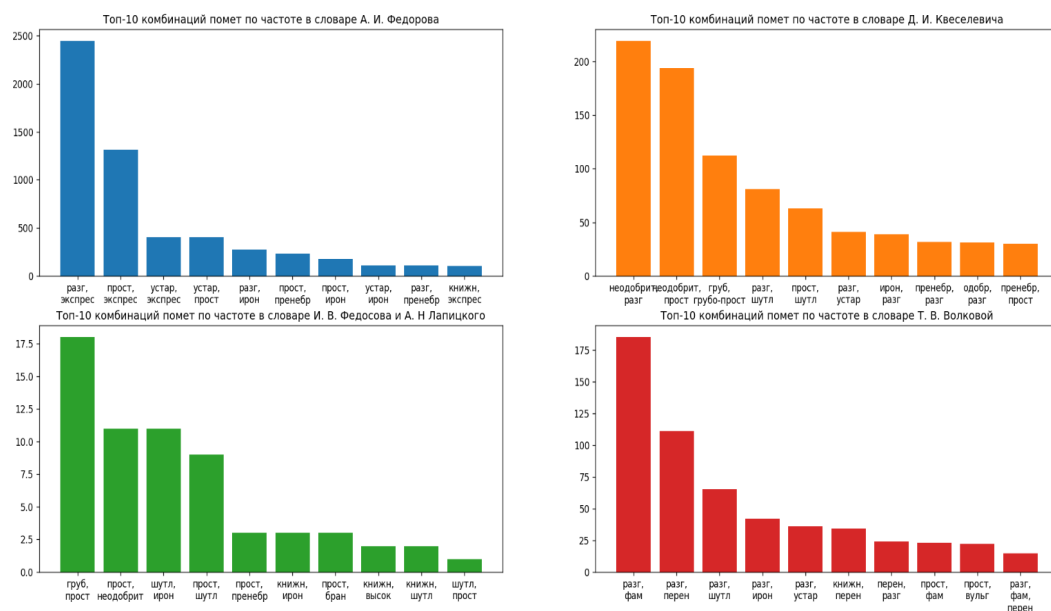

Рис. 3. Рейтинги 10 популярных комбинаций помет в каждом словаре

Fig. 3. The top ten popular label combinations in each dictionary

На рис. 3 приведено распределение самых частотных комбинаций помет. Поскольку во всех словарях встречается в среднем не более двух помет на один фразеологизм, то самые

частотные комбинации имеют также объем не более двух помет, за единственным исключением в словаре Т. В. Волковой.

Как правило, самые частотные пометы образуют самые частотные комбинации. Так, самая популярная помета в словаре А. И. Федорова (*экспрессивное*) образует комбинации с тремя другими наиболее популярными пометами этого словаря (*разговорное*, *просторечное*, *устаревшее*). Аналогично в словаре Д. И. Квеселевича первые три пометы по популярности образуют входящие в топ комбинации.

Помета *разговорное* частотно встречается в трех из четырех рассматриваемых словарей и так же часто встречается в сочетании с большим разнообразием других помет, а именно с пометами *экспрессивное*, *ироническое*, *неодобрительное*, *шутливое*, *пренебрежительное*, *фамильярное*, *переносное*. Помета книжное встречается реже и с более ограниченным кругом помет: *экспрессивное*, *ироническое*, *шутливое* и *переносное*. Можно заметить, что большая часть компонентов частотных комбинаций для помет *разговорное* и *книжное* пересекаются. Так, обе пометы можно часто встретить в сочетании с *экспрессивное*, *ироническое*, *шутливое*, *переносное*. *Книжное*, однако же, не отличается частотной встречаемостью с пометами *неодобрительное*, *пренебрежительное*, *фамильярное*.

3.3. Взаимосвязь помет «книжное» и «разговорное» с другими пометами

Создание электронного датасета позволило не только проследить совместную встречаемость помет через частотные комбинации, но и статистически оценить ее значимость. Рассмотрим сочетания интересующих нас помет *книжное* и *разговорное* с другими пометами и воспользуемся тестом хи-квадрат [Corder, Foreman, 2014. С. 172–186], чтобы определить статистическую значимость. В качестве нулевой гипотезы будет использоваться допущение о независимости пары стилистических помет внутри одного словаря.

В рамках вычислительного эксперимента для всех фразеологизмов, содержащихся в каждом словаре, была рассчитана совместная встречаемость помет (в форме contingency table), после чего был применен тест хи-квадрат.

Как уже отмечалось, словари в рамках датасета различаются по набору помет, используемых авторами, поэтому не все интересующие нас пары помет были найдены в каждом рассмотренном словаре. Более того, тест имело смысл проводить лишь в тех случаях, когда была выявлена одновременная встречаемость обеих помет в рамках одного словаря, поскольку в случае, если пометы не встречались одновременно ни в одном фразеологизме в рамках словаря, мы исходили из их независимости друг от друга.

В качестве уровня значимости для проверки статистической гипотезы был принят 0,05. Таким образом, если полученное в результате применения критерия *p-value* было менее принятого уровня значимости, гипотеза о независимости стилистических помет отклонялась.

Как видно из табл. 2, для ряда случаев выявлена статистически значимая зависимость, хотя анализируемые пометы встретились вместе в конкретном словаре лишь один раз. Из-за единичной совместной встречаемости эти результаты нельзя признать полностью достоверными. Поэтому будем рассматривать наблюдения, у стилистических помет которых относительная совместная встречаемость превышает 0,1 %. Такие случаи выделены в таблице полужирным. В частности, значимой признана взаимосвязь помет *книжное* и *высокое*, *устаревшее* и *книжное*, что подтверждает наблюдения А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского [Баранов, Добровольский, 2014. С. 175–178]. Тем не менее для каждой пары статистически значимая совместная встречаемость обнаружена только в одном словаре, что говорит о разной силе взаимосвязи данных помет в представлении разных лексикографов. Значимая взаимосвязь выявлена между пометой *разговорное* и эмоционально-экспрессивными пометами *фамильярное*, *шутливое*,

Таблица 2

Статистическая значимость совместной встречаемости помет

Table 2

Statistical significance of co-occurrence of labels

Пара стилистических помет	Автор(ы) словаря	p-value, Chi-squared test	Результат	Совместная встречаемость, абс. (%)
Книжн.-высок.	А. И. Федоров	< 0,0001	Зависимость	45 (0,397)
Книжн.-высок.	И. В. Федосов, А. Н. Лапицкий	< 0,0001	Зависимость	3 (0,045)
Книжн.-высок.	Д. И. Квеселевич	0,486	Независимость	2 (0,045)
Устар.-книжн.	А. И. Федоров	< 0,0001	Зависимость	60 (0,52)
Устар.-книжн.	И. В. Федосов, А. Н. Лапицкий	< 0,0001	Зависимость	1 (0,033)
Устар.-книжн.	Д. И. Квеселевич	0,26	Независимость	3 (0,68)
Устар.-книжн.	Т. В. Волкова	0,58	Независимость	3 (0,147)
Разг.-фам.	А. И. Федоров	0,786	Независимость	3 (0,026)
Разг.-фам.	И. В. Федосов, А. Н. Лапицкий	< 0,001	Зависимость	1 (0,033)
Разг.-фам.	Т. В. Волкова	< 0,001	Зависимость	110 (5,418)
Разг.-шутл.	А. И. Федоров	0,048	Зависимость	52 (0,458)
Разг.-шутл.	И. В. Федосов, А. Н. Лапицкий	0,027	Зависимость	1 (0,033)
Разг.-шутл.	Д. И. Квеселевич	0,003	Зависимость	49 (1,112)
Разг.-шутл.	Т. В. Волкова	0,001	Зависимость	47 (2,315)
Разг.-шутл.-фамиллярн.	И. В. Федосов, А. Н. Лапицкий	< 0,001	Зависимость	1 (0,033)
Разг.-шутл.-ирон.	И. В. Федосов, А. Н. Лапицкий	< 0,001	Зависимость	1 (0,033)
Разг.-шутл.-ирон.	Д. И. Квеселевич	0,734	Независимость	1 (0,033)
Разг.-ирон.	А. И. Федоров	0,645	Независимость	209 (1,844)
Разг.-ирон.	И. В. Федосов, А. Н. Лапицкий	< 0,001	Зависимость	1 (0,033)
Разг.-ирон.	Д. И. Квеселевич	0,454	Независимость	35 (0,794)
Разг.-ирон.	Т. В. Волкова	0,002	Зависимость	34 (1,675)
Разг.-презрит.	А. И. Федоров	0,002	Зависимость	38 (0,335)
Разг.-презрит.	И. В. Федосов, А. Н. Лапицкий	< 0,001	Зависимость	1 (0,033)
Разг.-презрит.	Д. И. Квеселевич	0,675	Независимость	1 (0,022)
Разг.-презрит.	Т. В. Волкова	0,692	Независимость	1 (0,049)
Разг.-пренебр.	А. И. Федоров	0,03	Зависимость	90 (0,794)
Разг.-пренебр.	И. В. Федосов, А. Н. Лапицкий	< 0,001	Зависимость	1 (0,033)
Разг.-пренебр.	Д. И. Квеселевич	0,173	Независимость	27 (0,612)
Разг.-пренебр.	Т. В. Волкова	0,07	Независимость	6 (0,296)
Книжн.-торж.	И. В. Федосов, А. Н. Лапицкий	< 0,001	Зависимость	1 (0,033)

ироничное, презрительное, пренебрежительное, что соответствует выводам предыдущих исследований [Ниннин, 2012]. При этом наиболее последовательно зависимость прослеживается для пары *разговорное* и *шутливое* (найдена в трех из четырех словарей).

3.4. Несовпадение помет

Для выявления степени различия в практике присвоения помет составителями различных словарей мы сравнили количество совпадений и несовпадений помет у фразеологизмов, снабженных ими как минимум в двух словарях, таких оказалось 5661. Для каждого фразеологизма мы посчитали количество общих помет во всех словарях, в которых он представлен, поделив их на общее число помет у данной единицы, затем сгруппировали (просуммировали) фразеологизмы по каждому результату. Как видно из рис. 4, в подавляющем большинстве случаев (в более чем 75 %) пометы для одного и того же фразеологизма полностью не совпадают в разных словарях. Лишь у приблизительно 5 % фразеологизмов пометы совпадают полностью во всех словарях, где этот фразеологизм присутствует.

Рис. 4. Доля совпадающих стилистических помет у фразеологизмов

Fig. 4. Proportion of overlapping stylistic labels in idioms

Таким образом, мнения лексикографов о стилистической характеристике фразеологизмов значительно различаются. Дальнейший сопоставительный анализ позволил выявить основные случаи несовпадения, затрагивающие пометы *книжное* и *разговорное*. Они могут быть сгруппированы следующим образом.

1. Квалификация фразеологизма как разговорного в одном словаре и как просторечного – в другом. Будучи распространенными типами помет, *разговорное* и *просторечное* часто не совпадают. Например, *бедовая голова*, *буйная голова*, *виданное ли дело*, *голова трежит*, *дать по носу*, *как заведенный*, *на карачках*, *умываться кровью* и др. снабжены пометой *разговорное* в словаре А. И. Федорова и пометой *просторечное* в словаре Д. И. Квеселевича. Интересно отметить, что имеет место и обратная ситуация: фразеологизмам *войти в раж*, *выбиваться из круга*, *дело не клеится*, *отмочить штуку* и др. присвоена помета *разговорное* в словаре Д. И. Квеселевича и *просторечное* в словаре А. И. Федорова. Данные наблюдения свидетельствуют не только о возможности разного понимания признаков, стоящих за указанными пометами, но и о тонкой грани между этими стилистическими характеристиками.

2. Несовпадение пометы *книжное*, с одной стороны, и *просторечное* или *разговорное*, с другой стороны. Подобное резкое расхождение в регистрающей характеристике фразеологизмов наблюдается в следующих примерах: *в разрезе*, *кипеть ключом* (разг. в словаре А. И. Федорова, *книжн.* в словаре Т. В. Волковой), *вращать глазами* (прост. в словаре А. И. Федорова, *книжн.* в словаре Т. В. Волковой), *за семью печатями*, *по сей день* (разг. в словаре А. И. Федорова, *книжн.* в словаре Д. И. Квеселевича), *по сей день* (*книжн.* в словаре А. И. Федорова, *прост.* в словаре И. В. Федосова и А. Н. Лапицкого).

3.5. Квантитативные характеристики фразеологизмов с пометами «книжное» и «разговорное» в корпусе

Для исследования принадлежности фразеологизмов к книжным или разговорным исходя из практики их использования в соответствующем дискурсе был использован метод подсчета вхождений фразеологизмов в разговорный и художественный корпус.

В табл. 3 представлено статистическое обобщение результатов корпусного исследования фразеологизмов, отмеченных пометой *разговорное* и пометой *книжное*.

Таблица 3

Статистические показатели корпусных данных

Table 3

Statistical summary of the corpus data

Метрика	Помета	
	Разговорное	Книжное
Точность	37,59 %	47,69 %
Среднее	Разговорный: 24,65 Художественный: 17,25	Разговорный: 3,35 Художественный: 8,2
Медиана	Разговорный: 3 Художественный: 3	Разговорный: 2 Художественный: 2
Мода	Разговорный: 1 Художественный: 1	Разговорный: 1 Художественный: 1
Итого	1793	195

Здесь *Разговорный* означает корпус разговорной речи, а *Художественный* – корпус художественной литературы. Среди 3118 фразеологизмов, охарактеризованных как разговорные, в корпусах встречаются лишь 57,5 %, что может отчасти быть объяснено редкостью использования фразеологизмов в речи и относительно небольшими объемами корпусов. Данные также говорят о том, что 37,59 % этих фразеологизмов действительно встречаются чаще в разговорном корпусе. Из 470 книжных фразеологизмов коллекции хотя бы одно вхождение в корпус было найдено для 195 единиц, при этом в литературных текстах, т. е. в художественном корпусе, чаще, чем в разговорных, можно встретить 47,69 % этих фразеологизмов.

Значение моды в обоих случаях принимает единицу, а значит фразеологизмы чаще всего встречаются лишь раз в корпусе, а среднее число употреблений разговорных фразеологизмов заметно выше, чем у книжных. Это может быть обусловлено тем, как в литературных произведениях авторы наделяют своих персонажей живой речью с использованием разговорных фразеологизмов, что дает высокие результаты как в разговорном корпусе, так и в литературном.

Однако среди тех единиц, которые имеют помету *книжное*, но чаще встретились в разговорном корпусе, действительно много фразеологизмов: фразеологических сращений (*в поте лица*),

фразеологических единств (*точка зрения, поле зрения, потерпеть фиаско, идти навстречу*), фразеологических выражений (*вопрос жизни и смерти, пути господни неисповедимы*). В то же время единицы, оснащенные пометой *разговорное*, но встретившиеся чаще в литературном корпусе, в большем количестве случаев являются, к примеру, служебными словами и частями речи: союзные образования (*а то, и то, и есть*), частицы (*и так, всё же*), наречные образования (*до конца, на потом, на ходу*), вводные выражения (*скорее всего, к счастью, с радостью*). С одной стороны, такие единицы не являются фразеологизмами в общепринятом понимании, поскольку они не соответствуют ряду признаков, например, не все входящие в них единицы являются лексемами [Baldwin and Kim, 2010]. С другой стороны, некоторые исследователи относят подобные случаи к грамматическим фразеологизмам [Баранов, Добровольский, 2014. С. 84], а многие авторы включают их в состав фразеологических словарей. В данном исследовании мы придерживаемся широкого понимания фразеологизма, поэтому не стали исключать такого рода единицы из рассмотрения, однако признаем, что вопрос о границах фразеологизма является дискуссионным. Приведенные примеры подчеркивают проблему присвоения авторами рассматриваемых помет, а также затрагивают вопрос о принципах составления словарей.

Еще одна проблема, поднятая в данной статье, – это одновременное присваивание фразеологизмам помет *разговорное* и *книжное* разными авторами. В нашей коллекции встречается 41 такой случай, причем для 11 из них не было найдено ни одного употребления в корпусах (*без руля и без ветрил, буря в стакане воды, во сто крат, кровь от крови, лить слёзы, накалить атмосферу, ни на йоту, под пятой, превратиться в слух, сидеть на пище святого Антония, сойти в могилу*). При подсчете вхождений остальных фразеологизмов в имеющиеся корпуса получилась следующая статистика:

- с преимуществом в разговорном корпусе – 5 единиц (12,2 %): *на почве, нет на свете, омыwać руки, падать духом, по пунктам*;
- с преимуществом в литературном корпусе – 23 единицы (56,1 %): например, *бить в набат, волею судьбы, воспарить духом, кипеть ключом, плыть по течению*;
- с одинаковыми результатами для обоих корпусов: 2 единицы (4,88 %): *за семью печатями, сиамские близнецы*.

Таким образом, при спорных ситуациях данные корпуса говорят скорее о книжном характере этих единиц, нежели о разговорном. На гистограмме ниже (рис. 5) отражена сумма использованных авторами помет в спорных случаях.

Заметное преобладание в случае с пометой *разговорное* имеется в словаре А. И. Федорова, что означает, что этот автор чаще других характеризует фразеологизм как разговорный, в то время как другие характеризуют его как книжный. С другой стороны, помета *книжное* чаще используется Т. В. Волковой в тех случаях, где другим или другими авторами используется помета *разговорное*.

На рис. 6 отражено отношение случаев, когда данные корпуса согласовывались с пометой автора, к общему количеству помет, присвоенных автором в спорных ситуациях.

Как можно заметить, чаще в исследуемых случаях данные согласуются со словарем И. В. Федосова и А. Н. Лапицкого (в 4 из 9 случаев). Немного меньше доля совпадений у словаря Т. В. Волковой – 42,86 % согласования, но в абсолютных числах это 12 случаев из 28. На последнем месте здесь оказался словарь А. И. Федорова, однако случаев согласования у него больше, чем у всех остальных авторов – 13.

В четырех случаях А. И. Федоровым один и тот же фразеологизм был отмечен разговорным и книжным в разных значениях: *во сто крат, класть жизнь, на страже, накалить атмосферу*, что подчеркивает необходимость унификации и формализации принципов присвоения фразеологизмам стилистических помет.

У корпусного метода, и использования лемматизированного корпуса в частности, есть свои ограничения. В первую очередь это совпадение в лемматизированном виде фразеологизмов и простых словосочетаний:

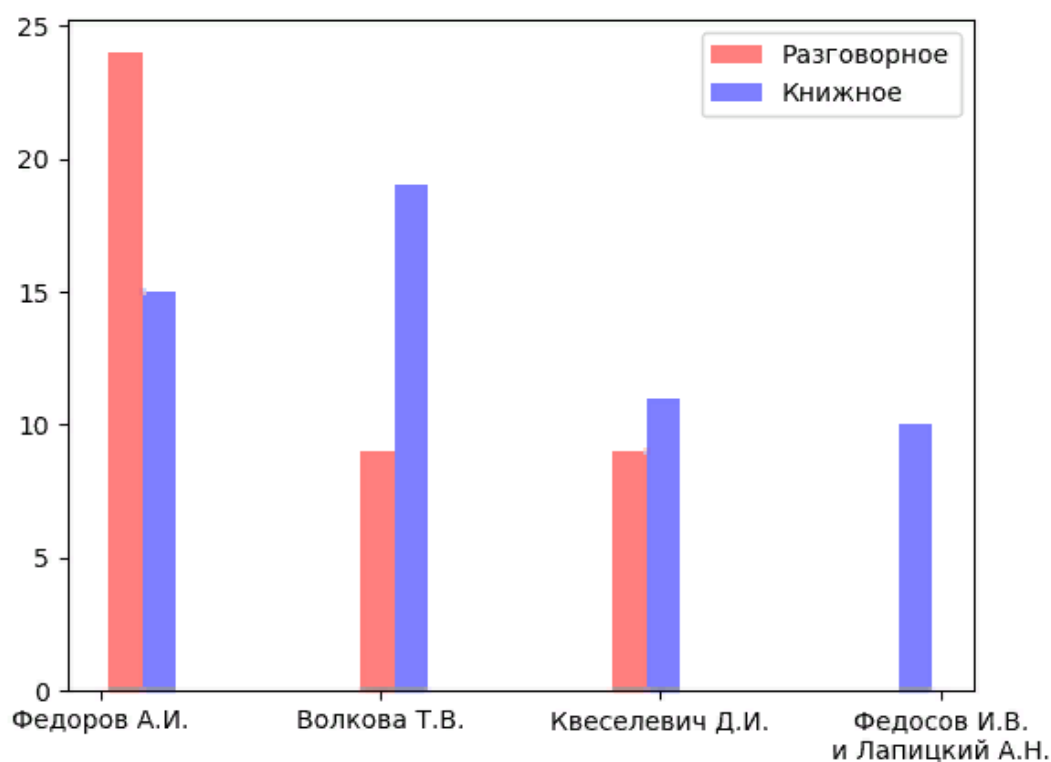

Рис. 5. Использование авторами словарей помет *книжное* и *разговорное* в спорных случаях

Fig. 5. Dictionary authors' use of the labels *bookish* and *colloquial* in controversial cases

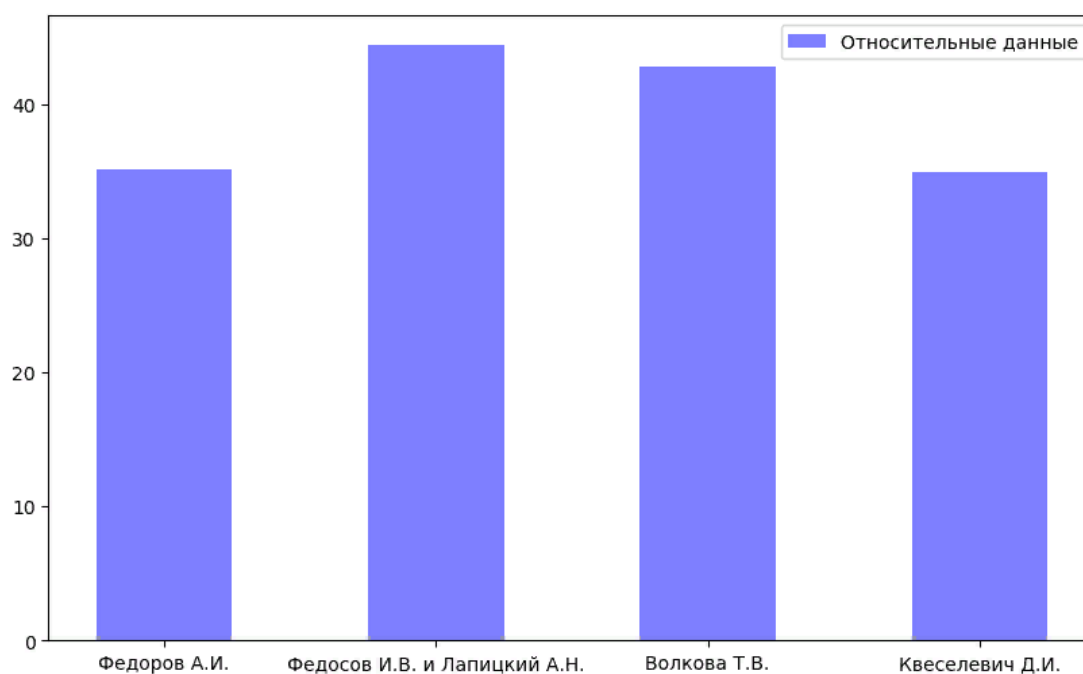

Рис. 6. Доля случаев согласования корпусных данных для каждого автора

Fig. 6. The proportion of corpus data agreement for each author

1. а) ...Как жила старая, я даже и не представляю. Хоронили её **всем миром**. Я тоже участие принял... [лем. **весь мир**]

б) ...Он жаждет исполнить свою мечту – заставить **весь мир** склонить головы...

2. а) ...она сама умудрялась при этом быть почти всегда **на нуле** и куда утекало все... [лем. **на ноль**]

б) ...его слух уловил сказанную учительницей фразу: «И запомните раз и навсегда: **на ноль** делить нельзя!»...

Сложность также вызывает учет дистантного расположения элементов фразеологизма:

1. а) ...Да ну тебя, **язык без костей**...

б) ...**Язык** у неё был, как говорится, **без костей**...

2. а) ...Мы несколько часов вместе с Наумом **ломали голову** над твоей психограммой...

б) ...**ломала** она себе **голову** и ничего не могла придумать...

Еще одна особенность, не позволяющая учесть все использования фразеологизма в корпусе, это вариативность порядка его слов:

а) ...**Хорошо язык подвешен**, любит друг мой поболтать...

б) ...**Весь такой обходительный. И язык хорошо подвешен**. Он нас быстро очаровал...

в) ...и даёт послушать людей с **хорошо подвешенными языками**, которые...

Более того, в примере в) присутствует также грамматическая вариативность, а именно использование полной формы причастия вместо краткой, и, как следствие, другой синтаксический статус фразеологизма.

Отметим также случаи совпадения фразеологизированных выражений с предложно-падежной формой слова. Например, в нашей коллекции встречаются такие фразеологизмы, как *в руки, на руках, в головах, на голову*, которые в корпусах встречаются как в своем фразеологическом значении (например, ...*ускользнувшая из профессионального сообщества **в руки** [в значении 'в собственность'] научно-популярных журналистов...*, ...***не пускали наблюдателей, так как у них на руках** [в значении 'в наличии'] не было мандатов...*), так и в качестве омонимичной предложно-падежной формы (...*шаман взял **в руки** бубен...*, ...*Илья отнес **на руках** Евдокию в комнату...*).

Тем не менее подобные примеры не оказали существенного влияния на итоговый результат значительно, так как количество единиц, затронутых указанными ограничениями, в общем объеме электронной коллекции мало.

Таким образом, результаты применения корпусно-ориентированного подхода показали разную эффективность для различных групп фразеологизмов, словники которых во фразеологических словарях необходимо признать гетерогенными с точки зрения типов содержащихся в них неоднословных единиц – не только фразеологизмов в строгом понимании, но и коллокаций. Работа с некоторыми единицами затрудняется из-за технических ограничений, с другими – ввиду низкой встречаемости фразеологизмов в целом. Увеличение объема корпусов и фокус на отдельных типах фразеологизмов в будущем могут повысить эффективность подхода.

Заключение

Данное исследование было посвящено проблеме необходимости унификации стилистических помет *книжное* и *разговорное* во фразеологических словарях и направлено на анализ распределения помет и их взаимосвязи на материале нескольких фразеологических словарей, объединенных в электронный датасет. Датасет объединил четыре словаря, что позволило использовать количественные и статистические методы на большом объеме материала.

Результаты продемонстрировали значительную разницу между словарями как в наборе помет, так и в наполненности стилистической информацией. Помета *разговорное* является самой частотной в двух из четырех словарей, но не входит в десятку самых популярных

в одном из словарей, что является лишь одной иллюстрацией различий в востребованности конкретных помет. Были выявлены и значительные несоответствия в характеристике одного фразеологизма в разных словарях. Ключевые несовпадения, затрагивающие пометы *книжное* и *разговорное*, включают квалификацию фразеологизма как разговорного в одном словаре и как просторечного – в другом, а также присвоение фразеологизму пометы *книжное* в одном словаре и *просторечное* или *разговорное* – в другом.

Сложные семантические и парадигматические отношения между отдельными пометами отражают объективную взаимосвязь между стилистической, дискурсивной, эмоционально-экспрессивной и др. характеристиками фразеологизмов, отмеченную предыдущими исследователями: в частности, статистически подтверждена связь помет *книжное* и *высокое*, *устаревшее* и *книжное*. Примечательна взаимосвязь, выявленная для пометы *разговорное* и эмоционально-экспрессивных помет, однако ни в одном случае совместная встречаемость не признана значимой во всех проанализированных словарях.

Корпусно-ориентированный подход, направленный на верификацию помет *книжное* и *разговорное* с помощью данных частотности фразеологизмов в корпусах художественной литературы и разговорной речи соответственно, продемонстрировал, что менее чем в половине случаев фразеологизм тяготеет к преобладающему употреблению в корпусе, соответствующему присвоенной помете. Спорные случаи, получившие неоднозначную квалификацию в словарях, продемонстрировали преимущественное тяготение к характеристике *книжное*. Технические ограничения и проблема гетерогенности анализируемых словников могут быть в перспективе решены за счет увеличения объема корпусов и локализации исследования, в частности его сосредоточения на фразеологизмах в отличие от других типов коллокаций.

Полученные результаты свидетельствуют о значительных несоответствиях в стилистической характеристике фразеологизмов во фразеологических словарях и могут быть использованы для унификации системы помет и принципов их присвоения.

Список литературы

- Андрианова Д. В. Изменение лексикографических принципов представления фразеологизмов и устойчивых сочетаний слов в «Словаре современного русского литературного языка» и в «Большом академическом словаре русского языка» // Вопросы лексикографии. 2019. № 15. С. 71–82.
- Аюпова Р. А. Лексикографическое описание функционально-стилистического аспекта фразеологической коннотации (на материале английского, русского и татарского языков) // Вестник университета Российской академии образования. 2008. № 5. С. 78–82.
- Баранов А. Н., Вознесенская М. М., Добровольский Д. О., Киселева К. Л., Козеренко А. Д. Фразеологический объяснительный словарь русского языка. М., 2009. 704 с.
- Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
- Баранов А. Н., Добровольский Д. О., Киселева К. Л., Козеренко А. Д. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики. М., 2007.
- Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Основы фразеологии (краткий курс). М.: ФЛИНТА, 2014. 312 с.
- Волкова Т. В. Универсальный фразеологический словарь русского языка. М.: Вече, 2000. 463 с.
- Есетова Н. С. Проблема стилистической характеристики фразеологизмов // Язык и культура: Сборник материалов XXVII Международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2017. С. 187–194.
- Квеселевич Д. И. Русско-английский фразеологический словарь. М.: Рус. яз., 1998. 704 с.

- Козеренко А. Д. и др.** Квантитативные характеристики идиомы как показатель ее стилистических свойств // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2013». СПб.: С.-Петербургский гос. университет, 2013. С. 309–317.
- Лавриненко В. А.** Факторы, определяющие принадлежность фразеологических единиц к разговорному стилю (на материале французского языка) // Вестник Таганрогского института им. А. П. Чехова. 2017. № 2. С. 18–26.
- Ниннин Г. О.** Стилистическая характеристика фразеологизмов в русских фразеологических словарях // Вестник Тамбовского ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 9. С. 280–283.
- Скляревская Г. Н.** Современная русская лексикография: достижения и лакуны // Славянская лексикография. М.: Азбуковник, 2013. С. 579–615.
- Федоров А. И.** Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.
- Федосов И. В., Лапицкий А. Н.** Фразеологический словарь русского языка. М.: ЮНБЕС, 2003. 608 с.
- Хохлова М. В., Мамаев И. Д.** Разработка базы данных коллокаций: обзор золотого стандарта на примере атрибутивных словосочетаний // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2021». СПб.: Скифия-принт, 2021. С. 370–379.
- Corder G. W., Foreman D. I.** Nonparametric Statistics: A Step-by-Step Approach. John Wiley & Sons, 2014. 273 p.
- Dobrovoljc K.** Identifying dictionary-relevant formulaic sequences in written and spoken corpora // International Journal of Lexicography. 2020. Vol. 33, № 4. P. 417–442.
- Fellbaum C.** The treatment of multi-word units in lexicography // The Oxford handbook of lexicography. Oxford, 2015.
- Gantar P. et al.** Multiword expressions: between lexicography and NLP // International Journal of Lexicography. 2019. Vol. 32, № 2. P. 138–162.
- Masini F.** Multi-Word Expressions and Morphology // Oxford Research Encyclopedia of Linguistics. Oxford, 2019.
- Villavicencio A., Idiart M.** Discovering multiword expressions // Natural Language Engineering. 2019. Vol. 25, № 6. P. 715–733.

References

- Andrianova, D. V.** The changes in the lexicographic principles of representation of phraseological units and stable word combinations in the Dictionary of the Modern Russian Literary Language and in the Large Academic Dictionary of the Russian Language. *Voprosy leksikografii*, 2019, no. 15, p. 71–82. (in Russ.)
- Ayupova, R. A.** Lexicographic description of the functional-stylistic aspect of the phraseological connotation (in English, Russian and Tatarian). *Herald of the University of the Russian Academy of Education*, 2008, no. 5, p. 78–82. (in Russ.)
- Baranov, A. N., Dobrovol'skij, D. O.** Aspects of the phraseology theory. Moscow, Znak, 2008. (in Russ.)
- Baranov, A. N., Dobrovol'skij, D. O.** Basics of phraseology (a short course). Moscow, FLINTA, 2014. (in Russ.)
- Baranov, A. N., Dobrovol'skij, D. O., Kiselyova, K. L., Kozerenko, A. D.** An idiomatic thesaurus of Modern Russian. Moscow, 2007. (in Russ.)
- Baranov, A. N., Voznesenskaya, M. M., Dobrovol'skij, D. O., Kiselyova, K. L., Kozerenko, A. D.** Phraseological Explanatory Dictionary of the Russian Language. Moscow, 2009. (in Russ.)

- Corder, G. W., Foreman, D. I.** Nonparametric Statistics: A Step-by-Step Approach. John Wiley & Sons, 2014.
- Dobrovoljc, K.** Identifying dictionary-relevant formulaic sequences in written and spoken corpora. *International Journal of Lexicography*, 2020, vol. 33(4), p. 417–442.
- Esetova, N. S.** The issue of stylistic characteristics of phraseological units. *Language and Culture: Proceedings of the XXVII International academic and practical conference*. Novosibirsk, 2017, p. 187–194. (in Russ.)
- Fedorov, A. I.** Phraseological Dictionary of the Standard Russian Language. Moscow, Astrel, AST, 2008. (in Russ.)
- Fedosov, I. V., Lapitskij, A. N.** Phraseological Dictionary of the Russian Language. Moscow, IUNVES, 2003. (in Russ.)
- Fellbaum, C.** The treatment of multi-word units in lexicography. *The Oxford Handbook of Lexicography*. Oxford, 2015.
- Gantar, P. et al.** Multiword expressions: between lexicography and NLP. *International Journal of Lexicography*, 2019, vol. 32(2), p. 138–162.
- Khokhlova, M. V., Mamaev, I. D.** Building Russian collocations database: a case study of gold standard for ADJ-NOUN collocations. *Proceedings of the international conference "Corpus linguistics – 2021"*. St. Petersburg, Skifiya-print, 2021, p. 370–379. (in Russ.)
- Kozerenko, A. D. et al.** Correlation between idiom frequency and its stylistics properties. *Proceedings of the international conference "Corpus linguistics – 2013"*. St. Petersburg, St. Petersburg University, 2013, p. 309–317. (in Russ.)
- Kveselevich, D. I.** Russian-English Phraseological Dictionary. Moscow, Rus. yaz., 1998. (in Russ.)
- Lavrinenko, V. A.** Factors defining phraseological units as part of the conversational style. *Vestnik Taganrofskogo instituta imeni A. P. Chekhova*, 2017, no. 2, p. 18–26. (in Russ.)
- Masini, F.** Multi-Word Expressions and Morphology. *Oxford Research Encyclopedia of Linguistics*. Oxford, 2019.
- Ninnin, G. O.** Stylistic characteristic of phraseology units in Russian phrasebook. *Tambov University Review. Series: Humanities*, 2012, no. 9, p. 280–283. (in Russ.)
- Sklyarevskaya, G. N.** Modern Russian lexicography: achievements and lacunas. *Slavic lexicography*. Moscow, Izdatel'skij tsentr «Azbukovnik», 2013, p. 579–615. (in Russ.)
- Villavicencio, A., Idiart, M.** Discovering multiword expressions. *Natural Language Engineering*, 2019, vol. 25(6), p. 715–733.
- Volkova, T. V.** Universal Phraseological Dictionary of the Russian Language. Moscow, Veche, 2000. (in Russ.)

Информация об авторах

- Арбузова Екатерина Михайловна**, data-инженер департамента данных и общих сервисов ИТ В2С ПАО «Сбербанк»
- Дурандин Олег Владимирович**, независимый исследователь
- Карабасова Юлия Алексеевна**, помощник специалиста отдела оптимизации бизнес-процессов ООО «ОК «Бета»»
- Климова Маргарита Андреевна**, кандидат филологических наук, доцент департамента фундаментальной и прикладной лингвистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Information about the Authors

Ekaterina M. Arbuzova, data-engineer, Department of Data and General IT Services B2C PJSC “Sberbank”, Nizhny Novgorod, Russia

Oleg V. Durandin, independent scholar, Nizhniy Novgorod, Russia

Yulia A. Karabasova, assistant specialist of the department of business process optimization, Veta Expert Group, Nizhniy Novgorod, Russia

Margarita A. Klimova, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Fundamental and Applied Linguistics, HSE University, Nizhniy Novgorod, Russia

*Статья поступила в редакцию 20.05.2023;
одобрена после рецензирования 03.09.2023; принята к публикации 04.09.2023
The article was submitted 20.05.2023; approved after reviewing 03.09.2023;
accepted for publication 04.09.2023*

Научная статья

УДК 81`33

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-4-37-57

Понимание консубстанциональных лингвистических терминов носителями русского языка

Хуан Шанлун

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

s.khuan.2@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0009-0006-6395-249X>

Аннотация

Цель настоящей статьи состоит в изучении понимания консубстанциональных лингвистических терминов носителями русского языка. Проведено экспериментальное исследование с участием 54 респондентов, занятых в разных сферах деятельности и получивших разное образование. Все респонденты являлись носителями русского языка. Составленная для проведения эксперимента анкета содержала вопросы, проверяющие понимание респондентами 13 консубстанциональных терминов. Исследование показало, что в понимании этих терминов респондентами существуют как сходства, так и различия. Респонденты, связанные с разными областями деятельности и образования, имеют схожий потенциал понимания обыденного значения терминов. Лингвистические знания предсказуемо приводят к значительно лучшему пониманию и различению лингвистических смыслов терминов. Семантические отношения между лингвистическими и обыденными смыслами значительно влияют на идентификацию лингвистических значений, в частности, отношения включения, пересечения, совпадения лингвистического и обыденного значений позитивно сказываются на понимании. Носители русского языка используют различные подходы к толкованию терминов, используя семантический, синтаксический и прагматический подходы. Проведенный эксперимент позволил наметить направления оптимизации процедуры проверки распознавания терминоточечных носителями языка в последующих экспериментах. В перспективе дальнейшее развитие данного исследования может быть использовано в качестве теоретической и практической основы для разработки словаря консубстанциональных лингвистических терминов и создания системы автоматической идентификации таких терминов, что актуально для ряда задач из области автоматической обработки текста.

Ключевые слова

консубстанциональные термины, опрос, трактовка носителей русского языка, лингвистическое значение, обыденный смысл

Для цитирования

Хуан Шанлун. Понимание консубстанциональных лингвистических терминов носителями русского языка // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 4. С. 37–57. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-4-37-57

© Хуан Шанлун, 2023

Understanding Consubstantial Linguistic Terms by Russian Native Speakers

Huang Shanglong

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

s.khuan.2@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0009-0006-6395-249X>

Abstract

The purpose of this article is to look at how Russian native speakers understand consubstantial linguistic terms. An experimental study was conducted with the participation of 54 respondents engaged in different fields of activities and with different educational backgrounds. All the respondents are Russian native speakers. The questionnaire designed for the experiment contained questions that tested the respondents' understanding of 13 consubstantial terms. The study shows both similarities and differences in the respondents' understanding of them. Respondents related to different fields of activities and education have a similar potential for understanding the everyday meaning of the terms. Knowledge in linguistics predictably leads to much better understanding and distinction of the linguistic meanings of the terms. Semantic relations between linguistic and everyday meanings significantly affect the identification of linguistic meanings, in particular, the relations of inclusion, overlapping, coincidence of linguistic and everyday meanings have a positive effect on understanding. Russian speakers use different approaches to interpret the terms (semantic, syntactic and pragmatic approaches). The experiment makes it possible to outline the directions for optimizing the procedure of examining recognition of term phrases by the native speakers in subsequent experiments. In the future, further development of this study can be a theoretical and practical basis for creating a dictionary of consubstantial linguistic terms and a system for their automatic identification, which is relevant to several tasks in the field of automatic text processing.

Keywords

consubstantial terms, questionnaire, interpretation of Russian native speakers, linguistic sense, common meaning

For citation

Huang Shanglong. Understanding consubstantial linguistic terms by Russian native speakers. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, vol. 21, no. 4, pp. 37–57. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-4-37-57

Введение

Термин – это лексическая единица, используемая в научных областях и понятная для исследователей в соответствующей сфере науки, а общеупотребительное слово используется в повседневной жизни всеми людьми, владеющими данным языком, вне зависимости от их профессиональных занятий. А что можно сказать о **консубстанциональных терминах** (КТ), параллельно используемых как в обыденной, так и в профессиональной речи [Гринев-Гриневич, 2008]? Можно предположить, что понимание КТ различно у людей разных профессий, в том числе не связанных с научной деятельностью. Возможно, КТ будет пониматься исследователями скорее по его специальному смыслу, а обычными носителями русского языка – скорее по его общелитературному смыслу.

Данное исследование сосредоточено на консубстанциональных лингвистических терминах (КЛТ), т. е. изучаются лингвистические термины, используемые и в обыденной речи.

Основная цель работы состояла в том, чтобы изучить экспериментально, как носители русского языка склонны трактовать консубстанциональные лингвистические термины: одинаково ли их понимание КЛТ или имеются различия в понимании, которые можно связать с лингвистическими характеристиками людей. Согласно рабочей гипотезе, ожидалось, что большинство КЛТ понимаются носителями языка скорее по их общеупотребительным смыслом, и меньшее количество оставшихся терминов – по их специальным смыслом, касающимся сфер лингвистики и филологии.

Эксперимент был проведен с участием 54 носителей русского языка из русскоязычных стран. Среди них есть не только студенты и специалисты, обучающиеся или работающие в сферах лингвистики, филологии, других гуманитарных наук, естественных наук и т. д., но и носители языка, чья деятельность осуществляется вне сферы науки. Различия в биографических данных респондентов дают возможность проанализировать общие черты и различия между трактовками КТ для выделенных групп носителей языка.

В работе также ставились следующие цели:

- изучить семантические отношения между общелитературным и специальным смыслами КЛТ и возможность влияния этих отношений на понимание термина носителями русского языка;
- проанализировать способность носителей русского языка идентифицировать КЛТ в терминологическом словосочетании;
- выявить используемые носителями русского языка способы объяснения смысла КЛТ.

Консубстанциональные термины в лингвистике

В лингвистике имеется ряд определений понятия «термин», мы будем руководствоваться определением В. М. Лейчика [Лейчик, 2009, с. 31–32], «термин – лексическая единица языка для специальных целей, обозначающая общее – конкретное или абстрактное – понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности».

Научное определение понятия «консубстанциональный термин» было дано С. В. Гриневым-Гриневиным. Первоначально С. В. Гринев-Гриневиным представил это понятие как охватывающее термины, употребляемые не только в профессиональной, но и в обыденной речи. В данном исследовании рассматриваются только КТ данного типа: КТ являются «языковыми единицами, принадлежащими к определенному языку для специальных целей и возникшими в результате терминологизации общеупотребительной лексики» [Соколова, 2016, с. 319]. Тогда на основе определения В. М. Лейчика, получается, что под КТ понимается лексическая единица языка для специальных и обычных целей, обозначающая общее понятие не только теории определенной специальной области знаний или деятельности, но и объекта или явления в обыденной жизни.

У научного термина может присутствовать междисциплинарный потенциал, поэтому некоторые научные термины именуют понятия, которые распространяются на разные области научной деятельности [Залевская, 2019]. Кроме того, существует общенаучная лексика, используемая в различных научных областях с разной частотой [Зыкина, Крупчанова, Нахабина и др., 1970]. Согласно более широкой трактовке, к КТ относятся также термины, параллельно используемые в разных предметных дисциплинах [Сорокина, 2011]. Например, «экологичность» рассматривается как междисциплинарный термин [Валько, 2020], а термин «род» – как пример омонимии терминов разных научных сфер [Николенко, 2013]. Такой признак КТ называется «междисциплинарностью», им обладают не все термины.

Как уже отмечалось, понятие «термин» не имеет общепринятого определения, разные варианты определения предлагали как отечественные лингвисты (С. В. Гринев-Гриневиным, К. Я. Авербух, О. С. Ахманова [2008; 2004; 2021] и др.), так и зарубежные лингвисты (Гай Рондо, Чжэн Шупу [1981; 2005] и др.). Соответственно и понятие КТ может иметь варианты научного определения.

Для большинства слов языка типична многозначность, другими словами, во многих случаях у одного слова существует несколько значений, которые создают семантические варианты этого слова [Маслов, 1987]. Полисемия типична не только для бытовой лексики, но и для терминологии.

Надо отметить, что многозначность отличается от широкозначности, т. е. способности одновременно обозначать различные предметы и явления нашего мира [Панкина, 2013]. Следует различать также полисемию и омонимию терминов: устойчивые значения у одного КЛТ как полисемичного термина связаны друг с другом, а КЛТ как омоним с одной и той же письменной формой имеет значения, которые не связаны друг с другом.

Омонимы на основании своих признаков делятся на ряд типов. В плане выражения: тождество звучания или тождество написания; в плане содержания: различие лексических или различие грамматических значений [Малаховский, 1990]. КЛТ обычно являются омонимами, характеризующимися тождеством написания и различием лексических значений.

Хотя, в идеале, термин должен быть однозначным [Гринев-Гриневиц, 2008], на практике существует много КТ, являющихся многозначными терминами или омонимами-терминами. Неоднозначность КЛТ затрудняет их понимание носителями языка, не обучающимися и не работающими в сферах лингвистики и филологии, существование значительного количества КЛТ способно также создать трудности для понимания их лингвистами.

Метод

Для выяснения особенностей понимания КЛТ носителями русского языка наиболее подходящей формой является метод опроса. Данный анкетный опрос является анонимным, и собралась только личная информация, такая как возраст, уровень образования и сферы работы/учебы. В процессе разработки процедуры проведения опроса были приняты во внимание прежде всего следующие факторы: выбор включаемых в опрос терминов, формат анкеты, составление списков вариантов ответов для каждого вопроса (включая верные и неверные варианты ответов).

При выборе терминов, включаемых в опрос, в первую очередь следует учитывать психологические факторы респондентов. Иначе говоря, визуальный аспект анкеты должен склонять респондентов к намерению заполнить ее, а не отказаться от этого. Поэтому для анкетирования выбраны несложные для понимания термины, имеющие недлинные определения в словарях и не более двух значений в обыденной речи. Таким образом, в анкету включены следующие 13 КЛТ: *АБЗАЦ, МАССИВ, ЗАМЕСТИТЕЛЬ, ЛЕКСИКОГРАФИЯ, КАЛЬКА, КАЛАМБУР, ГИБРИДИЗАЦИЯ, ЗАМЕНА, АКТУАЛЬНЫЙ, БЕСФОРМЕННЫЙ, РАСКАТИСТЫЙ, ЗАВИСИМЫЙ, ДЕГРАДАЦИЯ* (термины представлены в перемешанном порядке).

Основной формат анкеты – вопросы с несколькими вариантами ответов, среди которых были как правильные, так и неправильные (без учета степени того, насколько неправильные варианты могут мешать выбору ответов респондентами). В этом формате были даны 11 терминов. Последние два термина респондентам предлагалось объяснить своими словами. Каждый из вопросов по поводу первых 11 терминов сопровождался пятью вариантами ответов, из которых респонденту надо было выбрать как минимум один ответ. Наличие пяти вариантов ответов для каждого вопроса, с одной стороны, обеспечивает устранение негативного эффекта случайного выбора респондентов, а с другой стороны, снижает вероятность притупления внимания респондентов по сравнению, например, с десятью вариантами ответов. Кроме того, в качестве основного цвета анкеты выбран зеленый, так как зеленый цвет положительно влияет на здоровье людей [White et al., 2021], и поэтому мы считаем, что использование зеленого цвета может повысить желание респондентов заполнять анкету.

Выбор терминов и формат анкеты обусловлен необходимостью продумать структуру анкеты на прагматическом уровне, т. е. рассмотреть проблему с точки зрения психологических факторов респондентов. Иными словами, это использование внешних факторов для получения внутренних эффектов.

Для некоторых вопросов в анкете предложены неправильные варианты, не соответствующие определениям в словарях и затрудняющие выбор ответов на поставленный вопрос. Неправильные варианты ответов делятся на следующие типы: 1) рассматриваемое в вопросе понятие заменено на подобное ему понятие (*письменная/разговорная речь, слово/части речи*); 2) сужена семантика рассматриваемого понятия (*иноязычный/англоязычный*) и 3) заменена смысловая ассоциация, связанная с рассматриваемым понятием (*гулкий и грубый*). Кроме того, для некоторых терминов использовались сходные определения из разных словарей, что также усложняет выбор респондентами ответа, поскольку сравнение похожих определений требует внимательного их прочтения, что в некоторой степени предохраняет от случайного выбора ответа.

Таким образом, для каждого вопроса созданы три типа вариантов ответов: определение смысла слова как лингвистического термина, толкование общеупотребительного смысла того же слова, контекст употребления того же слова как термина или как единицы обиходного языка. Варианты с контекстами употребления предназначены для проверки того, могут ли носители русского языка распознавать термин в терминологическом словосочетании, считают ли они термин в терминологическом словосочетании связанным с самим термином.

Определения терминов выбирались из Словаря лингвистических терминов О. С. Ахмановой [2021] (определения, которые слишком сложны для понимания, были упрощены), а толкования общеупотребительных смыслов – из двух электронных словарей на сайте slovari.ru: «Словаря русского языка под ред. А. П. Евгеньевой (МАС)» и «Толкового словаря русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (ТСОШ)». Контексты выбраны в Национальном корпусе русского языка (ruscorpora.ru), общее количество контекстов подбиралось таким образом, чтобы не превысить установленный предел (пять вариантов ответа для одного термина), при этом для разных значений термина, если они учитывались в числе ответов, выбирались разные контексты. Значения всех КЛТ в выбранных словосочетаниях соответствуют их словарным определениям, поэтому не обнаружилось *наведенные в контексте семы*, которых нет в системном значении термина [Стернин, 1985].

Для первых 11 терминов вопрос ставился так: «Выберите как минимум один вариант, который Вы считаете соответствующим термину Х. (Можно выбрать более одного варианта)», а для последних двух терминов – «Объясните термин Х своими словами». Первая форма – это вопрос с обязательным ответом, а вторая форма – это вопрос с необязательным ответом. Формат объяснения КЛТ своими словами помогает выяснению способов или методов, применяемых носителями русского языка для объяснения терминов.

В отличие от прагматических аспектов выбора термина и формата анкеты установка вариантов, не соответствующих словарным определениям, и выбор вариантов ответов для каждого вопроса носят семантический характер.

Результат

Общий

Среди участников опроса из 54 полученных действительных анкет почти все респонденты имеют высшее образование (рис. 1), поэтому мы считаем, что это обеспечивает достоверность результатов анкетирования.

В целом респонденты склонны выбирать нелингвистические определения терминов: доля респондентов, выбравших определения терминов по общелитературным смыслам, в большинстве случаев выше, чем доля анкетированных, выбравших лингвистические определения терминов. В целом, для всех носителей языка из разных сфер профессиональной деятельности определение в соответствии с обиходным значением оказывается более предпочтительным, чем лингвистическое определение или словосочетание, содержащее термин (табл. 1).

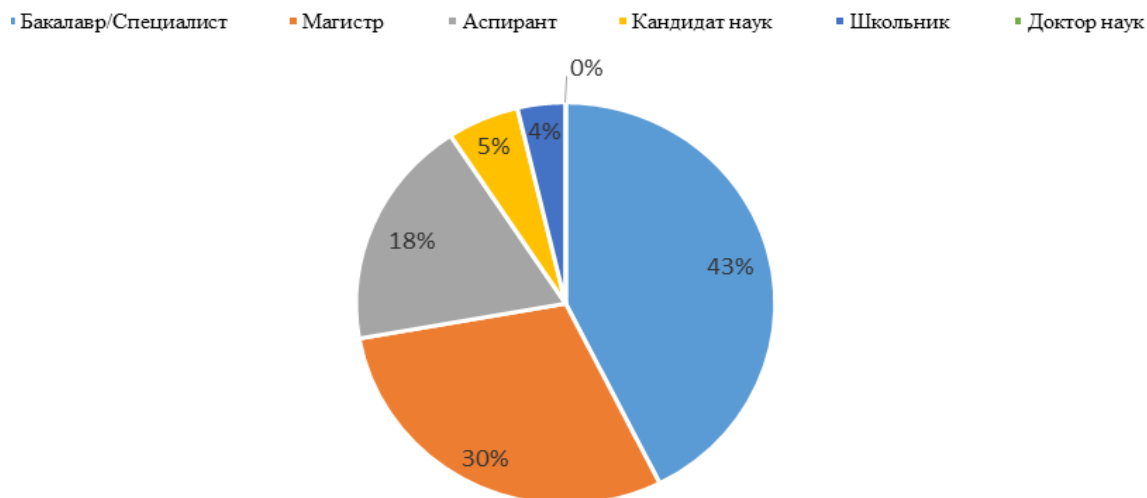

Рис. 1. Уровень образования/научная степень респондентов

Fig. 1. Level of education/scientific degree of the respondents

Таблица 1

Доля респондентов, выбравших указанные типы определений

Table 1

Percentage of respondents choosing the specified types of definitions

Термин	Лингвистическое определение, %	Общелитературное определение 1, %	Общелитературное определение 2, %
АБЗАЦ	79,6 ✓	51,9	29,6
АКТУАЛЬНЫЙ	50	88,9 ✓	—
БЕСФОРМЕННЫЙ	7,4	96,3 ✓	—
ГИБРИДИЗАЦИЯ	22,2	74,1	81,5 ✓
ЗАМЕНА*	61,1 11,1 7,4	75,9 ✓	—
ЗАМЕСТИТЕЛЬ	16,7	83,3 ✓	83,3 ✓
КАЛАМБУР	64,8	72,2 ✓	64,8
КАЛЬКА	64,8	83,3 ✓	44,4
ЛЕКСИКОГРАФИЯ*	59,3 ✓ 42,6 18,5	50	—
МАССИВ	11,1	72,2 ✓	53,7
РАСКАТИСТЫЙ	7,4	20,4 ✓	—

* У терминов *ЛЕКСИКОГРАФИЯ* и *ЗАМЕНА* три лингвистических определения, поэтому показаны три доли. Знак «—» означает, что для данных терминов словари указывают только одно значение в обычном языке.

Самая высокая доля у каждого термина в этой таблице выделена жирным шрифтом и отмечена знаком «✓». Таким образом, из вышеприведенной таблицы видно, что, за исключением терминов *АБЗАЦ* и *ЛЕКСИКОГРАФИЯ*, доля числа респондентов, указавших определение, исходя из общелитературного смысла, выше той, которая приходится на лингвистическое определение. Носители русского языка считают, что определение обыденного значения термина более соответствует самому термину, чем его определение в лингвистике, иначе говоря, общеупотребительное значение для них является более привычным и легким для понимания.

Надо подчеркнуть, что слова в этом списке можно разделить на 2 группы в соответствии с исходной сферой функционирования: собственно термины, отражающие научную языковую картину мира, и общеупотребительные слова, отражающие ненаучную языковую картину мира. Первые начали использоваться в повседневной речи в результате процесса детерминологизации, вторые вошли в терминологическую систему в результате процесса терминологизации.

Исключение

Надо заметить, что для двух терминов, *АБЗАЦ* и *ЛЕКСИКОГРАФИЯ*, большинство респондентов выбрали лингвистическое определение, а не общелитературное, другими словами, внимание носителей языка с большей вероятностью фокусируется на лингвистических определениях этих терминов.

Фрагмент анкеты термина *АБЗАЦ* и термина *ЛЕКСИКОГРАФИЯ*:

Выберите как минимум один вариант, который Вы считаете соответствующим термину <i>АБЗАЦ</i>. (Можно выбрать более одного варианта) А. Красная строка, отступ в начале строки Б. Отрезок письменной или разговорной речи, состоящий из одного или нескольких предложений В. Текст между двумя отступами в начале строки Г. Стихоподобный абзац Д. Отрезок письменной речи от одной красной строки до другой, обладающий синтаксической целостностью
Выберите как минимум один вариант, который Вы считаете соответствующим термину <i>ЛЕКСИКОГРАФИЯ</i>. (Можно выбрать более одного варианта) А. Наука о составлении словарей Б. Составление словарей как описание лексики данного языка В. Совокупность словарей, относящихся к данному языку или области знания Г. Теория и практика составления словарей Д. Русская историческая лексикология и лексикография

У термина *РАСКАТИСТЫЙ*, напротив, самый популярный вариант среди всех вариантов ответов – это не общеупотребительное значение, а неверный вариант, выражающий отсутствующий в толкованиях элемент смысла (при этом доля людей, выбравших нелингвистические определения данного термина, все еще выше, чем доля людей, выбравших его лингвистические определения). Доля количества респондентов, выбравших данный вариант, составляет **64,8 %** (эта оценка не отражена в табл. 2) по сравнению с 20,4 % (общелитературное определение) и 7,4 % (лингвистическое определение). Почему именно этот вариант привлек больше всего респондентов, когда у других терминов доля носителей языка, выбравших общелитературное определение, выше всего среди всех вариантов ответов (кроме *АБЗАЦ* и *ЛЕКСИКОГРАФИЯ*)?

Неверный вариант, ‘гулкий’ и ‘грубый’, может соответствовать ассоциации людей с данным термином, но данное ассоциативное значение не отражается в словарях. В вопросе, связанном с термином *РАСКАТИСТЫЙ*, такой ответ квалифицирован как неправильный, так как он отсылает к значению, отсутствующему в толковых и ассоциативных словарях. Однако само это значение довольно тесно связано с рассматриваемым словом, что может объяснить склонность носителей языка выбрать именно данный вариант ответа.

Фрагмент анкеты термина *РАСКАТИСТЫЙ*:

Выберите как минимум один вариант, который Вы считаете соответствующим термину *РАСКАТИСТЫЙ*. (Можно выбрать более одного варианта)

- А. Раскатистый голос
- Б. То же, что дрожащий
- В. Гулкий и грубый
- Г. Раскатистые взрывные удары
- Д. С раскатом, с раскатами

Межгрупповые различия

Оценим результаты анкеты, попробовав оценить, узнают ли респонденты из области лингвистики и филологии лингвистические определения КЛТ с большей вероятностью, чем представители из других областей. Все множество респондентов было разделено на пять групп, в зависимости от сферы учебы или работы: лингвистика и филология, другие гуманитарные науки, естественные науки, математика и информатика, экономика и бизнес. При анкетировании 45 из 54 человек указали свою сферу учебы или работы.

Каждому респонденту присваивалось определенное количество баллов по следующему правилу. Если респондент выбирает для очередного термина хотя бы одно лингвистическое определение, он получает один балл. Если этот термин имеет большее число лингвистических определений и респондент выбрал более одного из них, то дополнительные баллы за это ему не начисляются. Иначе говоря, респондент не мог получить более одного балла за каждый вопрос. Таким образом, максимальный суммарный балл составляет 11 баллов.

Таблица 2

Оценки респондентов в разных группах

Table 2

Scores of respondents in different groups

Группа	Оценки	Средний балл	Медиана
Лингвистика и филология (10 чел.)	3, 7, 4, 2, 8, 4, 8, 4, 6, 8	5,4	5
Другие гуманитарные науки (5 чел.)	3, 5, 5, 5, 4	4,4	5
Естественные науки (11 чел.)	7, 8, 4, 3, 3, 6, 2, 6, 5, 6, 1	4,636	5
Математика и информатика (8 чел.)	6, 2, 3, 6, 4, 1, 4, 5	3,875	4
Экономика и бизнес (11 чел.)	1, 5, 4, 4, 6, 4, 4, 5, 3, 8, 3	4,273	4
Всего: 45 чел.			

Следует отметить, что данная оценка не показывает, лучше ли определенные группы респондентов ответили на вопросы по сравнению с другими группами. Оценка используется только для проверки того, имеют ли лингвисты или филологи преимущество в понимании лингвистических определений терминов.

По таблице можно узнать, что средний балл группы лингвистов и филологов намного выше, чем в других группах. Это свидетельствует о том, что респонденты в области лингвистики и филологии более компетентны в выявлении лингвистических определений терминов, иными словами, лингвисты и филологи легче понимают и распознают лингвистические определения КЛТ. Это связано с тем, что в процессе своего обучения они столкнулись с большим количеством лингвистических терминов и более тонко понимают лингвистические понятия.

По сравнению с группой лингвистов и филологов (5,4) разница оценок между группами других гуманитарных наук (4,4), естественных наук (4,636) и экономики (4,273) гораздо меньше. Это позволяет с большой долей вероятности предположить, что они проявляют схожие способности к идентификации лингвистических определений. Однако средний балл для представителей группы математики и информатики ниже, чем для всех остальных групп. Означает ли это, что респонденты из математической группы наименее способны идентифицировать лингвистические определения? Рассмотрев медиану для данной группы, мы не заметим отличия от экономической группы. То, что средний балл в группе математики и информатики относительно низкий, может быть связано с низкими оценками отдельных респондентов или с недостаточным для данной группы объемом выборки.

Наиболее и наименее популярные лингвистические определения

В результате анализа лингвистических определений КЛТ было обнаружено, что одни лингвистические определения терминов выбрало большинство респондентов, а другие – лишь немногие респонденты. В первую пятерку самых популярных лингвистических определений входят следующие:

Таблица 3

Топ 5 самых популярных лингвистических определений

Table 3

Top 5 most popular linguistic definitions

Термин	Доля респондентов, %	Рейтинг
<i>АБЗАЦ</i>	79,6	1
<i>КАЛЬКА</i>	64,8	2
<i>КАЛАМБУР</i>	64,8	2
<i>ЗАМЕНА *</i>	61,1	3
<i>ЛЕКСИКОГРАФИЯ *</i>	59,3	4

* У терминов *ЛЕКСИКОГРАФИЯ* и *ЗАМЕНА* три лингвистических определения, здесь показано одно из них.

Табл. 4 отображает пятерку наименее популярных лингвистических определений.

При анализе данных десяти терминов мы обнаружили общее правило: в большинстве случаев чем ближе лингвистическое определение термина (вплоть до тождественности) к его общелитературному значению, тем легче носителю русского языка понять и выбрать лингвистическое определение; наоборот, чем менее близко (вплоть до полного отличия) лингвистическое определение термина к его общелитературному определению, тем сложнее носителю языка

Таблица 4

Топ 5 наименее популярных лингвистических определений

Table 4

Top 5 least popular linguistic definitions

Термин	Доля респондентов, %	Рейтинг
<i>РАСКАТИСТЫЙ</i>	7,4	1
<i>БЕСФОРМЕННЫЙ</i>	7,4	1
<i>ЗАМЕНА</i> ²	7,4	1
<i>ЗАМЕНА</i> ³	11,1	2
<i>ЗАМЕСТИТЕЛЬ</i>	16,7	3

* У термина *ЗАМЕНА* три лингвистических определения, два из них входит в данный список.

понять лингвистическое определение и тем менее вероятно, что лингвистическое определение термина будет сочтено соответствующим определению на основе обыденного смысла.

Отношения между лингвистическим и обыденным смыслами данных десяти терминов были проанализированы отдельно (1 – лингвистическое определение, 2 – толкование обыденного значения) [Ахманова, 2021; slovari.ru].

АБЗАЦ

1	Отрезок письменной речи от одной красной строки до другой, обладающий синтаксической целостностью
2	Красная строка, отступ в начале строки Текст между двумя отступами в начале строки

Получается, что толкование термина *АБЗАЦ*, представленного в специальном словаре, конкретнее за счет описания дополнительных характеристик, которые в общих толковых словарях не считаются релевантными/значимыми.

КАЛЬКА

1	Заимствование путем буквального перевода (обычно по частям) слова или оборота речи
2	Прозрачная бумага или ткань для снятия копий с чертежей и рисунков

Видно, что лингвистическое значение термина не согласуется с обыденным значением, но лингвистический смысл термина знаком носителям русского языка, поскольку изучается в программе школьного курса, поэтому им легко понять данный термин и выбрать его в опросе.

КАЛАМБУР

1	Фигура речи, состоящая в юмористическом (пародийном) использовании разных значений одного и того же слова или двух сходно звучащих слов
2	Шутка, основанная на комическом использовании сходно звучащих, но разных по значению слов, игра слов.

На основании сопоставления толкований данного термина можно заметить, что его лингвистический и обыденный смыслы соответствуют друг другу, и вполне естественно, что носители языка смогли полностью понять и выбрать лингвистическое значение термина в опросе.

ЗАМЕНА

1	Употребление одной языковой единицы вместо другой
	Метод наблюдения над языковыми фактами, состоящий в подстановке разных языковых единиц в одном и том же окружении для выяснения их соотношения
	То же, что коммутация
2	Тот, кто (или то, что) заменяет кого-, что-л.

* У термина *ЗАМЕНА* три лингвистических определения, здесь они сравниваются вместе.

После тщательного анализа можно обнаружить, что специальное и обыденное значения термина не совпадают, но оба сохраняют значение действия глагола «заменить», поэтому они пересекаются друг с другом.

ЛЕКСИКОГРАФИЯ

1	Наука о составлении словарей[√]
	Составление словарей как описание лексики данного языка
	Совокупность словарей, относящихся к данному языку или области знания
2	Теория и практика составления словарей

* У термина *ЛЕКСИКОГРАФИЯ* три лингвистических определения, здесь они сравниваются вместе. Однако только одно из них является самым популярным, оно выделено жирным шрифтом и отмечено знаком «√».

В отличие от термина *АБЗАЦ*, обыденный смысл которого включает лингвистический смысл, лингвистическое значение данного термина шире обыденного значения. В этом случае носители языка могли понять и распознать именно то лингвистическое значение, которое наиболее тесно связано с общеупотребительным значением.

РАСКАТИСТЫЙ

1	То же, что дрожащий
2	С раскатом, с раскатами

Хотя оба определения связаны со звуком, они означают разные аспекты звука, что затрудняет выбор лингвистического определения данного термина носителям языка. В то же время мы предполагаем, что, поскольку данный термин либо не имеет широкого употребления, либо устарел (более употребительным является термин «дрожащие звуки»), носители языка не думают, что термин *РАСКАТИСТЫЙ* соответствующим понятию «дрожащие звуки».

БЕСФОРМЕННЫЙ

1	Не разложимый на основу и окончание
2	Не имеющий определенной формы, ясных очертаний

Лингвистическое определение термина имеет мало общего с определением на основе обыденного смысла, и обыденное значение является более распространенным, поэтому носители языка не были склонны узнать и выбрать лингвистическое определение.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ

1	Слово, словоформа, звукоподражательное созвучие и т. п., окказионально выступающие в данной синтаксической функции
2	Тот, кто замещает кого-л. на каком-л. месте, на какой-л. должности
	Помощник вышестоящего должностного лица

В этом случае лингвистическое значение данного термина не имеет ничего общего с его обыденными смыслами, поэтому маловероятно, что респонденты сочтут лингвистическое определение соответствующим данному термину, поэтому они и не выбрали его в опросе.

Понимание терминов-словосочетаний

По табл. 2 мы увидели, что доля респондентов, выбравших определения КЛТ, соответствующие обыденным смыслам, относительно высокая, другими словами, большое количество носителей русского языка были склонны выбрать обыденное значение термина. Из табл. 4 и 5 понятно, что лингвистические определения одних КЛТ выбрали больше половины респондентов (доля > 50 %), а лингвистические определения других КЛТ были выбраны только немногими респондентами (доля < 20 %).

В одиннадцати вопросах с вариантами ответов было поставлено всего 14 терминологических словосочетаний или словосочетаний обыденного языка. Почти во всех случаях доли количества респондентов, выбравших словосочетания, ниже 50 %. Доли количества респондентов ранжируются от высокого к низкому следующим образом (см. табл. 5. КЛТ, содержащиеся в словосочетаниях, выделены жирным шрифтом).

Таблица 5

Доля количества респондентов, выбравших словосочетания

Table 5

Percentage of respondents choosing phrases

Словосочетание	Доля, %
Гипербазитовые массивы / лесные массивы	50
Раскати́стый голос	42,6
Раскати́стые взрывные удары	42,6
Заместитель Генерального прокурора	38,9
Злободневный и актуальный роман	38,9
Актуальная социально-экономическая задача	29,6
Бесформенная мраморная глыба	29,6
Непереводимый каламбур	27,8
Поведенческая калька	24,1
Неуклюжий каламбур	20,4
Русская историческая лексикология и лексикография	18,5
Искусственная гибридизация	18,5
Содержательная замена идентификаторов	13
Стихоподобный абзац	7,4

То, что доля количества респондентов, выбравших словосочетания, меньше или равна 50 %, может объясняться способом формулирования вопросов. В каждом вопросе с вариантами используются слова «...вариант вы считаете **соответствующим** термину...». Многие носители языка считают, что соответствующими терминам в первую очередь являются научные определения, поэтому во многих ответах респонденты выбрали только определения терминов. Кроме того, из нескольких отзывов опрошенных мы узнали, что много из них не знали, обязательно ли выбрать словосочетания, хотя они считали, что словосочетания более или менее соответствуют терминам.

Несмотря на относительно низкую степень выбора словосочетаний опрошенными, были обнаружены две противоположные особенности. Чем ближе значение термина, включенного в словосочетание, к своему общеупотребительному смыслу (*гипербазитовые массивы/лесные массивы, раскатистый голос*) или чем чаще само словосочетание встречается в быденном языке (*актуальная социально-экономическая задача*), тем больше вероятность того, что носители языка выберут его. Наоборот, чем ближе значение термина, включенного в словосочетание, к специальному смыслу (*искусственная гибридизация, содержательная замена идентификаторов*) или само словосочетание редко появляется в быденном языке (*стихоподобный абзац*), тем менее вероятность того, что носители языка решат его выбрать.

Способы объяснения КЛТ носителями русского языка

В дополнение к одиннадцати обязательным вопросам с вариантами ответов в анкете также были созданы два необязательных вопроса для самостоятельного заполнения, чтобы было возможно проанализировать методы и способы, применяемые носителями языка при объяснении КЛТ. В вопросе, связанном с термином *ЗАВИСИМЫЙ*, были получены 48 ответов, а в вопросе, связанном с термином *ДЕГРАДАЦИЯ*, были получены 49 ответов.

Один из названных двух терминов является прилагательным, а другой – существительным, поэтому лучше анализировать их раздельно. Следует напомнить, что в данном исследовании не оценивалось, насколько точны и корректны толкования терминов, предложенные носителями русского языка, а лишь исследовались использованные ими способы трактовки терминов.

ЗАВИСИМЫЙ

Во-первых, выражения в 48 ответах были проанализированы семантически. После анализа основного смысла объяснения из каждого ответа было извлечено несколько сем. Важно отметить, что в одном ответе респондента может быть более одной семы. В список включен *отрицательный вариант семы* [Азарова, Митрофанова, 2002, с. 81], отмеченный знаком «–». Результаты перечислены ниже в порядке убывания частоты встречаемости (табл. 6).

Неожиданным оказалось, что носители русского языка при объяснении данного термина чаще всего использовали сам термин, его именную или глагольную формы. За ними следуют синонимы и квазисинонимы данного термина. Среди всех используемых синонимов и квазисинонимов наиболее часто употреблялись «подчинённость» и «несамостоятельность», это позволяет предположить, что в сознании носителей языка данные два понятия семантически наиболее близки к термину *ЗАВИСИМЫЙ*.

Два компонента смысла, «подчинённость» и «связанность», содержатся в определении термина «зависимый» в лингвистическом словаре О. С. Ахмановой, т. е. входят в значение лингвистического термина (см. следующее определение данного термина в словаре О. С. Ахмановой, указанные семантические элементы выделены жирным шрифтом).

ЗАВИСИМЫЙ – 1. То же, что **подчинённый**. 1) Слова и словоформы, функционирующие только как обусловленные **соединением** с господствующим (главным, независимым) членом данного синтаксического построения и обычно имеющие в своем составе показатель данного

Таблица 6

Частота встречаемости сем у слова *ЗАВИСИМЫЙ*

Table 6

Frequency of occurrence of semes in the word *ЗАВИСИМЫЙ*

№	Сема	Частота встречаемости (раз)
1	Зависимость (от чего-л. / кого-л.)	15
2	Подчинённость (чему-л. / кому-л.)	10
3	– Самостоятельность	8
4	Связанность (с чем-л. / кем-л.)	5
5	Нахождение под влиянием	5
6	– Возможность / простота отказа (от чего-л. / кого-л.)	4
7	Необходимость другого объекта (как источника влияния)	4
8	– Автономность функционирования / – существование / – Способность обойтись (без чего-л. / кого-л.)	4
9	Полагаться (на что-л., кого-л.)	2
10	Изменяемость (под воздействием чего-л. / кого-л.)	2
11	Слабость, несвобода в выборе поведения	2
12	Другие (находится в плену / помешанный / склонность)	по 1
	Всего:	64

синтаксического **отношения**. 2) То же, что служебные слова. 2. То же, что позиционный [Ахманова, 2021].

Остальные семантические элементы скорее входят только в общеупотребительное значение данного слова (*находящийся в чьей-л. власти, в чьем-л. подчинении; связанный в своих действиях, мыслях и т. п. чужой волей, влиянием* [МАС]). Таким образом, некоторые семы лингвистического определения совпадают с элементами смысла данного слова в обыденном языке, что в определенной степени позволяет человеку, не владеющему лингвистической терминологией, понять этот термин в контексте лингвистики.

С синтаксической точки зрения также был выявлен ряд особенностей. Некоторые респонденты толковали данный термин таким образом, что сохранялась соответствующая ему грамматическая форма, т. е. атрибутивная грамматическая форма, например «*находящийся...*», «*полагающийся...*», «*имеющий...*» или прилагательное «*не способный...*», и др. В то же время другие носители языка при опросе трактовали термин, добавляя подлежащее и полные предложения, например «*кто-то или что-то...*», «*то/тот...*», «*вещь или человек...*», «*объект/субъект...*» и др. Следует обратить внимание на то, что во всех ответах на данный вопрос для объяснения термина использовались короткие фразы или полные предложения, т. е. при трактовке термина использовалось не просто одно слово (синоним / квазисиноним).

На прагматическом уровне было выведено несколько моделей интерпретации данного термина носителями русского языка.

1. **НАУЧНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ.** Большинство респондентов стремились дать точное определение. Некоторые из этих объяснений характеризуют разные стороны значений термина, отличаются наукообразностью, и поэтому очень близки к научным определениям в словарях. Например, «некто или нечто, чьё существование связано с неким другим объектом или человеком, несамостоятельный, подчинённый, не способный в чём-то на автономное функционирование».

2. **ПОВТОРЕНИЕ СМЫСЛА.** Для того чтобы передать смысл точнее и яснее, некоторые участники опроса объясняли термин, употребляя разные квазисинонимы или предложения. В одном из ответов респондент даже предложил три квазисинонима, другой респондент при ответе на данный вопрос анкеты использовал три фразы для толкования одного термина. По сравнению с трактовками термина, состоящими только из одного синонима или одного предложения, повторяющиеся в объяснении смыслы действительно могут способствовать лучшему пониманию этих смыслов.

3. **ОБЪЯСНЕНИЕ + ПРИМЕР.** Часть носителей языка не только определили термины, но и привели примеры. Например, «зависит от сигарет», «от кофеина, никотина» и др. Примеры могут способствовать появлению визуального образа и являются эффективным способом объяснения смысла.

ДЕГРАДАЦИЯ

Такой же семантический анализ, какой был осуществлен с термином *ЗАВИСИМЫЙ*, был проведен на материале 49 ответов на вопросы, связанные с термином *ДЕГРАДАЦИЯ*. Выявленные семы (в том числе отрицательный вариант семы), использованные в толкованиях данного термина, перечислены ниже в порядке убывания частоты встречаемости:

Таблица 7

Частота встречаемости сем у слова *ДЕГРАДАЦИЯ*

Table 7

Frequency of occurrence of semes in the word *ДЕГРАДАЦИЯ*

№	Сема	Частота встречаемости (раз)
1	Ухудшение	21
2	Упрощение / опущение (к.-л. свойств или моральное разложение)	10
3	Снижение / понижение (качества, уровня)	9
4	Регресс / – прогресс	7
5	– Развитие	6
6	Упадок	5
7	Потеря (ч.-л., переход на более низкий уровень) / падение / шаг вниз	4
8	Разложение	3
9	Разрушение	3
10	– Эволюция	3
11	Утрата (к.-л. свойств, качеств)	2
12	Разрыв (социальных связей)	1
Всего:		74

Если в предыдущем случае респонденты, отвечая на вопросы о термине *ЗАВИСИМЫЙ*, часто повторяли в ответах тот же смысл (зависимость), то при объяснении термина *ДЕГРАДАЦИЯ* респонденты не употребляли в своих ответах само слово *деградация*. Они использовали синоним *ухудшение*, причем гораздо чаще, чем другие семы. Это позволяет предположить, что в сознании носителей русского языка данное понятие намного ближе к значению рассматриваемого термина, чем другие понятия, перечисленные в таблице. Важно отметить, что данный термин является заимствованным словом, имеющим французское происхождение. При трактовке респонденты использовали и заимствованные («регресс»/«– прогресс»; «– эволюция») и русские слова (в том числе «снижение»/«понижение», которые являются буквальным переводом термина), но в целом чаще всего встречаются русские слова.

Два элемента смысла «ухудшение» и «разрушение» используются в определении термина в лингвистическом словаре О. С. Ахмановой, т. е. входят в значение данного лингвистического термина (см. следующее определение из словаря О. С. Ахмановой, указанные семантические элементы выделены жирным шрифтом).

ДЕГРАДАЦИЯ – представление об изменениях, происходящих в языке, как о **разрушении** его исходных черт и, следовательно, его **ухудшении**, порче [Ахманова, 2021].

Наряду с семами «ухудшение» и «разрушение», общими для терминологического и общеупотребительного значений есть семы, например, «моральное разложение» и «разрыв социальных связей», определенно относящиеся к общеупотребительному значению данного слова (*постепенное ухудшение, утрата ценных свойств и качеств, упадок* [МАС]) и не входящие в значение лингвистического термина. Знание общих и различных (дифференцирующих) сем, выделяемых в значениях консубстанционального термина, может быть полезно при общении с собеседником, не владеющим терминологией лингвистики. Человек, владеющий этой терминологией, может понять, какие элементы значения термина понятны носителю языка без объяснений (в данном случае «ухудшение» и «разрушение»), а на какие компоненты ему необходимо указать как на присутствующие или отсутствующие в значении термина. Например, сема «изменения, происходящие в языке» имеется в значении термина, но отсутствует в общеупотребительном значении, а элементы значения «моральное разложение» и «разрыв социальных связей», наоборот, отсутствуют в значении лингвистического термина «деградация», но могут входить в общеупотребительное значение.

Синтаксический анализ ответов на вопросы о термине *ДЕГРАДАЦИЯ* показывает, что в дополнение к коротким и полным предложениям носители русского языка использовали для объяснения данного термина и единичные слова (т. е. без каких-либо модифицирующих элементов языка), такие как *упрощение, регресс, упадок, ухудшение*. Всего 7 респондентов использовали в качестве толкования термина *ДЕГРАДАЦИЯ* только одно слово, при объяснении термина *ЗАВИСИМЫЙ* ни один опрошенный не дал ответа, состоящего из одного слова. Использование таких синтаксически простых ответов для разъяснения термина может быть обусловлено наличием у данного термина достаточно сходных по семантике синонимов.

В трактовках данного термина носителями языка был обнаружен также ряд особенностей прагматического характера.

1. **ЛАКОНИЧНЫЙ ОТВЕТ.** Объясняя данный термин, респонденты не только употребляли единичное слово, но и простую языковую структуру, например пару синонимов (*ухудшение и упрощение*), словосочетание типа «зависимое слово + главное слово» (*отрицательное развитие*) и др. Лаконичный язык воплощает в себе языковой принцип экономии, т. е. использование кратких выражений для достижения цели коммуникации. Человек предпочитает использовать краткую форму, если у него есть выбор между краткой и полной формой, так как он «понимает на бессознательном уровне простоту и удобство такого способа выражения» [Лозинская, 2015. С. 125].

2. **ОБЪЯСНЕНИЕ + ПРИМЕР.** Как и для предыдущего термина, для объяснения смысла слова *ДЕГРАДАЦИЯ* носители русского языка также использовали примеры, в частности,

«деградация вида, человека, языка», «в стрижке», «как изменения от простого к сложному» и др. Если не требуется давать именно научное определение понятия, то приведение примеров является эффективным и интуитивно понятным способом его объяснения.

3. ПОВТОРЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ. Как и при толковании предыдущего термина, в данном случае носители русского языка также неоднократно использовали синонимы или квазисинонимы. Как можно предположить, респонденты понимают, что повторяющиеся семантически сходные языковые единицы способны заполнить неохваченные толкованием части семантики слов. На рис. 2, приведенном ниже, синий кружок использован для обозначения семантического поля определения термина в толковых словарях, а зеленый кружок – для обозначения семантического поля толкования термина, данного носителями русского языка. При большем количестве зеленых кружков покрытая ими часть (отмеченная пунктиром) становится больше, а открытая часть синего кружка – меньше. Следовательно, использование синонимов и квазисинонимов для трактовки терминов может приблизить объяснение к определению словаря, если это приведет к большей степени охвата семантического объема определения из толковых словарей.

Рис. 2. Оптимизация охвата семантики определения в лингвистическом словаре

Fig. 2. Optimizing the Coverage of Definition Semantics in the Linguistic Dictionary

В результате анализа семантики предложенных респондентами толкований двух терминов были выделены наиболее часто используемые компоненты смысла, т. е. те семы, которые в сознании носителя русского языка ближе к значению соответствующего термина. Синтаксический анализ показал, что респонденты были склонны использовать для объяснения терминов краткие ответы (отдельные слова, словосочетания или полные предложения). Респонденты также использовали такие прагматически значимые для передачи смысла средства, как пояснение на основе примеров и повторение информации.

Заключение и обсуждение

Носители русского языка с различным профессиональным образованием склонны понимать консубстанциональные лингвистические термины в их обыденном смысле. Это связано с тем, что в повседневной жизни носители любого языка чаще всего имеют дело именно с обыденными понятиями. Поэтому такая трактовка консубстанциональных лингвистических терминов мало зависит от уровня знаний или сферы учебы / работы носителей языка.

Носители русского языка, занятые в сфере лингвистики и филологии, более успешно распознают лингвистические определения консубстанциональных лингвистических терминов, чем представители других профессиональных областей. Это связано с тем, что специалисты такого профиля знакомы с лингвистическими теориями знаний, что и помогает им правильно распознать соответствие между лингвистическим определением и консубстанциональным

термином. Более того, преимущества полученных знаний, используемых для идентификации лингвистических определений терминов, весьма значительны.

Семантические отношения между лингвистическим и общелитературным значениями консубстанционального лингвистического термина связаны с соотношением понятий в русском языке. Носителям русского языка легче понять и идентифицировать лингвистическое значение тех терминов, лингвистические значения которых включают общеупотребительное значение, пересекаются или совпадают с ним. Наоборот, носителям русского языка труднее понять и различить термины, значения которых не пересекается с обыденным значением или является устаревшим.

Проявились определенные семантические, синтаксические и прагматические закономерности в толковании консубстанциональных лингвистических терминов носителями русского языка. При трактовке терминов они используют ограниченное количество сем, некоторые из которых появляются намного чаще других. Для объяснения терминов носители русского языка приводят отдельные слова, краткие и полные предложения. Отдельные слова в таких объяснениях встречаются тем чаще, чем ближе их значения к семантике соответствующих терминов. Для успешной передачи своих мыслей носители русского языка склонны приводить примеры и повторять ключевые слова.

Хотя, как показано в данном исследовании, терминологические словосочетания и выражения обыденного языка, включающие консубстанциональные лингвистические термины, респонденты сочли менее соответствующими самим терминам (опрошенные не были склонны их выбрать в анкете), часть эксперимента, касающаяся проверки понимания словосочетаний носителями языка, нуждается в оптимизации. Данная часть может стать самостоятельным объектом экспериментального исследования, направленного на проверку понимания и распознавания консубстанциональных лингвистических терминов, встречающихся в терминологических сочетаниях.

В перспективе настоящее исследование может перерасти в изучение консубстанциональных лингвистических терминов в двух процессах – терминологизации и детерминологизации. «Между терминологической лексикой и лексикой общелитературной существует постоянная связь и взаимодействие» [Капанадзе, 1965. С. 69]. Результаты данных двух противоположных процессов могут быть свидетельством появления консубстанциональных лингвистических терминов, что необходимо подтвердить в последующих исследованиях. Кроме того, интересной темой, связанной с этим, является изучение имеющегося в сознании носителя языка представления о сфере функционирования консубстанциональных лингвистических терминов: совпадает ли эта сфера с исходной или нет.

Данное исследование также связано с созданием словаря консубстанциональных лингвистических терминов и разработкой системы идентификации таких терминов по контексту. Словарь консубстанциональных терминов, указывающий общие и дифференцирующие элементы значений, может предоставить информацию, облегчающую понимание лингвистических терминов, значения которых намного отличаются от обыденных смыслов. Система идентификации терминов по контексту, в свою очередь, поможет автоматизировать процессы обработки публикаций, содержащих консубстанциональные лингвистические термины, что существенно, например, для классификации текстов, их реферирования, извлечения терминов.

Список литературы

- Авербух К. Я.** Общая теория термина. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2004. 252 с.
- Азарова И. В., Митрофанова О. А.** Материалы к компьютерному тезаурусу лексики русского языка // Материалы конференции «Корпусная лингвистика и лингвистические базы данных». СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2002. 232 с.

- Валько Д. В., Соломко Д. В. Экологичность как междисциплинарный термин // Управление в современных системах. 2020. №2 (26). С. 14–22.
- Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение: Учеб. пособие для студ. вузов. М.: Академия, 2008. 304 с.
- Залевская А. А. О междисциплинарном потенциале научного термина // Вопросы психолингвистики. 2019. №3 (41). С. 14–23.
- Капанадзе Л. А. Терминологическая лексика в общелитературном языке // Русский язык в школе. 1965. № 3. С. 68–71.
- Лейчик В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. 4-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.
- Лозинская Е. А. Развитие понятия языковой экономии в лингвистической литературе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 1 (43): в 2 ч. Ч. II. С. 123–126.
- Малаховский Л. В. Теория лексической и грамматической омонимии // Институт языкознания / Отв. ред. Р. Г. Пиотровский. Л.: Наука, 1990. 239 с.
- Маслов Ю. С. Введение в языкознание. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1987. 272 с.
- Николенко О. Ю. Термин «Род»: к проблеме междисциплинарной омонимии // Вестник ЧелГУ. 2013. №31 (322). С. 146–148.
- Панкина М. Ф. Широкозначность и полисемия // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2013. №10. С. 7–12.
- Соколова М. А. Многозначность в терминологии: к вопросу о разграничении консубстанциональных слов и терминов // Преподаватель XXI век. 2016. №1. С. 315–320.
- Сорокина Э. А. О связи явления консубстанциональности слов с мышлением // Современное гуманитарное образование в социокультурном пространстве столичного мегаполиса. М.: Изд-во МГПИ, 2011. С. 212–219.
- Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1985. 170 с.
- Guy R. Introduction à la terminologie. Montréal: Centre éducatif et culturel, 1981. 227 p.
- White M. P., Elliott L. R., Grellier J. et al. Associations between green/blue spaces and mental health across 18 countries [Online] // Scientific Reports. 2021. Vol. 11, Article number: 8903 (2021). URL: <https://www.nature.com/articles/s41598-021-87675-0> (accessed on 01.03.2023)
- 郑述谱. 术语的定义 // 术语标准化与信息技术. 2005. Vol. 7-1. Pp. 4–14.

Список источников

- Project SLOVARI.RU. URL: <https://slovari.ru> (дата обращения: 01.02.2023).
- НКРЯ. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 01.02.2023).

Список словарей

- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Изд-во URSS, 2021. 576 с.
- Зыкина М. И., Крупчанова В. И., Нахабина М. М. [и др.] Частотный словарь общенаучной лексики / Под. общ. ред. Е. М. Степановой. М.: Изд-во Московского ун-та, 1970. 85 с.

References

- Averbux, K. Y. General Theory of the Term. Ivanovo: Publishing house of Ivanovo State University, 2004, 252 p. (in Russ.)

- Azarova, I. V., Mitrofanova, O. A.** Materials for the computer thesaurus of Russian vocabulary (Proceedings of the conference “Corpus Linguistics and Linguistic Databases”). St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 2002, 232 p. (in Russ.)
- Val'ko, D. V., Solomko, D. V.** Environmentalism as an interdisciplinary term. *Management in modern systems*, 2020, no. 2 (26), pp. 14–22. (in Russ.)
- Grinev-Grinevich, S. V.** Terminology: Textbook for Students of Higher Education Institutions. Moscow: Publishing Center “Academy”, 2008, 304 p. (in Russ.)
- Zalevskaya, A. A.** On the interdisciplinary potential of the scientific term. *Questions of Psycholinguistics*, 2019, no. 3 (41), pp. 14–23. (in Russ.)
- Kapanadze, L. A.** Terminological vocabulary in the general literary language. *Russian language at school*, 1965, no. 3, pp. 68–71. (in Russ.)
- Lejchik, V. M.** Terminology: Subject, methods, structure / 4th ed. Moscow: Book House “LIBRO-KOM”, 2009, 256 p. (in Russ.)
- Lozinskaya, E. A.** The development of the concept of linguistic economy in the linguistic literature. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 2015, no. 1 (43): in 2nd part, pp. 123–126. (in Russ.)
- Malaxovskij, L. V.** Theory of lexical and grammatical homonymy. Institute of Linguistics / Ed. by R. G. Piotrovsky. Leningrad: Nauka, 1990, 239 p. (in Russ.)
- Maslov, Y. S.** Introduction to linguistics / 2nd edition, revised and supplemented. Moscow: “Higher school”, 1987, 272 p. (in Russ.)
- Nikolenko, O. Y.** The term “rod”: to the problem of interdisciplinary homonymy. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2013, no. 31 (322), pp. 146–148. (in Russ.)
- Pankina, M. F.** Broad meaning and polysemy. *Actual issues of modern philology and journalism*, 2013, no. 10, pp. 7–12. (in Russ.)
- Sokolova, M. A.** Polysemy in terminology: on the issue of delimitation of consubstantial words and terms. *Lecturer of XXI century*, 2016, no. 1, pp. 315–320. (in Russ.)
- Sorokina, E. A.** On the connection of the phenomenon of consubstantiality of words with thinking. *Modern humanitarian education in the socio-cultural space of the metropolitan metropolis*. Moscow: Moscow State Pedagogical Institute Press, 2011, pp. 212–219. (in Russ.)
- Sternin, I. A.** Lexical meaning of a word in speech. Voronezh: Voronezh State University Publishing House, 1985, 170 p. (in Russ.)
- Guy, R.** Introduction à la terminologie. Montréal: Centre éducatif et culturel, 1981, 227 p. (in French)
- White, M. P., Elliott, L. R., Grellier, J. et al.** Associations between green/blue spaces and mental health across 18 countries [Online]. *Scientific Reports*, 2021, vol. 11, Article number: 8903 (2021). URL: <https://www.nature.com/articles/s41598-021-87675-0> (accessed on 01.03.2023)
- Zheng, S.** Definition of Term. *Standardization of Terminology and Information Technology*, 2005, vol. 7-1, pp. 4–14. (in Chinese)

List of Sources

- Project SLOVARI.RU. URL: <https://slovari.ru> (accessed on 01.02.2023).
- HKPЯ. URL: <https://ruscorpora.ru> (accessed on 01.02.2023)

List of Dictionaries

- Akhmanova, O. S.** Dictionary of linguistic. Moscow: Publishing House URSS, 2021, 576 p. (in Russ.)
- Zykina, M. I., Krupchanova, V. I., Nakhabina, M. M. et al.** Frequency Dictionary of General Scientific Vocabulary / Ed. by E. M. Stepanova. Moscow: Moscow University Press, 1970. 85 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Хуан Шанлун, аспирант Новосибирского государственного университета

Information about the Author

Huang Shanglong, PhD Student at Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation

*Статья поступила в редакцию 30.05.2023;
одобрена после рецензирования 22.08.2023; принята к публикации 28.08.2023*
*The article was submitted 30.05.2023; approved after reviewing 22.08.2023;
accepted for publication 28.08.2023*

Научная статья

УДК 811.512.157'366.5

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-4-58-69

Изафет как средство выражения функционально-семантической категории меры в якутском языке

Ирина Борисовна Иванова

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
Якутск, Россия

imenaotglagola@rambler.ru, <https://orcid/0000-0003-0361-5708>

Аннотация

В статье впервые рассматриваются в функционально-семантическом аспекте притяжательные (одноаффиксные) словосочетания, выражающие в якутском языке обозначения пространственных мер, такие как уровень, расстояние, длина, размер, время и т. д. В якутском и тюркском языкознаниях изучение категории принадлежности, а именно изафета, имеет длительную историю. Но притяжательные конструкции, основанные на изафете, до настоящего времени не были представлены как средства выражения функционально-семантической категории меры. Целью статьи является выявление и лингвистический анализ структурно-семантических особенностей притяжательных конструкций, выражающих меру в якутском языке. Для достижения данной цели решаются следующие задачи: описать краткую историю изучения притяжательных конструкций в тюркском и якутском языкознаниях; проанализировать особенности структурно-семантических организаций конструкций, определить носителя количественной семы в каждой конструкции. В качестве объекта исследования взяты определительные словосочетания (изафет), образованные морфологическим способом, а именно при помощи аффикса третьего лица единственного числа *-а* (*-э, -о, -ө*), *-та* (*-тэ, -то, -тө*). Основными методами работы при исследовании способов выражения меры в якутском литературном языке были систематизирование, анализ синтаксических единиц, поморфемное описание (глоссирование) лексической единицы, описательный метод и семантический анализ для выявления функций притяжательных конструкций. В результате их систематизации с точки зрения функциональной грамматики выявлены по форме выражения три основные группы: притяжательные конструкции со специальными лексемами для измерения – с классификаторами, с компаративными послелогом *саба, курдук* ‘как, как будто’ или с аффиксом орудного падежа *-нан*, также с аффиксом дательного падежа *-ар, -гар*. Классификатор в составе изафета является показателем, позволяющим более четко выразить параметрические данные в языке. Словосочетания с послеложно-падежными компонентами выражают межпредметные отношения ‘предмет и его часть’, а с аффиксом дательного падежа – локативные отношения. С помощью функционально-семантических исследований языка или речи преследуем цели проникнуть в национальную систему языкового поведения, также особого видения мира и понять особенности механизма мышления народа.

Ключевые слова

якутский язык, функциональная грамматика, имя существительное, определительное словосочетание, мера, притяжательная конструкция, изафет

Для цитирования

Иванова И. Б. Изафет как средство выражения функционально-семантической категории меры в якутском языке // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 4. С. 58–69. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-4-58-69

© Иванова И. Б., 2023

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 4
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2023, vol. 21, no. 4

Izafet as a Means of Expressing the Functional-Semantic Category of Measure in the Yakut Language

Irina B. Ivanova

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS,
Yakutsk, Russian Federation

imenaotglagola@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0361-5708>

Abstract

The current paper is the first to consider possessive (one-suffix) phrases in the functional-semantic aspect, designating spatial measures (level, distance, length, size, time, etc.) in Yakut. In the Yakut and Turkic linguistics, the study of the category of belonging, namely, *izafet*, has a long history. But possessive constructions based on the *izafet* have not been presented until now as a means of expressing the functional-semantic category of measure. The purpose of the article is to identify and analyse the structural and semantic features of possessive constructions expressing measure in the Yakut language. To achieve this goal, we considered the history of the study of possessive constructions in Turkic and Yakut linguistics and analyzed the structure and semantics of constructions to determine the carrier of quantitative semes in each construction. The object of the study is the determinative phrases (*izafet*) formed morphologically, namely with the help of the affix of the 3rd person singular -a (-e, -o, -o), -ta (-te, -to, -to). The main methods used in the study were systematization, analysis of syntactic units, morphemic description (glossing) of a lexical unit, descriptive method and semantic analysis to identify the functions of possessive constructions. As a result of the systematization in terms of functional grammar, three main groups have been identified: possessive constructions with special lexemes for measurement – classifiers, comparative postpositions *saḡa*, *kurduk'*, as if with the affix of the instrumental case -nan, also the affix of the dative case -ar, -gar. The classifier in the *izafet* is an indicator that allows us to more clearly express parametric data in the language. Phrases with postpositional-case components express intersubject relations “the subject and its part”, with the affix of the dative case – locative relations. With the help of functional and semantic studies of language or speech, we penetrate into the national system of language behavior, a specific worldview and thinking process of the people.

Keywords

Yakut language, functional grammar, noun, determinative phrase, measure, possessive construction, *izafet*

For citation

Ivanova I. B. *Izafet as a Means of Expressing the Functional-Semantic Category of Measure in the Yakut Language*. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, vol. 21, no. 4, pp. 58–69. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-4-58-69

Введение

В современном языкознании в последнее время наблюдается возросший интерес к проблемам лингвистики и межкультурной коммуникации в целом. Анализ языковых данных как продукта мыслительной деятельности человека дает возможность понять механизм мышления того или иного общества, менталитет народа с ориентацией на современные приоритеты и культурные установки. Теория грамматики конструкций, на которую мы будем опираться, была основана западными лингвистами [Fillmore, 1988; Goldberg, 2006; Tomasello, 2003; Croft, 2001]. Также большой вклад в изучение посессивно-именной системы внесли русские тюркологи: Н. К. Дмитриев [1948], А. Н. Кононов [1941], Е. И. Убрятова [1950] и др. [СИГТЯ, 1988].

В тюркских языках употребляется термин “изафет” [Майзель, 1957. С. 9]: изафет – это определенное сочетание двух имен существительных, которые могут выражать как принадлежность, так и отношение. При этом необходимо, чтобы одно из двух существительных было подчинено другому, и являлось его определением, причем определение всегда предшествует определяемому. Известно три типа изафета по способу образования:

1) определительные словосочетания, грамматически оформленные только примыканием, без грамматических показателей (тат. *тимер юл* ‘железная дорога’, тур. *orta parmak* ‘средний палец’);

2) притяжательные определительные словосочетания, где определяемое слово оформлено аффиксом принадлежности, который в большинстве тюркских языков имеет форму *-u/-e/-ы/-y/-ү*, после гласных аффикс получает форму *-cu/-ce/-сы/-су/-сү* (каз. *алма бағы* ‘яблоне́вый сад’, азерб. *Lidice küçəsi* ‘Лиди́цкая улица’, тур. *Sabancı Üniversitesi* ‘Универси́тет Сабанджи’;

3) притяжательные определительные словосочетания, в которых определение оформлено родительным падежом, а определяемое слово – аффиксом принадлежности 3 лица ед. ч. [Дубровина, 2015. С. 13]. Обычно такие сочетания соответствуют русским словосочетаниям с родительным падежом, например, азерб. *ovçunun xatirələri* ‘записки охотника’, тур. *atın ölümü* ‘смерть коня’.

Нам показался интересным тот факт, что среди языковых средств выражения меры довольно часто встречаются именные притяжательные словосочетания, констатирующие довольно точные определения меры, и отличающиеся своей простотой и краткостью строения.

Изучение функционально-семантической категории меры на материале семантических групп изафетных словосочетаний нецелено на выявление и описание компонентов, участвующих в формировании пространственных конструкций.

В якутской грамматике категория меры рассматривается как отдельный компонент пространственного комплекса, который объединяет языковые семантические категории, выражающие идею измерения в пространстве. Грамматическая категория принадлежности (или притяжательности), присущая всем тюркским языкам, определяется как отношение принадлежности предмета к лицу или к другому предмету. Они выражают “разнородный круг логических отношений и связей между предметами, нередко далеких от понятия принадлежности или обладания” [ГСЯЛЯ, 1982. С. 127–129], указывают на часть того или иного предмета или на родственные связи, на предикативные связи, на возраст и т. д. В основном в словосочетании фиксируется отношение обладания между субъектом и объектом. Порядок расположения компонентов строго статичен.

В якутском языке формы выражения и сфера функционирования притяжательных словосочетаний имеют некоторые отличия, связанные с отсутствием родительного падежа и широким развитием притяжательного склонения [Чиркочева, Филиппов, 2018. С.124]. Изучение категории принадлежности в якутском языкознании имеет давнюю историю и восходит к сравнительно-сопоставительным исследованиям тюркских языков [Бётлингк, 1989; ГСЯЛЯ, 1982; Убрятова, 1950, 1976 и др.]. Также данная тема часто затрагивается по сей день в работах якутских грамматистов, лексикологов. Г. Г. Филиппов, например, характеризует особенности притяжательных формантов в предикативном склонении [Филиппов, 1996]. Н. И. Данилова в труде “Местоимение в якутском языке” особое внимание уделяет притяжательным формам якутских местоимений [Данилова, 1991]. Категория принадлежности в современном якутском языке, ее основные теоретические положения, а также морфологические и синтаксические особенности на основе анализа и обобщения тюркологических источников описаны в научных трудах Д. И. Чиркочевой [Чиркочева, 2013; Чиркочева, Филиппов, 2018].

Языковые единицы лексического, морфологического и синтаксического уровней характеризуются не только планом выражения, но и планом содержания, описывающего функционально-семантические понятия. В словосочетаниях в качестве аффикса принадлежности 3 лица используется формант *-a* (после конечных гласных звуков *-ta*). Отношение определяемого к определению выражено аффиксом принадлежности 3 лица единственного числа (на якутском языке: *биир биһирдээбэ* ‘один одного’). Синтаксические единицы выражают сложные, определительные отношения между предметами, и тем самым имеют большую популярность в использовании, в создании сложных имен, новых понятий, терминов. В якутском языке в конструкции со сложным изафетом глаголы качественного изменения состояния сочетаются с именем в родительном падеже (GEN) *-н*, а в конструкции с простым изафетом глаголы физического воздействия на объект оперируют именем в винительном падеже (ACC).

Притяжательные конструкции с классификаторами, выражающие параметрические явления

В определительных притяжательных конструкциях часто можно заметить, что второй компонент представлен в виде специальных слов, классификаторов, который в отличие от единицы измерения, служит неким маркером, дифференцирующим синтаксическую единицу от подобных словосочетаний. Сема меры инициализируется не только за счет классификатора, но, в первую очередь, за счет опеределительной части конструкции, т. е. первого компонента или части “обладателя”.

Например, притяжательные словосочетания с аффиксом *-а (-та)* используются в речи охотников при выражении уровня чего-либо: *саһыл холото* ‘мера высоты: высота, на которую устанавливается ловушка для лисы’, *бөрө холото* ‘мера высоты: высота, на которую устанавливается ловушка для волка’, *таба холото* ‘мера высоты: высота, на которую устанавливается ловушка для оленя’ и т. д. Изменяющаяся часть конструкции (Noun) определяет точную меру, в данном случае высоту уровня ловушки. В качестве первого компонента словосочетания выступают названия животных, птиц.

Noun	<i>холо</i> + Poss.3sg
<i>Саһыл</i>	<i>холо</i> + <i>то</i>
‘Лиса	уровень меры (её)

Второй компонент классификатор *холо*, представляющий название ‘специальной дощечки для определения чего-либо; особой мерки’ от др.-тюрк. *хол* ‘насечка’ [Пекарский, 1959. Стб. 3455–3456]. Также это слово используют при измерении толщины сала, камня и т. д., для установления лука на определенной высоте от земли. Здесь мы видим, что для каждого животного имеется особенная мерка.

Следующая мера получила распространение в период развития культуры земледелия. Якуты раньше определяли площадь земли по тому, сколько зерна можно оттуда собрать или посеять на этом участке земли: *Үс буут олобо тахсар сири биэрбиттэр* ‘выдали землю, на которой можно посеять пуд зерна’: *буут олобо* – *буут* ‘старая русская мера веса, пуд (16, 38 кг)’, *боппууда олобо* – *боппууда* ‘старая русская мера веса, полпуда (8 кг)’, *муунта олобо* – *муунта* ‘старая русская мера веса, фунт (409,5 г)’.

Noun	<i>олоб</i> + Poss.3sg
<i>Буут</i>	<i>олоб</i> + <i>о</i>
‘пуд	место (его)’

Первый компонент строго представлен старыми русскими мерами веса (пуд, полпуда, фунт), современных единиц измерения не было замечено. Классификатор, т. е. второй компонент *олох* в значении ‘место’, в притяжательной форме с аффиксом *-о* в сочетании с русскими мерами веса показывает, что речь идет о площади земли.

Также про площадь земли в народе говорят *бугул онно* ‘место копна’, *күөл оннун саба* ‘как место озера’, *дьиэ онно* ‘место дома’, *отуу онно* ‘место шалаша’, *өтөх онно* ‘место жилища’. Часто встречается как компаративная конструкция с послелогом *саба*, курдук ‘как’.

Noun	<i>онн</i> + Poss.3sg
<i>күөл</i>	<i>онн</i> + <i>о</i>
‘озеро	место (его)’

В определении большого расстояния используют выражения с классификатором *күннүк* от слова *күн* ‘день’, который, будучи темпоральным термином, обозначает расстояние: *сатыы киһи күннүгэ* ‘расстояние, которое проходит пеший человек за день’, *аттаах киһи күннүгэ* ‘расстояние, которое проходит человек на лошади’, *табалаах киһи күннүгэ* ‘расстояние, которое проходит человек на олене’.

Prop Noun	<i>күннүк</i> + Poss.3sg
<i>Сатыы киһи</i>	<i>күннүгэ</i> - э
‘Пеший человек	день (его)’

Заметим, аффикс обладания *-лаах* выражает условное определение субъекта: *аттаах киһи* ‘всадник, человек, который на коне’, *табалаах киһи* ‘человек на олене’.

Классификатор *көс* ‘верста, примерно 10 км’, будучи термином измерения расстояния, обозначает время: *ат көһө* ‘конная миля; время, за которое лошадь проходит 10 вёрст’, *оһус көһө* ‘бычья миля; время, за которое бык проходит 10 вёрст’, *тиинг көһө* ‘беличья миля; путь, который делает тунгус во время охоты на белку’ (Пекарский, 1959. Стб. 1170).

Noun *көс* + Poss.3sg

оһус *көһ* + *ө*

‘бык миля (его)’

В функционально-семантическом поле времени есть такое понятие, как ‘полдень’ и ‘полночь’, которое в якутском языке выражается через классификатор *оройо* ‘макушка’: *күн оройо* ‘полдень; 12 часов дня’, *туун оройо* ‘полночь; 12 часов ночи’. Так обозначили верхнюю и нижнюю кульминации Солнца.

В разговорном языке для указания точного счета иногда используется слово-частица *ордуга* (притяжательная форма 3-го л. единственного числа от основы *ордук* ‘излишек, избыток, остаток’). В данной функции слово может быть переведено как ‘и сверх того’: *уон ордуга икки* ‘двенадцать’ (букв.: десять и сверх того два), *абыс уон ордуга биэс* ‘восемьдесят пять’ (букв.: восемьдесят и сверх того пять) [ГСЯЛЯ, 1982. С. 176], *мун ордуга биэс* ‘сто пять’. В качестве первого и третьего компонентов служат десятичные целые числа.

Num *ордук* + Poss.3sg Num

уон *ордук* + *a* *икки*

‘десять остаток (его) два’.

Посредством изафета сочетаются некоторые служебные слова, придающие основному слову значение уменьшительности (Убрятова, 1950. С. 55). Использование модальной частицы *оҕото* (*оҕоккото*) [Петров, 1978. С. 215, 220], которая буквально переводится как ‘(его) дитя’, с показателем притяжательности 3 лица единственного числа выражает уменьшительно-ласкательное значение с количественным оттенком: *Бу кыра балык оҕото амсата аҕаллым* ‘Вот принесла немножко рыбы’. Аналогичным значением выражения маленького размера предмета обладает экспрессивно-эмоциональная частица *сыһына* ‘(его) соринка’: *Оҕонньор, кыра бурдук сыһына аҕал эрэ* ‘Дед, дай-ка немножко зерна’.

Noun *оҕо* + Poss.3sg

балык *оҕо* + *то*

‘рыба дитя (её)’

Данные модальные частицы в форме изафета указывают на маленькое количество объекта, а не на часть предмета.

Из табл. 1 видно, что в качестве первого компонента притяжательной конструкции служат не только названия животных или человека, но и разные имена, единицы измерения, числительные и т. д., которые являются основными определителями семантики меры в целом. Классификаторами выдвинуты самостоятельные имена существительные, которые имеют различные лексические значения. Следует отметить, в сочетаниях приведенных компонентов отношения между “обладателем” и “обладаемым”, или “предметом” и “его частью”, которые присущи притяжательным словосочетаниям, отсутствуют. В них доминирует значение параметрии, предельности. Форма притяжательного словосочетания строго сохраняется, но обычных синтаксических отношений изафета эти единицы не выражают, так как самостоятельное значение имеет только первое имя, а второе придает модальное значение.

Таблица 1

Притяжательные конструкции с классификаторами,
выражающие параметрические явления

Table 1

Possessive constructions with classifiers expressing parametric phenomena

1-й компонент	Классификатор в притяжательной форме	Структурное отличие	Название меры
Названия животных <i>Саһыл холото</i> 'Лиса (её) уровень меры'	<i>Холо-то</i> 'уровень меры (его)'	—	Уровень 'высота, на которую устанавливается ловушка для лисы'
Мера веса <i>Буут олобо</i> 'пуд место (его)'	<i>Олоб-о</i> 'место (его)'	—	Площадь 'земля, на которой можно посеять пуд зерна'
Предмет Название здания <i>Дьиз онно</i> 'озеро место (его)'	<i>Онн-о</i> 'место (его)'	—	Площадь 'площадь земли, на которой можно поставить дом'
Киһи 'человек' <i>Сатыы киһи куннугэ</i> 'Пеший человек день (его)'	<i>Куннуг-э</i> 'день (его)'	—	Расстояние 'расстояние, кото- рое проходит пеший человек за день'
Названия животных <i>Обус көһө</i> 'бык миля (его)'	<i>Көһ-ө</i> 'миля (его)'	—	Время 'время, за которое бык проходит 10 вёрст'
Названия времени суток <i>Кун оройо</i> 'день макушка (его)'	<i>Орой-о</i> 'макушка (его)'	—	Время 'полдень; 12 часов дня'
Числительное <i>Уон ордуга икки</i> 'десять остаток (его) два'	<i>Ордуг-а</i> 'остаток (его)'	числительное	Количество 'двенадцать'
Название предмета <i>Балык обото</i> 'рыба (её) дитя' <i>Бурдук сыһа</i> 'зерно (его) дитя'	<i>Обо-то, сыһа-а</i> '(его) дитя'	—	Объем, вес 'немножко рыбы, немножко муки'

Притяжательные конструкции, выражающие межпредметные отношения

Известно, что притяжательные конструкции выражают разного рода отношения между предметами, одним из них является обозначение предмета и его части. Предметно-предметные

отношения отражаются в притяжательных словосочетаниях, где первым компонентом является основной предмет, а вторым компонентом – его какая-либо часть, частичка: предмет и часть предмета [Чиркочева, Филиппов. С. 130]. По структурным особенностям словосочетания можно подразделить на послеложные (*саба* и *курдук*) и падежные типы (INSTR -*нан*).

1. В связи с тем, что словосочетания используются с послелогом *саба*, *курдук* ‘как, как будто’, их называют компаративными средствами, выражающими значение размера предмета. Притяжательная конструкция состоит из трех компонентов.

<i>чооруос</i>	<i>тумс-у-н</i>	<i>саба</i>
Noun	Noun.Poss.3sg. GEN	<i>саба</i>
Птичка	клювик	(его) как
<i>букв.</i> ‘с гулькина нос’		

Таблица 2

Притяжательные конструкции, выражающие межпредметные отношения

Table 2

Possessive constructions expressing intersubject relations

1-й компонент	2-й компонент в притяжательной форме	Структурное отличие	Название меры
Названия живых существ	<i>Тумса</i> ‘клюв’, <i>төбөтө</i> ‘кончик’, <i>хараба</i> ‘глазик’, <i>ытыһа</i> ‘ладошка’	GEN и послелог <i>саба</i> , <i>курдук</i> ‘как’	Маленький, мелкий размер предмета
Названия рогатого скота	<i>Баһа</i> ‘голова’	GEN и послелог <i>саба</i> , <i>курдук</i> ‘как’	Большой раз- мер предмета
<i>Kuһи</i> ‘человек’	<i>Харыта</i> ‘предплечье’, <i>буута</i> ‘ляжка’, <i>сото-то</i> ‘голень’, <i>тарбаба</i> ‘палец’	GEN и послелог <i>саба</i> , <i>курдук</i> ‘как’	Толщина пред- мета
Части тела живого существа: <i>сото</i> ‘голень’, <i>буут</i> ‘бедро’, <i>самах</i> ‘пах’, <i>өттүк</i> ‘бедро’, <i>түөс</i> ‘грудь’, <i>эмий</i> ‘грудь’, <i>хоннох</i> ‘подмышка’, <i>кул-гаах</i> ‘ухо’, <i>төбө</i> ‘голова’	Ортотунан ‘посередине’, <i>баһынан</i> ‘в начале’, <i>ту-орайынан</i> ‘посередине’, <i>баайатынан</i> ‘по краю’	ACC - <i>нан</i>	Уровень

Первым компонентом, который в русском языке представлен в форме родительного падежа, является имя в именительном падеже, с лексическим значением человека или животного. А носителем значения визуально маленького, чаще всего мизерного размера, предмета является вторая часть конструкции – название части тела, как *төбө*, *бас* ‘в значении кончик, головка предмета’, *харах* ‘глаз, глазик’, *тыл* ‘язык, язычок’, *ытыс* ‘ладошка’, *тилэх* ‘пятка, пяточка’, *тумус* ‘клюв’. Например, *иннэ төбөтө* ‘кончик иголки’, *мунду хараба* ‘глазик гольяна’, *ку-туйах хараба* ‘глазик мышки’, *туруйа хараба* ‘глазик стерха’, *собо тыла* ‘язык карася’, *сизэрэй тиинг тилэбэ* ‘пятка серой белки’, *сөмүйэ төбөтө* ‘кончик мизинца’, *уулуу турар орус хараба* ‘глаз быка, который пьет воду’, *кулун туйаба* ‘копытце жеребенка’, *обо (кыра обо) ытыһа* ‘ладошка младенца’ и т. д. Информацию о том, что речь идет о мизерных размерах предметов, несут первые компоненты конструкции, названия мелких предметов, животных, птиц, рыб (*иннэ*

‘иголлка’, *мунду* ‘гольян’, *собо* ‘карась’, *тиинг* ‘белка’ и т. д. А наименования *туруйа* ‘журавль’, *обус* ‘бык’ использованы в качестве обладателей маленьких глаз.

Номинатив *бас* ‘в значении части тела; голова’ наоборот показывает большой и тяжелый (чем надо) размер предмета: *ыт баһын саба күлүүс* ‘замок размером с голову собаки’, *тыһаҕас баһын саба таас* ‘таз размером с голову тёлки’, *ат баһын саба иһит* ‘сосуд размером с голову лошади’.

Следующим объектом измерения является толщина предмета, которую человек сравнивает с толщиной конечностей человеческого тела, другими словами, наблюдаем познание окружающего мира через антропоцентрические реалии: *киһи харытын саба* ‘как рука человека’, *киһи сототун саба* ‘как голень человека’, *суон киһи буутун саба* ‘как ляжка толстого человека’. В основном используются названия конечностей, в том числе и их отдельных частей, человека, как *илии* ‘рука’, *хары* ‘часть руки от локтя до запястья’, *нога* ‘атах’, *буут* ‘ляжка’, *сото* ‘голень’, *тарбах* ‘пальчик’, *сөмүйэ* ‘мизинчик’ и т. д.

<i>киһи</i>	<i>хары-ты-н</i>	<i>саба</i>
человек	Noun.Poss.3sg. GEN	как будто
человек	рука (его) -н	как будто
‘как рука человека’.		

Конструкция состоит из словосочетания, где первый компонент *киһи* ‘человек’, второй компонент – название части тела (конечностей) человека в форме Noun.Poss.3sg. GEN, третий компонент послелог *саба* (курдук) ‘как’.

2. Как средство выражения вертикального размера, т. е. уровня, чаще встречается сложный изафет с участием двух падежей (родительный и орудный). Надо отметить, что данная синтаксическая единица обладает способностью более четко и точно указывать на конкретный уровень чего-либо, чем одно имя. Среди структурных особенностей притяжательных конструкций является наличие аффиксов исчезнувшего в якутском языке родительного падежа *-ун* (GEN) и орудного падежа (INSTR) *-нан*.

<i>Сото-т-ун</i>	<i>орто-ту-нан</i>
Noun .POSS.3sg.GEN	Noun.POSS.3sg+INSTR
Голень (его) -ун	середина (его) -нан
‘посередине голени’.	

Для того чтобы определить вертикальный уровень (рост человека, высоту или глубину подвижных слоев (вода, снег, грязь, песок и т. д.), уровень свисающих объектов (одежда (платье, пальто), волосы) часто используют определительные словосочетания, состоящие из двух имен существительных, где второй компонент имеет локативное значение: *сототун ортотунан* ‘посередине голени’, *буутун ортотунан* ‘посередине ляжки’, *самабын туорайынан* ‘на уровне паха’, *өттүгүн баһынан* ‘там, где начинается бедро’, *түөһүн тылынан* ‘по верхней части груди’, *эмийин кэрэтинэн* ‘по соскам грудей’, *хоннобун аннынан* ‘под пазухой’, *кулгаабын эминньэбинэн* ‘по мочкам уха’, *төбөтүн оройунан* ‘по макушке’, *саннын баайатынан* ‘на уровне плеч’ и т. д.

Здесь мы также наблюдаем наличие исчезнувшего родительного (*-ын*, *-ун*, *-ин*, *-үн*) падежа имени существительного, который сохранился только в сложном изафете современного якутского языка. Как известно, ситуация измерения вертикального уровня основывается на антропоцентричности человеческого мышления: каждая конструкция ориентирована на человека. Первый компонент – это названия частей тела человека или животного, через которого проецируется представление о вертикальной мере: *сото* ‘голень’, *буут* ‘бедро’, *самах* ‘пах’, *өттүк* ‘бедро’, *түөс* ‘грудь’, *эмий* ‘грудь’, *хоннох* ‘подмышка’, *кулгаах* ‘ухо’, *төбө* ‘голова’ и т. д.

В нашем случае в составе притяжательных словосочетаний с *-нан* видно, как в качестве ориентиров служат названия частей тела человека, уточненные при помощи локативных имен: *баһа* ‘начало’, *ортото* ‘середина’.

Притяжательные конструкции со значением меры, выражающие отношения “предмет и его часть” в якутском языке, основаны на антропоцентричных реалиях или связаны с животными, которые обитают рядом с человеком.

Притяжательные конструкции, выражающие локативные отношения

В якутском языке имеется большое количество лексических и грамматических средств выражения близкого и большого расстояния между объектами, расстояния от себя до предмета, выражающие локативное отношение, т. е. отношение между предметом и его местом. Характер измерения небольших, близких (“безопасных” для человека) расстояний основывается на антропоцентризме, о чем свидетельствуют названия частей тела человека, так называемых органов чувств, как *ытыс* ‘ладони’, *мурун* ‘нос’, *харах* ‘глаза’.

В якутском языке, особенно в языке олонхо, художественных произведений про большие расстояния, про дороги, пути, про переходы между мирами, содержится много лингвистического материала. Понятие далекого от себя расстояния, которое невозможно измерить через органы чувств или части тела человека, якуты выражали посредством устойчивых сочетаний имен – фразеологическими единицами, такими как *сир түгэбэ* (сир түгэбэ дойду; хайа сир түгэбэр туспутэ биллибэт) ‘край земли’, *үрэх баһа* ‘необжитая, дикая, отдаленная местность’, *үөдөн түгэбэ* ‘у чёрта на куличках’ [Иванова, Ноева, 2019. С. 120–129].

Таблица 3

Притяжательные конструкции, выражающие локативные отношения

Table 3

Possessive constructions expressing locative relations

1-й компонент	2-й компонент в притяжательной форме	Структурные особенности	Название меры
<i>Сир</i> ‘земля, планета’, <i>үрэх</i> ‘речка’, <i>үөдөн</i> ‘нижний мир’	<i>Баһыгар</i> ‘в начале’, <i>түгэбэр</i> ‘в конце’	DAT -ар, -гар	Дальнее расстояние
<i>ытыс</i> ‘ладони’, <i>мурун</i> ‘нос’, <i>харах</i> ‘глаза’	Послелог: <i>иһигэр</i> ‘внутри’, <i>анныгар</i> ‘под’, <i>далыгар</i> ‘около’	DAT -ар, -гар	Близкое расположение

Noun	Noun.Poss.3sg.DAT
<i>харах</i>	<i>дал-ы-гар</i>
глаз	(его) загон-у
‘на виду’	

Отличительной чертой притяжательных конструкций, выражающих локативные отношения, является послелог в форме притяжательных имен в дательном падеже: *иһ-и-гэр* ‘внутри’, *анн-ы-гар* ‘под’, *дал-ы-гар* ‘около’, *баһыгар* ‘в начале’, *түгэбэ-э-р* ‘в конце’, указывая на предельную точку местонахождения.

Заключение

Интерпретация системы притяжательных конструкций (изафетов) на -а, -та с позиций функционально-семантической грамматики позволяет внести лепту в изучение понятия функ-

ционально-семантической категории меры в якутском языке, а также способствует дальнейшим исследованиям данной проблемы.

В результате структурно-семантического исследования одноаффиксных определительных словосочетаний установлена группа простых моделей:

Притяжательные конструкции с классификаторами, выражающие параметрические явления:

Noun + классификатор.POSS.3sg

Притяжательные конструкции, выражающие межпредметные отношения:

Noun + Noun.POSS.3sg *саба, курдук*;

Noun + Noun.POSS.3sg.INSTR.

Притяжательные конструкции, выражающие локативные отношения:

Noun + Noun.POSS.3sg.DAT.

Следует отметить, в сочетаниях приведенных компонентов отношения между “обладателем” и “обладаемым”, которые присущи притяжательным словосочетаниям, отсутствуют полностью. Форма притяжательного словосочетания строго сохраняется, но обычных синтаксических отношений изафета эти единицы не выражают, так как самостоятельное значение имеет только первое имя, а второе придает модальное значение. В них доминирует значение параметрии, достижения предельности, определения величины.

Объединяя притяжательные словосочетания, используемые в выражении меры, в группы на основе структурно-семантической общности, обнаруживаем, что притяжательные синтаксические единицы довольно точны и четки в выражении меры в языке. Это свидетельствует о том, что притяжательные именные конструкции являются, прежде всего, определительными словосочетаниями, где находят отражение отношения между предметом и классификатором, между предметом и его частью (межпредметные отношения), между предметом и его местом нахождения (локативные отношения). Эти отношения полностью транслируют мысль Гегеля, что мера – это качественно-определенное количество, с которым связано некое наличное бытие или некое качество [Гегель, 1974. С. 257].

Список сокращений

ACC	– accusative/винительный падеж
DAT	– dative/дательный падеж
INSTR	– instrumental/ордуный падеж
GEN	– genitive/родительный падеж
Noun	– noun/имя существительное
POSS	– possessive/форма принадлежности
Prop	– proprietive/аффикс обладания <i>-лаах</i>
Postp	– послелог
Sg	– singular/единственное число

азерб.	– азербайджанский язык
каз.	– казахский язык
тат.	– татарский язык
тур.	– турецкий язык

Список литературы

- Бётлингк О. Н.** О языке якутов. Новосибирск: Наука, 1989. 646 с.
- Гегель.** Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1974. Т. 1. 452 с.
- Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1982. 195 с.
- Данилова Н. И.** Местоимение в якутском языке. Якутск: ЯНЦ СО РАН, 199. 120 с.
- Дмитриев Н. К.** Грамматика башкирского языка. М., 1948. С. 224–228.
- Дубровина М. Э.** Об этапах формирования определительных субстантивных конструкций (изафетов) в языке древнетюркских рунических надписей (в сравнении с современным турецким языком) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. 2015. Серия 13. Выпуск 1. С. 12–21.
- Иванова И. Б., Ноева С. Е.** Национальная культурная специфика понятий “центр” и “периферия” в якутском языке // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 3. С. 120–129. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-3-120-129
- Кононов А. Н.** Грамматика современного турецкого языка. Л., 1934. С. 191–197.
- Майзель С. С.** Изафет в турецком языке / Ред., предисл. и примеч. А. Н. Кононова; Акад. наук СССР. Ин-т востоковедения. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 186 с.
- Пекарский Э. К.** Словарь якутского языка: [в 3 т.] / Э. К. Пекарский; Акад. наук СССР. 2-е изд. Т. 3, вып. 10–13. 1959. 2509–3858 стб.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М.: Наука, 1988. 560 с.
- Убрятова Е. И.** Исследования по синтаксису якутского языка. Простое предложение. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 304 с.
- Филиппов Г. Г.** Предикативное склонение в якутском языке. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1996. 190 с.
- Чиркочев Д. И.** Категория принадлежности в современном якутском языке: Автореф. ... канд. филол. наук. Якутск, 1998. 24 с.
- Чиркочев Д. И., Филиппов Г. Г.** Анализ притяжательных словосочетаний, выражающих принадлежность в тюркских и якутском языках // Вестник СВФУ. 2018. № 1(63). С. 123–132.
- Baker M., Vinokurova N.** Two modalities of case assignment: Case in Sakha. Natural language and linguistic theory, 2010, no. 28 (3), pp. 593–642.
- Croft W.** Radical construction grammar: syntactic theory from a typological perspective. Oxford, Oxford Univ. Press, 2011.
- Danilova, N., Vinokurova, N.** Two different approaches to Sakha passives. Altay Hakpo, 2015, vol. 25, pp. 117–131.
- Fillmore Ch. J., Kay P., O'Connor M. C.** Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of “let alone”. Language, 1988, vol. 64, no. 3, pp. 501–538.
- Goldberg A.** Constructions at Work: The Nature of Generalization in Grammar. Oxford, Oxford Univ. Press, 2006.
- Tomasello M.** Constructing a language: A Usage-Based theory of language acquisition. Cambridge (MA), Harvard Univ. Press, 2003.

References

- Betlingk O. N.** About the Yakut language. Novosibirsk: Nauka, 1989. 646 p.
- Hegel.** Encyclopedia of Philosophical Sciences. Vol. 1. Moscow: Mysl, 1974, 452 p. (in Russ.)
- Grammar of the modern Yakut literary language. Phonetics and morphology. M.: Nauka, 1982. 195 p. (in Russ.)
- Danilova N. I.** Pronoun in the Yakut language. Yakutsk: YANTS SB RAS, 199. 120 p. (in Russ.)
- Dmitriev N. K.** Grammar of the Bashkir language. M., 1948. Pp. 224–228 (in Russ.).

- Dubrovina M. E.** On the stages of the formation of determinative substantive constructions (isaphetes) in the language of ancient Turkic runic inscriptions (in comparison with modern Turkish) // Bulletin of St. Petersburg University. 2015. Episode 13. Issue 1. Pp. 12–21 (in Russ.).
- Ivanova I. B., Noeva S. E.** National cultural specificity of the concepts “center” and “periphery” in the Yakut language // Bulletin of Novosibirsk State University. Linguistics and intercultural communication. 2019. Vol. 17. No. 3. Pp. 120–129. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-3-120-129 (in Russ.)
- Kononov A. N.** Grammar of the modern Turkish language. L., 1934. Pp. 191–197. (in Russ.)
- Maizel S. S.** Izafet in the Turkish language / Ed., preface and note by A.N. Kononov; Academy of Sciences of the USSR. Institute of Oriental Studies. M. ; L.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1957. 186 p. (in Russ.)
- Mel A.** A body part as a standard in measuring constructions of the Russian language. URL: https://www.zora.uzh.ch/id/eprint/87669/1/Moehl_Endfassung.pdf (in Russ.)
- Pekarsky E. K.** Dictionary of the Yakut language: [in 3 volumes] / E. K. Pekarsky. 2nd ed. Academy of Sciences of the USSR, 1959. Vol. 3, iss. 10–13, 2509–3858 stb.
- Ubryatova E. I.** Research on the syntax of the Yakut language. A simple sentence. M.-L.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1950. 304 p. (in Russ.)
- Filippov G. G.** Predicative declension in the Yakut language. Yakutsk: Publishing house of YSU, 1996. 190 p. (in Russ.)
- Chirkoeva D. I.** The category of belonging in the modern Yakut language. Abstract ... academic degree of Candidate of Philology N. Yakutsk, 1998. 24 p. (in Russ.)
- Chirkoeva D. I., Filippov G. G.** Analysis of possessive phrases expressing belonging in the so-called Russian and Yakut languages // Vestnik SVFU. 2018. No. 1 (63). Pp. 123–132. (in Russ.)
- Baker, M., Vinokurova, N.** Two modalities of case assignment: Case in Sakha // Natural language and linguistic theory. 2010. No. 28 (3). Pp. 593–642.
- Croft, W.** Radical construction grammar: syntactic theory from a typological perspective. Oxford, Oxford Univ. Press, 2011.
- Danilova, N., Vinokurova, N.** Two different approaches to Sakha passives. Altay Hakpo, 2015. Vol. 25. Pp. 117–131.
- Fillmore, Ch. J., Kay, P., O'Connor, M. C.** Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of “let alone”. Language, 1988. Vol. 64, no. 3. Pp. 501–538.
- Goldberg, A.** Constructions at Work: The Nature of Generalization in Grammar. Oxford, Oxford Univ. Press, 2006.
- Tomasello, M.** Constructing a language: A Usage-Based theory of language acquisition. Cambridge (MA). Harvard Univ. Press, 2003.

Информация об авторе

Иванова Ирина Борисовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

Information about the Authors

Irina Borisovna Ivanova, Candidate of Sciences (Philology), Research Fellow, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Republic of Sakha Yakutia, Yakutsk, Russian Federation

Статья поступила в редакцию 04.07.2023;

одобрена после рецензирования 05.09.2023; принята к публикации 08.09.2023

The article was submitted 04.07.2023; approved after reviewing 05.09.2023;

accepted for publication 08.09.2023

Научная статья

УДК 81-11 9

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-4-70-84

Метафорическое речевое воздействие в медиадискурсе торговой войны между КНР и США

Олег Игоревич Калинин

Военный университет им. князя Александра Невского
Московский государственный лингвистический университет
Москва, Россия

Okalinin.lingua@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1807-8370>

Аннотация

Статья посвящена изучению роли метафоры в моделировании образа врага посредством информационного воздействия в дискурсе торговой войны между КНР и США. На основании положений теории метафорического речевого воздействия описывается воздействие метафор на когнитивном, семантическом и коммуникативном уровнях. Когнитивный уровень воздействия проявляется в использовании метафор разного уровня интенсивности, а именно конвенциональных и новых, семантическое метафорическое воздействие проявляется в использовании метафор, отличающихся разной семантикой и языковой формой, т. е. ориентационных, онтологических и структурных, а коммуникативное воздействие связано с позицией метафоры в тексте. Все три уровня метафорического речевого воздействия могут быть выявлены количественно посредством подсчета значений индексов метафоричности (МПИ – индекс интенсивности, МfTI – индекс функциональной типологии, MStI – индекс взаимосвязи внешней структуры текста и метафоричности). Показатели индексов интерпретируются на данных ранее проведенных корпусных исследований, что позволяет определить степень метафорического воздействия. Также важным в предложенной методике является выявление отдельных наиболее характерных метафорических моделей, которые позволяют описать дискурсивную концептуализацию с содержательной точки зрения. Проведенный анализ собранного корпуса новостных текстов, репрезентирующих торговую войну, свидетельствует, что китайский дискурс представляется более воздействующим, показатели индексов интенсивности и функциональной типологии отражают эмоциональность и трансформационный характер использованных метафор, в то время как метафоры в текстах американских статей больше нацелены на рационально-оценочное воздействие и на идентификацию, уточнение имеющихся концептов. Основными концептами-мишенями в изученных текстах явились «торговая война» как новая реальность двусторонних отношений между странами и акторы этих отношений – США, КИТАЙ. В дискурсе торговой войны создается образ торговой войны как «ожесточенного геополитического сражения» (Китай) или «необходимого экономического противостояния» (США). Метафоры также используются для внесения изменения в оценочный компонент концептов КИТАЙ (как вор и мошенник в американском дискурсе) и США (как жандарм с дубинкой в китайском дискурсе), с тем чтобы сформировать у своей аудитории определенное отношение к событиям и их причинно-следственным связям.

Ключевые слова

торговая война, метафорическое речевое воздействие, индексы метафоричности, когнитивное воздействие

Для цитирования

Калинин О. И. Метафорическое языковое воздействие в медиадискурсе торговой войны между КНР и США // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 4. С. 70–84. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-4-70-84

© Калинин О. И., 2023

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 4
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2023, vol. 21, no. 4

Metaphor Power in the US-China Trade War Discourse

Oleg I. Kalinin

Prince Alexander Nevsky Military University
Moscow State Linguistic University
Moscow, Russia

Okalinin.lingua@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1807-8370>

Abstract

The article studies the role of metaphor in modeling the enemy image in the US-China trade war discourse. Based on the metaphor power theory, speech impact of metaphors on cognitive, semantic and communicative levels is described. The cognitive level of metaphor power is manifested in the metaphors of different intensity, namely conventional and novel, semantic metaphor power is manifested in the metaphors that differ in semantics and language form, namely orientational, ontological and structural, and, finally, communicative metaphor power is associated with the metaphor's position in the text structure. All the three levels of metaphor power can be identified quantitatively by metaphor power indices (MII – intensity index, MfTI – index of functional typology, MStI – index of the text structure). Indices are interpreted on the data of previously conducted case studies, which allows us to determine the degree of metaphor power. Proposed methodology also includes identification of the most typical metaphorical models that make it possible to describe direction and content of discursive conceptualization. News texts corpora representing the trade war have been studied, showing Chinese discourse being more influential with indicators of intensity and functional typology indices reflecting the emotionality and transformational nature of the metaphors used, while metaphors in American articles seem to be more aimed at rational and identification impact. The main target concepts in the studied texts were “trade war” as a new reality of bilateral relations between countries and the actors of these relations, the US and the PRC. In the trade war discourse, the image of trade war is created as a “fierce geopolitical battle” (China) or “inevitable economic confrontation” (USA). Metaphors are also used to make changes to the evaluative component of the concepts CHINA (as a thief and a fraudster in American discourse) and USA (as a gendarme with a baton in Chinese discourse) in order to form a certain attitude and cause-and-effect relationships in their audience.

Keywords

trade war, metaphor power, metaphor indices, cognitive impact

For citation

Kalinin O. I. Metaphor Power in the US-China Trade War Discourse. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, vol. 21, no. 4, pp. 70–84. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-4-70-84

Введение

Торговая война между КНР и США, начавшаяся в «острой фазе» весной 2018 года, является знаковым событием для архитектуры современного мира, так как взаимные экономические претензии между двумя крупнейшими экономиками мира отражают значительные противоречия в сложившейся политико-экономической системе мира и обозначают поиск путей их решения. Важно отметить, что торговая война ведется не только в экономике, а ее инструментами являются не только тарифы и пошлины; не меньшую роль в столкновении двух экономических держав играют и языковые средства ее репрезентации в национальном и международном информационном пространстве, маркированном идеями эры постправды (post-truth era). Так, А. Ф. Фефелов небезосновательно указывает, что «суть новой информационной культуры, идентифицируемой с постправдой, состоит в том, чтобы склонять общественное мнение в свою пользу, воздействуя на него с помощью демагогии и простых эмоциональных аргументов» [Фефелов, 2023. С. 89].

По мнению некоторых исследователей, противостояние в экономике между КНР и США привело к полномасштабной информационной войне в медиадискурсах этих стран. Так, М. В. Приходько, давая системную характеристику информационной войны между Китаем и США, полагает, что «целью информационного воздействия является реконцептуализация

этих концептов, которая должна привести к пониманию торгово-экономических отношений как одной из форм противостояния, форм конвенциональной войны» [Приходько, 2023. С. 60].

Проанализировав ранее концептуальные основания политического термина «торговая война» применительно к китайской и американской лингвокультурам, мы выяснили, что наполнение семантического поля концепта ТОРГОВАЯ ВОЙНА в разных лингвокультурах различается. В частности, для китайской стороны «более значимыми стали лексические единицы, описывающие последствия как негативные, так и позитивные, которые может принести торговая война; для американской большую роль играет содержательная сторона «торговой войны»» [Калинин, 2020. С. 100].

Вопросы освещения торговой войны в СМИ также поднимались в исследованиях О. О. Казаковой [Казакова, 2021], Ю. С. Михайловой [Михайлова, 2021], Гао Ивэнь [Гао, 2022], Н. А. Ковалева [Ковалев, 2022] и Т. Н. Лобановой [Лобанова, 2019]. Так, Гао Ивэнь изучила репрезентацию образа США в газете «Жэньминь Жибао» (Renmin Ribao) за 2018–2021 гг., продемонстрировав, что тональность китайских СМИ постепенно изменилась от «нейтрального освещения» торговой войны к описанию США как «страны-агрессора, стремящейся только к реализации своих интересов и игнорирующей интересы других» [Гао, 2022. С. 214]. Автор подчеркивает, что «редакция «Жэньминь Жибао» тем самым целенаправленно формирует негативный образ США не только для своих читателей внутри Китая, но и для всего международного сообщества в целом» [Гао, 2022. С. 215]. Н. А. Ковалев, в свою очередь, рассматривает торговую войну уже как один из компонентов концепта NEW COLD WAR, формируемого западной прессой [Ковалев, 2022. С. 24] в целях моральной подготовки мира к новой холодной войне. Т. Н. Лобанова также анализирует настроения общества, но использует для этого критический дискурс-анализ тональности медиасообщений (sentiment analysis) китайских телевизионных каналов [Лобанова, 2019. С. 240].

Этот исследовательский интерес к проблематике освещения торговой войны между Китаем и США указывает на рост актуальности данного направления исследований. Мы полагаем, что анализ языковых средств, которые используются в СМИ для репрезентации образа «врага/соперника» различными категориями своего адресата (аудитории) играет важную роль в контексте нарастающего усиления информационного воздействия как основного инструмента формирования общественного мнения и форматирования общественного сознания с помощью образных нарративов.

Цель данного исследования состоит в том, чтобы рассмотреть метафорическое речевое воздействие китайского медиадискурса торговой войны между КНР и США на домашнюю аудиторию как инструмент формирования определенного образа противника. Для ее достижения мы последовательно обозначим свои теоретические позиции о роли метафоры как средства речевого воздействия, представим методику выявления метафорического речевого воздействия в медиaprостранстве, проведем анализ медиадискурса торговой войны на китайском и английском языках на составленной выборке текстов, выявим в ней основные метафорические модели, репрезентирующие образ врага и в заключение сравним типы речевого воздействия, используемые СМИ двух стран.

Метафорическое речевое воздействие: теория и прагматика

Метафора в современных лингвистических исследованиях все чаще рассматривается как точка пересечения языка, мышления и культуры. В любом прикладном исследовании метафора уже рассматривается как значимый элемент когниции, который «помогает человеку выйти за рамки стереотипного мышления» [Попова, Саушева, 2021. С. 71]. Являясь по своей форме семантической аномалией, построенной на разрушении привычных правил лексической сочетаемости, метафора отражает перенос концептуальных признаков одного объекта

на другой, при этом сам процесс может быть специфичным для той или иной лингвокультуры. Действительно, исследований метафоры именно с таких позиций довольно много, например, метафора описывается как средство концептуализации болезни [Ахренова, 2021; Калинин, 2021a] или как средство формирования образа государства или общественного института [Ли, Солопова, 2021].

При этом нельзя не обратить внимание на прагматику метафоры. Как писала В. Н. Телия, «метафоризация всегда есть проблемная когнитивно-коммуникативная ситуация, включающая целеполагающую интенцию субъекта метафоризации, который задает когнитивную или прагматическую функции метафоры в коммуникативных актах» [Телия, 1988. С. 29].

Интерпретируя это мнение В. Н. Телия, мы должны подчеркнуть, что целенаправленность или нецеленаправленность использования метафоры всегда есть один из элементов перманентного речевого воздействия, осуществляемого в любом коммуникативном акте. Особенно явно прагматический потенциал воздействия метафоры проявляется в текстах политического медиадискурса. Ранее мы подчеркивали, что дешифровка этого концептуального переноса требует определенного когнитивного напряжения с опорой на глубинные ментальные структуры языкового сознания автора сообщения и реципиента, обработавшего его [Калинин, 2022a. С. 230].

Отметим, что многие ученые указывали на особую роль метафоры как средства интенционального персуазивного воздействия, которое имплицитно описанной проекцией именно через тексты СМИ. Так, Дж. Лакофф, выявив, как он выразился, «метафорическое оправдание» войны США против Ирака, показал, что «руководители Соединенных Штатов использовали знаменитую метафору Карла Клаузевица «война – это продолжение политики с использованием других средств» и тем самым вводили войну в систему обычных и необходимых для великой державы политических средств» [Lakoff, 1991. С. 26].

Чаще всего в подобных исследованиях акцент делается на персуазивности, т. е. на способности посредством использования метафоры убедить реципиента речевого сообщения в принятии определенной позиции посредством направления когнитивной обработки сообщения реципиентом в определенное русло. На этой «особой персуазивности речевого сообщения», содержащего метафорические проекции, настаивают также Р. К. Хендрикс [Hendricks, 2018], П. Тибодо и Л. Бородини [Thibodeau, Boroditsky, 2013], приравнивая ее, по сути, к приему манипулятивного внушения.

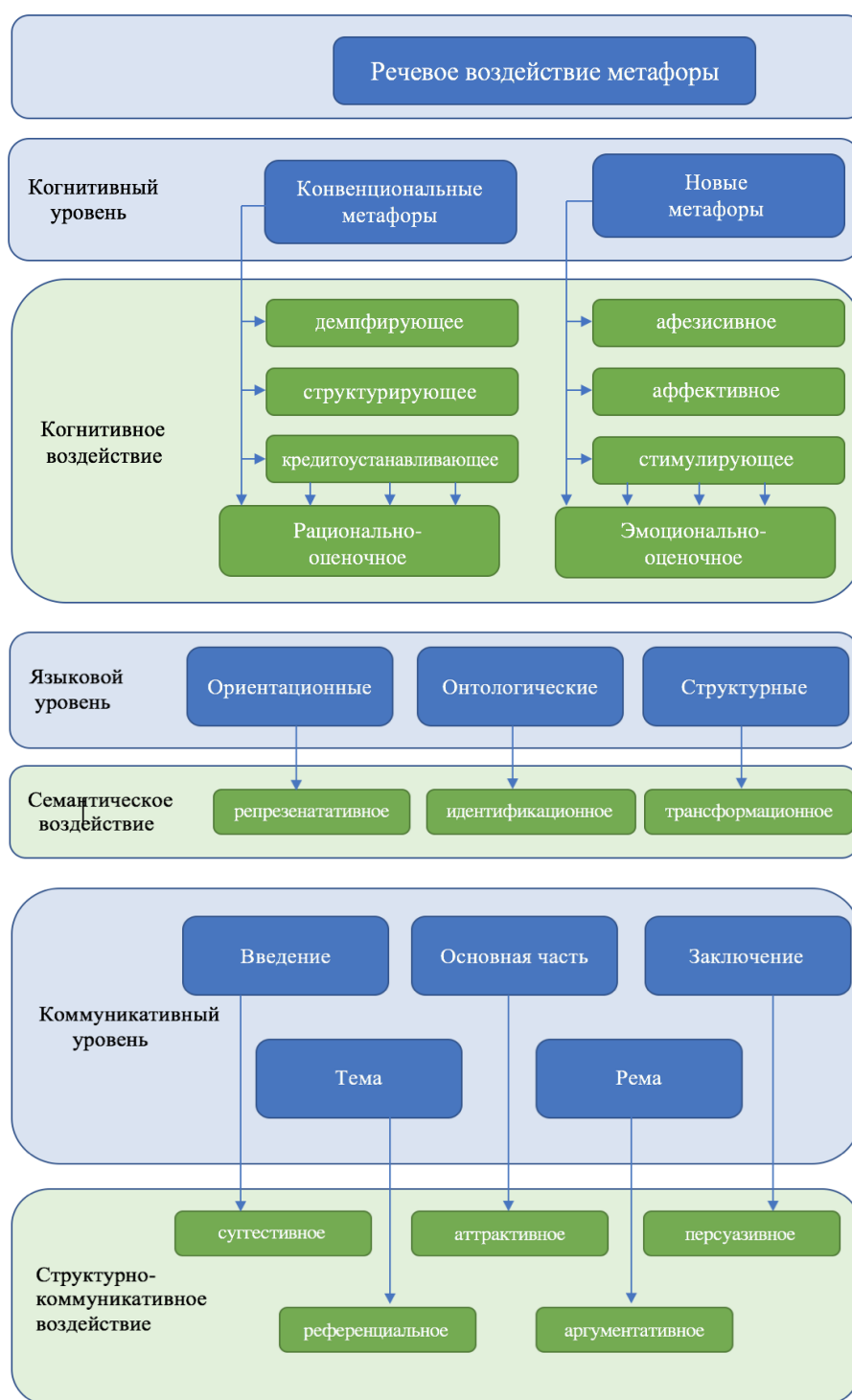
Однако, на наш взгляд, функционально-воздействующий потенциал метафоры не ограничивается исключительно персуазивностью. Многообразие типов метафорических проекций в зависимости от интенсивности, интенциональности, языковой формы могут отражать разные виды и типы речевого воздействия, что в теоретическом плане зафиксировано в разрабатываемой нами теории оценки метафорического речевого воздействия с помощью метрик [Калинин, 2022a; Калинин, 2022b].

Данная теория основывается на тезисе о возможности количественного измерения употребления метафорических оборотов в дискурсе как об одной из возможных «метрик» речевого воздействия.

Развиваемая теория метафорического речевого воздействия предполагает, что использование метафор в дискурсе отражает речевое воздействие на трех уровнях: когнитивном (метафоры разной степени интенсивности), языковом (метафоры разной языковой формы и семантики) и коммуникативном (позиция метафоры относительно композиционной структуры и тема-рематической иерархии речевого сообщения) [Калинин, 2022b. С. 138].

Когнитивное речевое воздействие может быть подразделено на *рационально-оценочное*, выражаемое конвенциональными метафорами, и *эмоционально-оценочное*, выражаемое новыми авторскими метафорами.

Семантическое воздействие определяется использованием метафор разного типа. Так, ориентационные метафоры базируются на базовом пространственном опыте осмысления дей-

Таксономия речевого воздействия метафоры
Metaphor Power Taxonomy

ствительности, поэтому мы можем определить тип их воздействия как *репрезентативный*. Онтологические метафоры, дополняющие концептуальные признаки сферы-цели, оказывают *идентификационное* воздействие; структурные метафоры, которые становятся своего рода триггером целенаправленного нарушения семантических и когнитивных связей в сознании

реципиента сообщения, приводят к трансформации семантики концепта, поэтому выполняют *трансформационную* функцию.

Функция метафоры и тип ее воздействия зависит также от ее места в риторической структуре сообщения. В начале речевого сообщения они связаны с суггестивностью, так как в этой части текста метафоры участвуют в постановке проблемы, имплицитно идентифицируют предмет речевого высказывания. Метафоры в основной части служат целям повышения качества аргументации автора, установления или закрепления контакта, повышения доверия к адресанту сообщения, и поэтому они становятся средством *аттрактивного* воздействия. В заключительной части речевого сообщения метафоры обычно суммируют проблему или ее обоснование, т. е. становятся средством убеждения и реализуют *персуазивное* речевое воздействие.

Для большей наглядности приведем полную таксономию речевого воздействия метафоры, которая включает в себя все дополнительные виды и типы возможного метафорического воздействия, нерелевантные для настоящего исследования (см. рисунок).

Метод анализа метафорического речевого воздействия

Для практического применения теории метафорического речевого воздействия нами был разработан и апробирован метод комплексного анализа метафоричности дискурса (Metaphor-Driven Discourse Analysis – MDDA) [Калинин, 2021b, Калинин, 2021c].

Данный метод базируется на допущении, что имплицитные характеристики текста можно исследовать посредством последовательного вычисления *индексов метафоричности*, связанных с использованием метафор в тексте: индекса плотности метафор (MDI – Metaphor Density Index), индекса интенсивности метафор (МИ – Metaphor Intensity Index), индекса функциональной типологии метафор (MfTI – Metaphor Functional Typology Index) и индекса внешней структуры текста и метафоричности (MStI(ex) – Metaphor Structural Index external).

Применение каждого из этих индексов обосновано достижениями современных исследований метафор, в частности, основывается на работах П. Сопори [Sopory, 2006] и С. ван Стее [Stee, 2018], где был проведен убедительный метаанализ причин, которые обуславливают персуазивный эффект метафоры и, самое главное, тех аспектов использования метафоры, которые связаны с персуазивностью.

Для определения плотности метафор в тексте мы используем формулу индекса частотности метафор, разработанную К. де Ландтсхеер [Landtsheer, 2009]:

$$MDI = nme * 100 / nwords,$$

где *nme* – количество метафор в тексте, а *nwords* – количество слов в тексте. Этот показатель отражает среднее количество метафор на 100 слов текста, включая служебные.

Под интенсивностью метафор обычно понимается свойство метафоры, определяемое ее новизной, т. е. дихотомией «конвенциональные – авторские метафоры». Соответственно, данный индекс отражает тип и степень когнитивного метафорического воздействия; по его значению можно определить, какое воздействие доминирует в тексте – эмоциональное или рациональное.

Для количественного определения интенсивности метафоры мы полагаем уместным использовать индекс интенсивности (МИ) метафоры, разработанный К. де Ландтсхеер [Landtsheer, 2009]:

$$МИ = (1 * w + 2 * a + 3 * s) / nme,$$

где *w* – количество низкоинтенсивных (т. е. стертых, конвенциональных) метафор; *a* – количество метафор средней интенсивности; *s* – количество высокоинтенсивных (т. е. новых, автор-

ских метафор). Понятие «средняя интенсивность» кажется несколько расплывчатым, однако на практике различить метафоры по степени интенсивности довольно просто: для этого следует использовать словарь и корпус национального языка. Если метафорическая лексема или оборот включены в словарный состав как устоявшиеся, т. е. отражены в словаре национального языка, то они относятся к конвенциональным метафорам с низким уровнем интенсивности. Если метафорический оборот в словарь еще не включен, но его можно найти в электронном корпусе национального языка, то эта метафора соотносится со средним уровнем интенсивности. Если же обнаруженного метафорического выражения нет ни в словаре самого полного объема, ни в национальном корпусе, то эта метафора рассматривается как новая.

Индекс функциональной типологии метафоры отражает среднее значение распределения разных типов метафор: ориентационных, онтологических и структурных, и отражает тем самым семантическое метафорическое воздействие, так как типы метафоры связаны с языковой формой их реализации.

Формула индекса функциональной типологии метафоры такова:

$$MfTI = (1*Or + 2*O + 3*St)/nme,$$

где Or – количество ориентационных метафор, O – количество онтологических метафор, St – количество структурных метафор, nme – количество всех метафор в тексте.

С точки зрения структуры почти все тексты отличаются трехчленной структурой, наименование составных частей которой варьируется в зависимости от жанровых и дискурсивных особенностей речевого произведения, но чаще всего это введение, основная часть и заключение.

Для унифицированного анализа взаимосвязи позиции метафор в тексте и речевого воздействия, а также для вытекающих из позиции в тексте функций метафорических переносов нами был разработан специальный индекс, названный индексом структурной метафоричности (внешней) MStI(ex):

$$MStI(ex) = (1*M + 2*I + 3*C)/nme,$$

где M – количество метафор в основной части, I – количество метафор во введении (вступлении), C – количество метафор в заключении, nme – количество всех метафор в тексте.

Так, в данном исследовании для выявления уровня метафоричности текстов медиадискурса КНР и США, тематически отражающих торговую войну между этими странами, мы будем опираться на базовые теоретические положения теории метафорического речевого воздействия [Калинин, 2022a; Калинин, 2022b] и метод анализа метафоричности дискурса [Калинин, 2021b; Калинин, 2021c]. Количественный анализ и интерпретация метафор позволяет определить тип и степень речевого воздействия в двух дискурсах в потенциально конфликтной ситуации.

Исследовательская выборка включает тексты новостных сообщений, опубликованных на наиболее посещаемых новостных интернет-сайтах китайского и американского сегментов сети Интернет, освещающих общую политическую и экономическую обстановку в стране и мире в период с середины 2018 г. по конец 2019 г. в контексте «торговой войны» между США и Китаем. Общее количество новостных сообщений данной тематики составило 100 единиц (около 240 тыс. слов).

Результаты исследования

Результаты исследования представлены, прежде всего, данными индексов метафоричности изученных медиатекстов, которые становятся основой для интерпретации и теоретического осмысления. Результаты представлены в таблице.

Результаты анализа метафоричности текстов медиадискурса
торговой войны на английском и китайском языках

Metaphor power of trade war media discourse in English and Chinese

Подкорпус	Объем, слов	Всего метафор	MDI	МП	MfTI	MStI(ex)
Торговая война (китайский)	110 211	4 529	4,11	2,1	2,28	1,52
Торговая война (английский)	126 788	3 385	2,67	1,62	1,9	1,59

Первая констатация – показатели индексов метафоричности различаются. Обращает на себя внимание значительный перевес в плотности метафор в текстах на китайском языке, для которых значение индекса MDI составило 4,11. Многие метафоры повторялись в разных текстах, но все же почти двукратное превышение плотности метафор в китайском медиадискурсе не может быть случайным.

В нашем предыдущем исследовании мы рассматривали повышенную метафорическую плотность текстов на китайском языке как проявление «специфики китайской лингвокультуры, которая представляет собой репрезентацию китайской культуры в фонетическом, лексическом и синтаксическом аспектах языка, а также особенностях построения китайскоязычного дискурса (стремление к аналогиям, ритуальность общения, обращение к прошлому языковому опыту) [Гурулева, Калинин, 2021]. В связи с этими заключениями мы полагаем, что рассмотренные новостные тексты о ситуации торговой войны, с одной стороны, в полной мере отражают «типологически повышенную» метафоричность китайскоязычного дискурса, но, с другой стороны, полученное значение превышает стандартные показатели метафоричности дискурса на китайском языке [Гурулева, Калинин, 2021. С. 32], что говорит, на наш взгляд, о преднамеренной установке на повышенное использование метафор.

Отметим, впрочем, что показатели плотности метафор в исследованных текстах на английском языке также превышает выявленные ранее средние значения метафоричности для разных англоязычных дискурсов [Гурулева, Калинин, 2021. С. 32]. Значительные расхождения в показателе метафорической плотности от выявленных ранее «стандартных» значений как для китайского, так и для американского дискурса показывают, что в исследованных текстах авторы потенциально стремятся повысить уровень речевого воздействия, что вполне согласуется с выводом в [Steen, 2017].

Показатель интенсивности метафор для текстов на китайском языке составил 2,1, для текстов на английском языке – 1,62. Считается, что показатель интенсивности более 1,5 свидетельствует о наличии значительного количества метафор средней и высокой интенсивности, т. е. является индикатором авторских метафор.

Согласно теории метафорического речевого воздействия он связан с воздействием на когнитивном уровне: конвенциональные метафоры отражают устоявшиеся концептуальные переносы и потому оказывают рационально-оценочное воздействие, апеллируя к уже имеющимся межконцептуальным связям, тогда как новые авторские метафоры почти всегда отражают новые концептуальные переносы и потому их воздействие часто связано с эмоциями, т. е. с эмоционально-оценочным воздействием.

Исходя из этого положения, мы можем заключить, что тексты медиадискурса торговой войны на китайском языке исходят из установки на эмоциональное воздействие, в то время как тексты американского дискурса больше являются рационально-воздействующими. Это утверждение не отрицает обратного, т. е. воздействие на эмоции не означает отсутствие воздействия на рациональную сферу.

Примеры метафорических проекций

Данные индекса интенсивности метафор отражают лишь наиболее частотные характерные свойства метафоричности. Рассмотрим далее на примерах воздействующие свойства метафоры.

1. 美国带头破坏国际规则，已成功自我塑造了国际秩序搅局者、世界经济破坏者的霸蛮形象。(США как главный нарушитель международных правил уже успешно сформировал для себя упрямый образ того, кто устраивает хаос в международном порядке и [и тем самым] разрушает мировую экономику).

Здесь мы наблюдаем метафору средней интенсивности, которая отражает олицетворение США с тем, кто «творит бесчинства и хаос» (搅局者) и все рушит (破坏国际规则, 世界经济破坏者). Олицетворение не являет собой яркий эмоциональный перенос из одной сферы в другую, оно привычно наделяет неживой объект свойствами живого, поэтому мы не можем отнести этот концептуальный перенос с метафорой сильной интенсивности. Вполне, однако, очевидно, что в данном случае возникает некоторое эмоционально-оценочное воздействие.

2. 美国在贸易战中剑指中国，四面出击，自我孤立，显然犯了兵家之大忌，使中国有机会化竞争对手为合作伙伴，为合纵连横提供了可能。(США, которые в торговой войне направили свое оружие (меч) против Китая, атаковали (КНР) со всех стороны, занялись самоизоляцией, и нарушили главное табу «Трактата о войне», что позволило Китаю своих конкурентов превратить в партнеров и дало возможность к укреплению горизонтальных и вертикальных связей).

В этом примере мы наблюдаем использование ярких образных военных метафор «направить меч», «окружить и ударить со всех сторон». Использование военной тематики при переосмыслении событий торговой войны формирует устойчивый образ экзистенциальной угрозы, а применение терминов из военной сферы направлено на формирование эмоциональной реакции у аудитории, так как война, являясь вопросом жизни и смерти, всегда затрагивает глубинные эмоциональные переживания.

3. Beijing recognizes that the U.S. doesn't have the stomach to put up a big enough fight on its own to fully play out a war of attrition. (Пекин понимает, что у США не хватает смелости для самостоятельного сражения в войне на истощение).

В данном примере мы наблюдаем стертую метафору в языковой форме идиоматического выражения «have the stomach to» (иметь достаточно смелости для), а также устойчивое словосочетание «war of attrition» (война на истощение). Подобные устойчивые обороты апеллируют к рациональному осмыслению событий торговой войны.

4. All of this does assume the Trump administration is serious about fixing the trade relationship with China. (Все это дает основания полагать, что администрация Трампа настроена серьезно относительно налаживания отношений с КНР).

В этом примере мы также видим использование стертой метафоры fix the relationships (подправить/наладить отношения). Использование таких оборотов не отражает стремления к эмоциональному воздействию на аудиторию; эта конвенциональная метафора просто репрезентирует уже имеющиеся в лингвокультуре концептуальные переносы.

Подобные примеры в целом отражают основные тенденции использования метафор разной интенсивности в медиадискурсе торговой войны КНР и США, где в текстах на китайском языке довольно много ярких авторских метафорических оборотов, а в текстах на английском – напротив, при наличии некоторых новых метафор (Китай – это МОШЕННИК, например) [Приходько, 2023] все равно статистически доминирующими остаются стертые конвенциональные метафоры.

Распределение выделенных метафор по типам на ориентационные, онтологические и структурные в изученных текстах двух дискурсов по теме торговой войны (см. таблицу) также свидетельствует о том, что воздействие дискурса на китайском языке является более силь-

ным. Показатель индекса функциональной типологии метафор для китайского дискурса составил 2,28, что отражает значительное количество структурных метафор, используемых обычно для реструктуризации знания с целью оказать тем самым трансформационное воздействие. Использование структурных метафор связано также с реконцептуализацией, т. е. с изменением структуры концепта-мишени, трансформации оценочного, концептуального или иногда даже понятийного компонентов в сознании реципиента.

Показатель индекса MfTI в текстах на английском языке составил только 1,9, что тоже говорит о преобладании онтологических и структурных метафор. При этом их количество меньше, чем в текстах китайского дискурса, поэтому и степень речевого воздействия, направленного на трансформацию содержания концепта, также меньше. Такой показатель индекса MfTI свидетельствует, скорее, об идентификационном воздействии. Иначе говоря, что авторы текста, скорее, стремятся подтвердить имеющееся знание, выделить его отдельные аспекты.

Типичные примеры использования структурных и онтологических метафор раскрывают эти установки в контексте.

1. 我们必须认识到, 中美贸易战是一场前所未有的硬仗(Мы должны осознать, что китайско-американская торговая война – это небывалое ожесточенное сражение). В данной структурной метафоре, построенной по модели А – это В, торговые отношения между КНР и США в рамках торговой войны, напрямую соотносятся со сражением. Лексема 硬仗 не имеет иных значений, кроме «ожесточенный бой, сражение», сфера ее применения всегда связана с военной тематикой. Например, 国军已做好布署, 准备打场硬仗(Войска уже расположились и приготовились к ожесточенному сражению). Так, уже стертая метафора «торговая война» актуализируется в оценочной лексеме «ожесточенное сражение», приобретает новый оценочный компонент и дополнительную милитарную коннотацию.

2. 国如今已成为创新熔炉(Китай уже сейчас стал кузницей для инноваций). Прямое сравнение КНР с «кузницей/ плавильной печью, где создаются инновационные технологии» также является структурной метафорой, хотя и среднего уровня интенсивности, потому что словосочетание «кузница чего-то (например, инноваций)» активно используется в публицистике. Использование данной метафоры не привносит нового в понятийный компонент концепта КИ-ТАЙ, однако в значительной степени изменяет его оценочный компонент, показывая «стремятельное, бурное развитие страны».

3. And his own protection is actions on trade policy – tariffs imposed on steel, aluminum, and threatened on cars – mostly hit exports in economic allies like Europe, Japan, Canada, and South Korea (И его собственные протекционные действия в области торговой политики, а именно пошлины на сталь, алюминий и угрозы относительно пошлин на автомобили, ударят по его экономическим союзникам в Европе, Канаде, Японии и Южной Корее). Метафора «ударять/бить по союзникам» выражена глагольно-объектной конструкцией, и по форме соотносится с онтологической метафорой, она конкретизирует практические действия администрации Трампа, через семантику глагола hit уточняются и высвечиваются негативные последствия внешнеторговой политики американского президента.

Индекс распределения метафор по внешней структуре текста для китайского и американского дискурсов фактически идентичны: 1,52 и 1,59 соответственно. Подобное значение, как подтверждают наши предыдущие исследования [Калинин, 2021b; Калинин, 2021c], свидетельствует о наличии комплексного суггестивного и персуазивного воздействия. При этом больший упор сделан именно на имплицитное суггестивное воздействие. Распределение метафор по структуре текста показывает, что значительное количество метафорических оборотов сосредоточено в вводной части новостных сообщений. В заключительных выводах метафор не так много, что говорит об отсутствии установки на персуазивность. Данный факт связан и с характером проанализированных новостей, большинство из которых имели ярко выраженный аналитический, а не публицистический характер. Очевидно, авторы пытались в обоих

дискурсах совместить несколько функций в одной единице: анализ данных, предоставление фактов и формирование оценки происходящим событиям у своей аудитории.

Выводы

Анализ метафорического речевого воздействия в текстах медиадискурса торговой войны между Китаем и США показал, что теория метафорического речевого воздействия, основанная на вычислении индексов метафоричности, продемонстрировала свою валидность.

Так, в изученных текстах китайского и американского дискурсов была выявлена значительная разница в плотности, интенсивности и типологии метафор. Показатели индексов метафоричности свидетельствуют, что китайский дискурс торговой войны обращает большое внимание на силу воздействия, а показатели индексов интенсивности и функциональной типологии отражают установку на эмоциональность и трансформационный характер использованных метафор. В текстах же американских статей метафоры больше нацелены на рационально-оценочное воздействие и на идентификацию, уточнение имеющихся в данной области концептов. Основными концептами-мишенями в изученных текстах явились сама торговая война как новая реальность двусторонних отношений между странами и акторы этих отношений – США, КИТАЙ и другие страны.

Анализ показал, что авторы текстов пытаются создать образ торговой войны как «ожесточенного противостояния / настоящей войны» (Китай) или «необходимого противостояния» (США); они также используют метафоры для внесения изменения в оценочный компонент концептов КИТАЙ и США, с тем чтобы сформировать у своей аудитории нужное отношение к событиям и их причинно-следственным связям.

Таким образом, метафора как точка пересечения языка, когниции, дискурса и культуры может эффективно использоваться в различных предметных исследованиях для анализа скрытых авторских интенций. Предложенный метод анализа метафоричности дискурса позволяет выявлять не только наличие или отсутствие у автора прагматических интенций, но и определять тип и степень речевого воздействия.

Список литературы

- Ахренова Н. А.** Особенности презентации концепта COVID-19: концептуальная метафора // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. 2021. № 2(34). С. 47–54.
- Гао И.** Образ США в ходе торговой войны с Китаем в публикациях «Жэньминь Жибао» в 2018–2021 гг. // Культура и цивилизация. 2022. Т. 12. № 21. С. 209–216.
- Гурулева Т. Л., Калинин О. И.** Метафоричность как культурно обусловленная характеристика дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 3. С. 26–40.
- Казакова О. О.** Торговая война между Соединенными Штатами Америки и Китайской Народной Республикой в современных условиях (в освещении российских СМИ) // Россия в глобальном мире. 2021. № 18(41). С. 102–109.
- Калинин О. И.** Сравнительная характеристика языковой репрезентации концепта ТОРГОВАЯ ВОЙНА в СМИ КНР и США // Филология: научные исследования. 2020. № 11. С. 93–107.
- Калинин О. И.** Метафорические модели репрезентации эпидемии коронавируса в китайских СМИ // Когнитивные исследования языка. 2021а. № 3(46). С. 507–511.
- Калинин О. И.** Анализ метафоричности текстов военных доктрин на русском, китайском и английском языках // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021б. Т.19, № 3. С. 110–121.

- Калинин О. И.** Количественный анализ метафор как способ выявления когнитивно-речевого воздействия // Когнитивные исследования языка. 2021с. № 4(47). С. 327–334.
- Калинин О. И.** Метафорическое речевое воздействие // Когнитивные исследования языка. 2022а. № 4(51). С. 229–234.
- Калинин О. И.** Функциональный потенциал метафоры как средства речевого воздействия в дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2022б. № 2(49). С. 134–139.
- Ли М., Солопова О. А.** Метафорическое моделирование образа Китая в современном политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2021. № 2(86). С. 98–105.
- Лобанова Т. Н.** Внешнеполитическая проблематика в китайском политическом медиадискурсе: лингвистический анализ (на примере анализа выпусков канала «CCTV中文国际») // Litera. 2019. № 2. С. 236–250.
- Ковалев Н. А.** Концепт NEW COLD WAR на фоне вызовов современности (на материалах англоязычной прессы) // Филологические науки в МГИМО. 2022. Т. 8, № 2. С. 18–28.
- Михайлова Ю. С.** Американо-китайские торговые отношения в новостных статьях агентства «Синьхуа» (2018–2019) // Россия в глобальном мире. 2021. № 19(42). С. 17–26.
- Попова Т. Г., Саушева Е. В.** Метафора как важный элемент когнитивности // Политическая лингвистика. 2020. № 1(79). С. 68–72.
- Приходько М. В.** Лингвистическая модель информационной войны: структурные элементы и уровни воздействия // Вестник Московского гос. областного ун-та. Серия: Лингвистика. 2023. № 3. С. 57–71.
- Телия В. Н.** Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 26–52.
- Фефелов А. Ф.** Лексико-семантическое поле post-truth в пространстве от истины до правды // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 21(1). С. 83–101.
- Hendricks R. K.** Emotional Implications of Metaphor: Consequences of Metaphor Framing for Mindset about Cancer // Metaphor and Symbol. 2018. Vol. 33, № 4.
- Lakoff G.** Metaphor and War : the Metaphor System used to Justify War in the Gulf // Peace Research. 1991. Vol. 23, № 2/3. Pp. 25–32.
- Landtsheer C. De.** Collecting Political Meaning from the Count of Metaphor. In: Metaphor and Discourse. London, Palgrave Macmillan UK. 2009. Pp. 59–78.
- Sopory P.** Metaphor and Attitude Accessibility // Southern Communication Journal. 2006. Pp. 251–272.
- Stee S van.** Meta-Analysis of the Persuasive Effects of Metaphorical vs. Literal Messages // Communication Studies. 2018. Vol. 69, № 5. Pp. 545–566.
- Steen G.** Deliberate Metaphor Theory : Basic assumptions, main tenets, urgent issues // Intercultural Pragmatics. 2017. Vol. 14, no. 1. Pp. 1–24
- Thibodeau P. H., Boroditsky L.** Natural Language Metaphors Covertly Influence Reasoning // PLoS One. 2013. Vol. 8, № 1. P. e52961.

Список источников

- Агентство Синьхуа [Электронный ресурс]. URL: <https://www.xinhuanet.com> (дата обращения: 07.08.2023).
- Газета «Женьминь Жибао» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.people.cn> (дата обращения: 07.08.2023).
- Новостной портал Хуаньцзю [Электронный ресурс]. URL: <https://huanqiu.com> (дата обращения: 07.08.2023).

- Центральное телевидение Китая [Электронный ресурс]. URL: <https://cctv.com> (дата обращения: 07.08.2023).
- Китайский новостной интернет-портал [Электронный ресурс]. URL: <https://china.com> (дата обращения: 07.08.2023).
- Газета The Washington Post [Электронный ресурс]. URL: <https://washingtonpost.com> (дата обращения: 07.08.2023).
- Телевизионный канал США [Электронный ресурс]. URL: <https://cnn.com> (дата обращения: 07.08.2023).
- Новостной интернет-портал New York Daily News [Электронный ресурс]. URL: <https://nydailynews.com> (дата обращения: 07.08.2023).
- Новостное интернет-издание The Wall Street Journal [Электронный ресурс]. URL: <https://wsj.com> (дата обращения: 07.08.2023).
- Газета The New York Times [Электронный ресурс]. URL: <https://nytimes.com> (дата обращения: 07.08.2023).

References

- Akhrenova, N. A.** Features of presentation of the concept COVID-19: conceptual metaphor. *Scientific Notes of the National Society of Applied Linguistics*. 2021. № 2(34). P. 47–54.
- Gao, Y.** The image of the United States in the trade war with China in the publications of “Zhenmin Zhibao” in 2018–2021. *Culture and Civilisation*. 2022. Vol. 12, № 21. P. 209–216.
- Guruleva, T. L., Kalinin, O. I.** Metaphoricity as a culturally conditioned characteristic of discourse. *Actual problems of philology and pedagogical linguistics*. 2021. № 3. P. 26–40.
- Kazakova, O. O.** Trade war between the United States of America and the People’s Republic of China in modern conditions (in the coverage of the Russian media). *Russia in the global world*. 2021. № 18 (41). P. 102–109.
- Kalinin, O. I.** Comparative characteristics of the linguistic representation of the concept of TRADE WAR in the media of the PRC and the USA. *Philology: scientific research*. 2020. № 11. P. 93–107.
- Kalinin, O. I.** Metaphorical models of coronavirus epidemic representation in Chinese mass media. *Cognitive Studies of Language*. 2021a. № 3 (46). P. 507–511.
- Kalinin, O. I.** Analysis of metaphoricity of military doctrine texts in Russian, Chinese and English. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstva Un. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2021b. Vol. 19, № 3. P. 110–121.
- Kalinin, O. I.** Quantitative analysis of metaphors as a way of revealing cognitive and speech impact // *Cognitive Studies of Language*. 2021c. № 4 (47). P. 327–334.
- Kalinin, O. I.** Metaphorical speech impact. *Cognitive Studies of Language*. 2022a. № 4(51). P. 229–234.
- Kalinin, O. I.** Functional potential of metaphor as a means of speech influence in discourse. *Cognitive Studies of Language*. 2022b. № 2 (49). P. 134–139.
- Li, M., Solopova, O. A.** Metaphorical modelling of the image of China in modern political discourse. *Political linguistics*. 2021. № 2 (86). P. 98–105.
- Lobanova, T. N.** Foreign policy issues in Chinese political media discourse : linguistic analysis (on the example of analysing the issues of the channel “CCTV中文国际”). *Litera*. 2019. № 2. P. 236–250.
- Kovalev, N. A.** Concept NEW COLD WAR on the background of the challenges of modernity (on the materials of the English-language press). *Philological Sciences in MGIMO*. 2022. Vol. 8, № 2. P. 18–28.

- Mikhaylova, Y. S.** American-Chinese trade relations in news articles of the agency “Xinhua” (2018-2019). *Russia in the global world*. 2021. № 19 (42). P. 17–26.
- Popova, T. G., Sausheva, E. V.** Metaphor as an important element of cognition. *Political Linguistics*. 2020. № 1 (79). P. 68–72.
- Prikhodko, M. V.** Linguistic model of information warfare: structural elements and levels of impact. *Vestnik of Moscow State Regional University. Series: Linguistics*. 2023. № 3. P. 57–71.
- Telia, V. N.** Metaphor as a model of meaning production and its expressive-evaluative function. *Metaphor in language and text*. Moscow: Nauka, 1988. P. 26–52.
- Fefelov, A. F.** Lexico-semantic field post-truth in the space from truth to right. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2023. № 21(1). P. 83–101.
- Hendricks, R. K.** Emotional Implications of Metaphor : Consequences of Metaphor Framing for Mindset about Cancer. *Metaphor and Symbol*. 2018. Vol. 33. № 4.
- Lakoff, G.** Metaphor and War : the Metaphor System used to Justify War in the Gulf. *Peace Research*. 1991. Vol. 23. № 2/3. Pp. 25–32.
- Landtsheer, C. De.** Collecting Political Meaning from the Count of Metaphor. In: *Metaphor and Discourse*. London, Palgrave Macmillan UK. 2009. Pp. 59–78.
- Sopory, P.** Metaphor and Attitude Accessibility. *Southern Communication Journal*. 2006. Pp. 251–272.
- Stee, S van.** Meta-Analysis of the Persuasive Effects of Metaphorical vs. Literal Messages. *Communication Studies*. 2018. Vol. 69, № 5. Pp. 545–566.
- Steen, G.** Deliberate Metaphor Theory : Basic assumptions, main tenets, urgent issues. *Intercultural Pragmatics*. 2017. Vol. 14, no. 1. Pp. 1–24
- Thibodeau, P. H., Boroditsky L.** Natural Language Metaphors Covertly Influence Reasoning. *PLoS One*. 2013. Vol. 8, № 1. Pp. e52961.

Sources

- Xinhua Agency [Electronic resource]. URL: <https://www.xinhuanet.com> (accessed on 07.08.2023).
- Zhenmin Zhibao newspaper [Electronic resource]. URL: <https://www.people.cn> (accessed on 07.08.2023).
- News portal Huanjiu [Electronic resource]. URL: <https://huanqiu.com> (accessed on 07.08.2023).
- China Central Television [Electronic resource]. URL: <https://cctv.com> (accessed on 07.08.2023).
- China News Internet Portal [Electronic resource]. URL: <https://china.com> (accessed on 07.08.2023).
- The Washington Post newspaper [Electronic resource]. URL: <https://washingtonpost.com> (accessed on 07.08.2023).
- Television channel of the USA [Electronic resource]. URL: <https://cnn.com> (accessed on 07.08.2023).
- Internet news portal New York Daily News [Electronic resource]. URL: <https://nydailynews.com> (accessed on 07.08.2023).
- The Wall Street Journal online news publication [Electronic resource]. URL: <https://wsj.com> (accessed on 07.08.2023).
- The New York Times [Electronic resource]. URL: <https://nytimes.com> (accessed on 07.08.2023).

Информация об авторе

Калинин Олег Игоревич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры китайского языка Московского государственного лингвистического университета, доцент 36 кафедры Военного университета им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации
SPIN-код: 7494-7512

Information about the Author

Oleg I. Kalinin, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chinese Language Department, Moscow State Linguistic University; Associate Professor of the 36th Department Military University of the Ministry of Defense, Moscow, Russian Federation
SPIN code: 7494-7512

*Статья поступила в редакцию 11.08.2023;
одобрена после рецензирования 27.09.2023; принята к публикации 29.09.2023
The article was submitted 11.08.2023; approved after reviewing 27.09.2023;
accepted for publication 29.09.2023*

Научная статья

УДК 81.33 + 811.581.11

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-4-85-100

Опыт измерения продуктивности суффиксальных морфем в китайском новостном военном дискурсе на основе универсальной меры

Дмитрий Сергеевич Коршунов

Военный университет радиоэлектроники
Череповец, Россия

dmitry-korshunov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1550-5904>

Аннотация

В статье изучаются вопросы количественной оценки словообразовательной продуктивности аффиксов. Рассматривается содержание понятия продуктивности и его разные аспекты, которые могут быть количественно оценены методами корпусной лингвистики. В частности, анализируются меры «растущей» и «потенциальной» продуктивности Х. Баайена, на основе их анализа предлагается новая формула «универсальной» продуктивности. Три меры количественной оценки продуктивности применяются к 80 китайским суффиксальным морфемам (суффиксам и полусуффиксам) на материале тематической коллекции текстов, состоящей из 2066 сообщений СМИ КНР по военной тематике за 2019 год. Объем языкового материала составляет 2.852.262 знака. В результате исследования получено три варианта перечня наиболее продуктивных суффиксальных морфем китайского новостного военного дискурса; они могут быть использованы в дидактических и других прикладных целях. «Растущая продуктивность» Х. Баайена и предложенная в работе «универсальная» продуктивность показали высокую корреляцию (0,85), в то время как «потенциальная продуктивность» Х. Баайена коррелирует с ними отрицательно. Содержательный анализ результатов также ставит под сомнение целесообразность использования меры «потенциальной продуктивности». Сопоставление существующих мер и предложенной нами формулы позволяет сделать вывод, что для примерной оценки продуктивности суффиксальных морфем можно использовать формулу «растущей продуктивности» Х. Баайена: опираясь лишь на частоту единичных словоупотреблений (hapaх legomena), она дает достаточно правдоподобные результаты. Для более точного измерения продуктивности суффиксальных морфем рекомендуется использовать предложенную в настоящей работе формулу «универсальной» продуктивности. Она учитывает большее количество существенных параметров (число единичных словоупотреблений с оцениваемым аффиксом, общее число лексем словообразовательного типа с данным аффиксом, а также среднюю частоту регулярных употреблений оцениваемого аффикса) и потому является более обоснованной.

Ключевые слова

словообразовательная продуктивность, суффиксальная морфема, китайский язык, новостной военный дискурс, Х. Баайен, растущая продуктивность, потенциальная продуктивность, измерение продуктивности

Для цитирования

Коршунов Д. С. Опыт измерения продуктивности суффиксальных морфем в китайском новостном военном дискурсе на основе универсальной меры // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 4. С. 85–100. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-4-85-100

© Коршунов Д. С., 2023

Experience in Measuring Productivity of Suffix Morphemes in Chinese Military News Discourse Based on a Universal Measure

Dmitry S. Korshunov

Military University of Radio Electronics
Cherepovets, Russian Federation

dmitry-korshunov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1550-5904>

Abstract

The article studies the issues of measuring derivational productivity of affixes. It considers the concept of productivity and its various aspects which can be quantified by corpus linguistics methods. In particular, it analyzes the measures of “expanding” and “potential” productivity by H. Baayen, and proposes a new formula for “universal” productivity on the basis of the analysis. These three productivity measures are applied to 80 Chinese suffix morphemes (suffixes and semi-suffixes) within a thematic collection of texts – Chinese media reports on military topics for 2019. The language material comprises 2066 texts (2.852.262 characters). The study resulted in three variants of the rating list for the most productive suffix morphemes of the Chinese military news discourse, which can be used for didactic and applied purposes. H. Baayen’s “expanding productivity” and the “universal productivity” proposed in the work showed a high correlation (0.85), while H. Baayen’s “potential productivity” correlates with them negatively. A meaningful analysis of the results also brings up a question of the appropriateness of using the “potential productivity” measure. Comparison of existing measures and the formula proposed in the work allow us to conclude that for an approximate assessment of the suffix morphemes productivity one can use the formula of “expanding productivity” by H. Baayen, which, despite relying only on the single word token (hapax legomenon) frequency, gives quite plausible results. To measure the suffix morphemes productivity more precisely, it is recommended to use the “universal productivity” formula proposed in this paper which takes into account a larger number of significant parameters (the number of hapax legomena with the estimated affix, the total type count with the given affix, and the average regular word token frequency of the estimated affix) and is more reasonable in this respect.

Keywords

derivational productivity, suffix morpheme, Chinese language, military news discourse, H. Baayen, expanding productivity, potential productivity, measuring the productivity

For citation

Korshunov D. S. Experience in Measuring Productivity of Suffix Morphemes in Chinese Military News Discourse Based on a Universal Measure. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, vol. 21, no. 4, pp. 85–100. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-4-85-100

Введение

С возникновением и развитием электронных корпусов текстов большое распространение получили количественные методы изучения различных аспектов словообразования [cf. Baayen, 1989; 2009]. Насколько известно, первой такой работой в отношении китайского языка было исследование [Sproat, Shih, 1996], в котором с использованием формул Х. Баайена оценивалась целесообразность различения корнесложения и словосложения как способов словообразования в китайском языке. Подобные исследования продолжаются и в настоящее время [Arcodia, Basciano, 2018; 王春娇, 盛玉麒/Ван Чуньцзяо, Шэн Юйци, 2019; Bareato, Basciano, 2020], в том числе они направлены на изучение продуктивности различных словообразовательных средств [Nishimoto, 2003; Arcodia, Basciano, 2012; Shen, Baayen, 2022].

Настоящее исследование изначально мотивировалось дидактическими и прикладными целями, которые накладывают определенные ограничения на тематику и «возраст» языкового материала. В этой связи весьма уместным представляется давно высказанное наблюдение о том, что «заявления о продуктивности конкретного аффикса обычно делаются без различия продуктивности в соответствии с типом дискурса, хотя общепризнано, что определенные

типы словообразовательных суффиксов более уместны в определенных типах текстов, чем в других»¹ [Plag, Dalton-Puffer, Baayen, 1999. P. 209]. В цитируемой работе речь шла о продуктивности английских суффиксов в устном и письменном регистрах. На наш взгляд, это замечание целесообразно учитывать и при изучении различных профессиональных дискурсов – тех, что в современной литературе получили название «язык для специальных целей» (language for specific purposes или LSP) [Моделирование в корпусной лингвистике..., 2019. С. 11].

Настоящая работа посвящена количественной оценке продуктивности китайских суффиксальных морфем, представленных в одном специализированном типе текстов – сообщениях СМИ КНР по военной тематике, которые здесь и далее обобщаются термином «китайский новостной военный дискурс». Исследование проводится на том же языковом материале, который ранее был описан нами с точки зрения частотности и регулярности представленных в нем суффиксальных морфем [Коршунов, 2022].

1. Основные понятия

1.1. Суффиксальные морфемы

Суффиксальные морфемы – обобщающее понятие, введенное нами в упомянутой выше работе для обозначения суффиксов и полусуффиксов китайского языка. Не воспроизводя здесь все мнения и аргументы, отметим, что многие специалисты считают различие аффиксов и полуаффиксов (аффиксоидов) для китайского языка нерелевантным [Bareato, Basciano, 2020. P. 243–244] и не различают их в своих исследованиях [Хаматова, 2003. С. 194–196]. Мы придерживаемся такой же позиции и используем в качестве универсального терминологического обозначения выражение «суффиксальные морфемы».

1.2. Словообразовательная продуктивность

Понятие продуктивности применительно к словообразованию отражается в количестве слов, образованных с помощью того или иного аффикса. Исторически основная дискуссия по этой теме ведется вокруг того, нужно ли при оценке продуктивности аффикса опираться на весь его существующий в языке словообразовательный ряд, или следует учитывать только новые (недавно образованные) лексические единицы.

Е.С. Кубрякова, отмечая, что «описание словообразовательных типов всегда является смешанным», выделяла как минимум три основных аспекта данного явления – продуктивность, активность и употребительность. Продуктивность в ее понимании представляла как «скорее количественная характеристика словообразовательного ряда: модель продуктивна, когда по ее образцу в языке созданы десятки, а то и сотни производных». Активность описывалась как «скорее качественная» характеристика, означающая «способность словообразовательного ряда к пополнению новыми единицами», а употребительность связывалась с «реализацией в тексте, т. е. статистическими закономерностями» использования словообразовательной модели [Кубрякова, 1965. С. 21].

В других случаях то, что Е.С. Кубрякова называла «продуктивностью», обозначали как «регулярность» (имея в виду постоянную воспроизводимость аффикса в составе слов), а ее «активность» в отношении новообразований как раз называли «продуктивностью» (напр., [Шанский, 1959]).

¹ В оригинале: Claims about the productivity of a given affix are generally made without differentiating productivity according to type of discourse, although it is commonly assumed that certain kinds of derivational suffixes are more pertinent in certain kinds of texts than in others [Plag, Dalton-Puffer, Baayen, 1999. P. 209].

Ряд лингвистов призывали объединить оба подхода, «так как продуктивность в количественном понимании есть результат активности, интерпретируемой как способность к словопроизводству» [Кузнецова, Лавренова, 1975. С. 83–84].

Современное понимание продуктивности в отечественном языкознании ближе ко второму подходу. Применительно к аффиксации она определяется как «способность аффиксов участвовать в образовании новых слов или грамматических форм, т. е. их активность. Продуктивными считаются аффиксы, с помощью которых слова образованы сравнительно недавно или продолжают образовываться в современном языке»². В. В. Лопатин и И. С. Улуханов, авторы фундаментального словаря словообразовательных аффиксов современного русского языка, описывают продуктивность как «способность служить образцом для производства новых слов» [Лопатин, Улуханов, 2016. С. 34].

В целом такое же понимание существует и в зарубежной лингвистике. Наличный в языке словообразовательный ряд того или иного аффикса описывается понятием *profitability*, что можно перевести как ‘доходность, рентабельность’, а словообразовательная перспективность аффикса характеризуется словом *availability* – ‘доступность’ или ‘пригодность’ [Bauer, 2001].

Харальд Баайен, предложивший использовать статистические методы корпусной лингвистики для определения степени морфологической продуктивности, пользуется другой терминологией, отражающей, впрочем, те же идеи. В частности, он выделяет «реализованную продуктивность» (*realized productivity*), «растущую продуктивность» (*expanding productivity*) и «потенциальную продуктивность» (*potential productivity*) [Baayen, 2009]. Первая соответствует упомянутому понятию *profitability*, зафиксированной «прибыли» от аффикса, вторая – понятию *availability*, «пригодности» к новообразованиям, а третья, по оценке Цзэн Юйсяна и соавторов, измеряет одновременно оба параметра [Tseng et al., 2020. P. 2881]. Три аспекта продуктивности Х. Баайена хороши в первую очередь тем, что могут быть оценены количественно.

1.3. Измерение продуктивности

Ключевыми понятиями для количественных методов Х. Баайена являются частота употребления словоформ (*token frequency*), количество лексем в словообразовательном типе (*type count*), а также количество *hapax legomena* – слов с единственным употреблением в корпусе. Предполагается, что последнее понятие отражает долю новообразований (окказионализмов и неологизмов) в корпусе и способно служить индикатором продуктивности.

Первый из трех выделяемых Х. Баайеном аспектов продуктивности, «реализованная продуктивность», представляет собой зафиксированное количество лексем того или иного словообразовательного типа $V(C, N)$ с аффиксом C в корпусе из N словоформ (*type count*). Фактически это близко к пониманию «продуктивности» Е. С. Кубряковой и практически соответствует упоминавшемуся выше понятию «регулярности», понимаемой как «закономерная повторяемость, воспроизводимость аффикса в составе ряда слов однородной структуры»³. Критерий воспроизводимости означает, что в подсчет включаются слова, имеющие не менее двух употреблений в корпусе. В целом, результат отражает словообразовательный потенциал, уже реализованный в языке.

Второй и третий аспекты продуктивности характеризуют вероятность появления новых слов с тем или иным аффиксом в ближайшем будущем. Здесь используются *hapax legomena*, слова с единственным употреблением в корпусе. «Растущая продуктивность» P^* вычисляется

² Словарь лингвистических терминов / Жеребило, Т. В. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.

³ Там же.

как отношение количества $V(1, C, N)$ единичных слов с аффиксом C в корпусе из N словоформ к общему количеству всех *hapax legomena* в корпусе $V(1, N)$ по формуле⁴:

$$P^* = \frac{V(1, C, N)}{V(1, N)}.$$

В итоге определяется доля каждого аффикса в образовании неологизмов, которыми, предположительно, является часть *hapax legomena*. Такое отношение, имеющее в числителе и знаменателе единичные словоформы, характеризуется как гапакс-обусловленное (*hapax-conditioned*).

«Потенциальная продуктивность» P рассчитывается как отношение количества $V(1, C, N)$ единичных слов с аффиксом C в корпусе из N словоформ к общему количеству словоформ с этим аффиксом $N(C)$ в корпусе (*type token frequency*) по формуле:

$$P = \frac{V(1, C, N)}{N(C)}.$$

Здесь в числителе и знаменателе общим оказывается наличие одинакового аффикса, поэтому данная мера характеризуется как категориально обусловленная (*category-conditioned*). Считается, что она отражает словообразовательный потенциал аффикса, его «склонность» к образованию новых слов. Применительно к китайскому языку эта мера так или иначе использовалась в исследованиях [Nishimoto, 2003; Bareato, Basciano, 2020; Tseng et al., 2020; Shen, Baayen, 2022].

Описанные меры продуктивности основаны на учете частоты употребления. «Реализованная продуктивность» является в чистом виде частотой словообразовательного типа, а «растущая продуктивность» имеет в знаменателе постоянную для данного корпуса величину (количество всех единичных словоформ), что, по сути, является поправочным коэффициентом для частоты единичных словоформ с определенным суффиксом в числителе. Эти два индекса отражают частоту употребления, устоявшуюся или формируемую, тогда как «потенциальная продуктивность», отрицательно коррелированная с частотой, указывает на перспективы роста – пустоту, которую потенциально можно заполнить. Х. Баайен объясняет это на примере аналогии с долей какого-либо производителя на рынке: если доля его продукта на рынке уже велика и рынок насыщен, то перспектив роста продаж у компании немного, и наоборот [Baayen, 2009].

Справедливость этой «рыночной» метафоры представляется, однако, неоднозначной. Как и всякая метафора, она не является ни доказательством, ни объяснением, она лишь упрощает ситуацию, «переводит» ее на язык привычных понятий другой предметной области, подводя под аналогию какой-то один из ее аспектов. По такой логике получается, что самый плохо продаваемый товар имеет наибольший потенциал роста продаж, а самый редкий суффикс может образовать наибольшее количество новых слов. И если математически такая ситуация действительно выглядит возможной, то практический опыт и здравый смысл подсказывают, что товар с плохими потребительскими свойствами никогда не завоеует весь рынок, а некоторые редкие суффиксы так и останутся редкими. Кроме того, и математически сомнительно, что через отношение количества поступивших в продажу новых образцов товара к уже проданному объему (неологизмов к регулярным словоупотреблениям) можно вычислить емкость рынка и, соответственно, потенциал новых продаж.

Предложенные Х. Баайеном количественные меры продуктивности широко используются в различных исследованиях, однако авторы отмечают и некоторые недостатки.

Особенно неоднозначно оценивается понятие «потенциальной продуктивности». К ее достоинствам относится то, что она входит в число наиболее распространенных, и то, что она

⁴ Все формулы приведены по [Baayen, 2009].

одновременно учитывает число потенциальных неологизмов (*hapax legomena*) и зафиксированное количество всех употреблений аффикса в корпусе (*token frequency*), т. е. частотность аффикса достигнутую и перспективную [Tseng et al., 2020. P. 2881].

Нисимото относит к недостаткам «потенциальной продуктивности» то, что она никак не связана с количеством лексем в словообразовательных типах (*type count*) [Nishimoto, 2003. P. 54], хотя именно способность образовывать разные слова лежит в основе понятия продуктивности аффикса. Кроме того, предлагаемая формула «переоценивает» продуктивность редких аффиксов и «недооценивает» частотные [Saade, 2020. P. 456]. Сам Х. Баайен с соавтором в работе [Shen, Baayen, 2022] отмечают, что «потенциальная» продуктивность показывает отрицательную корреляцию с «реализованной» и «растущей» продуктивностью «по чисто статистическим причинам».

На наш взгляд, это происходит как раз из-за категориальной обусловленности меры «потенциальной продуктивности», одинаковых частотных свойств словоформ с одним аффиксом в числителе и знаменателе: если аффикс продуктивен, то все словоформы с ним, единичные и неединичные, частотны, и деление больших значений на другие большие значения дает маленькую долю, тогда как для непродуктивного аффикса деление друг на друга маленьких значений частот словоформ дает, как правило, большую долю.

При этом, следует повторить, формула «потенциальной продуктивности» Х. Баайена при всех ее недостатках остается наиболее распространенной, и попытки использовать для оценки продуктивности другие меры (напр., [Nishimoto, 2003]) широкой поддержки не получили.

Мы также апробируем на своем языковом материале меры продуктивности Х. Баайена, но предложим, вместе с тем, и свою меру оценки продуктивности аффиксов.

2. Материалы и методы

Как отмечают ведущие специалисты в прикладной лингвистике, тексты специализированного характера (т. е. языка для специальных целей) «недостаточно полно отражены в общенациональных корпусах <...> и требуют создания для них соответствующих специальных корпусов в качестве отдельных объектов анализа» [Моделирование в корпусной лингвистике..., 2019. С. 11]. Из этого замечания вытекает методика текущей работы с такими текстами: использование корпусных методов вне существующих больших корпусов.

Языковым материалом исследования выступила коллекция текстов, составленная методом сплошной выборки из сообщений военного раздела сайта китайской государственной службы новостей «Чжунсинь» (中国新闻网)⁵ за 2019 год. Объем составил 2066 текстов (2 852 262 знака). После обработки и сегментации в корпусном менеджере Sketch Engine⁶ размер пользовательского корпуса составил 1 756 275 токенов, 1 423 561 слово.

На основании полученных частотных данных средствами MS Excel вычислялось количество слов, оканчивающихся на конкретные суффиксальные морфемы. Список морфем методом сплошной выборки был взят из работ ведущих специалистов по китайскому словообразованию (И. Д. Кленин, В. Ф. Щичко, А. Л. Семенас, А. А. Хаматова, Инь Хайлян; перечень работ приводится в [Коршунов, 2022]). В общей сложности в список вошли 80 суффиксальных морфем, полный список которых приведен в разделе Результаты.

К частотным данным лексических единиц, содержащих исследуемые морфемы, были применены формулы измерения продуктивности Х. Баайена, а также собственная формула.

⁵ <https://www.chinanews.com.cn/mil/news>

⁶ <https://www.sketchengine.eu/>

2.1. Универсальная мера продуктивности

Требования к новой мере продуктивности, предлагаемые ниже, вытекают из недостатков имеющихся. Она не должна быть еще одной разновидностью частоты тех или иных аффиксальных единиц – как «реализованная» или «растущая» продуктивность – соответственно, числитель или знаменатель не должен состоять из какой-либо одной постоянной для данного корпуса величины. Новая мера обязательно должна учитывать количество лексем словообразовательного типа с данным аффиксом, потому что смысл понятия продуктивности заключается в образовании разных слов. Одновременно объективная мера должна учитывать число неологизмов (лексических новообразований), потому что образуемые в тексте лексические единицы – это потенциально новые слова. Кроме того, эта мера должна адекватно реагировать на частоту употребления словоформ, не приписывая самым редким суффиксам максимальную продуктивность, т. е. не противоречить здравому смыслу и языковому чутью.

Предлагаемая нами далее формула удовлетворяет всем перечисленным требованиям, а получившаяся мера объединяет достоинства предыдущих, универсально отражая реализованный и ожидаемый словообразовательный потенциал аффикса. По этой причине мы обозначим ее как «универсальную продуктивность» – P_u . Она учитывает все основные параметры, существенные для оценки продуктивности аффикса: количество потенциальных неологизмов (число единичных словоупотреблений с оцениваемым аффиксом), разнообразие реализации (общее число лексем словообразовательного типа с данным аффиксом, включая единичные), а также среднюю частоту регулярных употреблений оцениваемого аффикса. Используя приведенные выше переменные X . Баайена, новую формулу вычисления универсальной продуктивности P_u можно представить следующим образом:

$$P_u = \frac{V(1, C, N)}{V(\bar{C}, N)} \times \bar{N}(C),$$

где $V(1, C, N)$ – число единичных слов с аффиксом C в корпусе из N словоформ, $V(\bar{C}, N)$ – число лексем в словообразовательных типах с другими аффиксами, т. е. сумма всех лексем с аффиксами в корпусе, единичных и регулярных, за вычетом числа лексем с аффиксом C (остающаяся «емкость» словообразовательного «рынка»), $\bar{N}(C)$ – средняя частота употребления регулярных лексем с аффиксом C в корпусе, определенная как отношение количества неединичных словоформ с аффиксом C (*token frequency*) к числу регулярных лексем словообразовательного типа с данным аффиксом (*type count*).

Таким образом, далее будет проведена количественная оценка продуктивности 80 китайских суффиксальных морфем на материале коллекции новостных сообщений военной тематики с помощью трех мер: «растущей» и «потенциальной» продуктивности X . Баайена и предложенной нами «универсальной» продуктивности. Сопоставление и анализ результатов позволят определить наиболее продуктивные суффиксальные морфемы в китайском новостном военном дискурсе и сделать выводы о достоинствах и недостатках использованных количественных мер.

3. Результаты

Количественные результаты по каждой морфеме представлены в таблице. Для уменьшения числа нулей после запятой формула «растущей продуктивности» была дополнена умножением результата на 100, т. е. выражена в процентах.

Продуктивность китайских суффиксальных морфем по трем мерам

The productivity of Chinese suffix morphemes rated by three measures

Ранг Rank	Растущая продуктивность P^* Expanding productivity P^*		Потенциальная продуктивность P Potential productivity P		Универсальная продуктивность P_u Universal productivity P_u	
	Морфема Morpheme	Значение, % Value, %	Морфема Morpheme	Значение Value	Морфема Morpheme	Значение Value
1	2	3	4	5	6	7
1	人	0,764	丁	0,400	人	0,984
2	区	0,692	蛋	0,348	式	0,664
3	性	0,620	匠	0,300	区	0,616
4	子	0,564	虫	0,258	员	0,549
5	式	0,530	霸	0,227	力	0,447
6	化	0,522	剂	0,220	者	0,444
7	型	0,492	派	0,216	化	0,412
8	者	0,469	郎	0,200	型	0,385
9	处	0,356	盲	0,200	子	0,354
10	力	0,341	炎	0,196	度	0,324
11	心	0,322	汉	0,184	量	0,307
12	长	0,261	棍	0,182	心	0,304
13	夫	0,261	犯	0,161	生	0,300
14	面	0,253	夫	0,139	面	0,288
15	员	0,246	处	0,127	界	0,264
16	家	0,246	热	0,127	长	0,249
17	头	0,238	徒	0,125	学	0,236
18	量	0,235	率	0,109	民	0,213
19	儿	0,235	说	0,101	法	0,212
20	手	0,227	儿	0,095	家	0,211
21	率	0,219	带	0,085	性	0,201
22	度	0,204	迷	0,074	体	0,196
23	学	0,201	性	0,071	论	0,141
24	法	0,201	群	0,061	手	0,130
25	说	0,197	型	0,058	门	0,126
26	气	0,189	星	0,055	说	0,122
27	生	0,185	图	0,055	处	0,121
28	期	0,155	具	0,055	期	0,114
29	门	0,151	形	0,051	众	0,111
30	带	0,140	气	0,050	士	0,102
31	星	0,132	师	0,049	夫	0,098
32	体	0,129	区	0,049	族	0,098

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6	7
33	数	0,125	头	0,045	头	0,093
34	意	0,125	数	0,043	表	0,089
35	物	0,117	生	0,043	儿	0,082
36	品	0,106	式	0,043	气	0,080
37	图	0,106	子	0,042	坛	0,079
38	师	0,102	分子	0,041	件	0,077
39	形	0,098	化	0,040	星	0,077
40	界	0,091	差	0,040	数	0,076
41	群	0,087	意	0,040	亲	0,075
42	论	0,083	物	0,038	品	0,070
43	族	0,079	门	0,036	物	0,067
44	热	0,072	家	0,036	率	0,066
45	表	0,068	属	0,034	意	0,062
46	派	0,061	期	0,033	种	0,058
47	民	0,057	品	0,033	形	0,056
48	件	0,053	者	0,033	主义	0,056
49	类	0,053	类	0,032	素	0,055
50	属	0,053	手	0,031	带	0,051
51	汉	0,053	族	0,030	质	0,048
52	种	0,049	人	0,029	类	0,044
53	主义	0,049	鬼	0,028	师	0,042
54	观	0,049	心	0,027	图	0,041
55	剂	0,049	法	0,027	象	0,038
56	质	0,045	素	0,027	别	0,035
57	具	0,045	学	0,026	群	0,034
58	士	0,038	观	0,025	属	0,034
59	素	0,038	论	0,024	观	0,033
60	炎	0,038	量	0,023	热	0,017
61	亲	0,034	面	0,021	分子	0,017
62	犯	0,034	种	0,021	具	0,015
63	众	0,030	坛	0,020	鬼	0,014
64	别	0,030	表	0,019	匠	0,011
65	分子	0,030	长	0,017	剂	0,010
66	蛋	0,030	主义	0,017	律	0,010
67	虫	0,030	力	0,017	汉	0,010
68	丁	0,030	度	0,016	派	0,010
69	徒	0,026	亲	0,014	犯	0,009

Окончание табл.

1	2	3	4	5	6	7
70	坛	0,023	质	0,013	徒	0,009
71	匠	0,023	体	0,012	差	0,007
72	差	0,023	件	0,012	炎	0,006
73	象	0,019	界	0,010	霸	0,006
74	霸	0,019	员	0,009	蛋	0,005
75	迷	0,015	众	0,009	虫	0,005
76	郎	0,015	别	0,008	迷	0,004
77	鬼	0,011	象	0,006	丁	0,003
78	盲	0,011	律	0,005	郎	0,002
79	律	0,008	民	0,005	盲	0,002
80	棍	0,008	士	0,004	棍	0,001

В таблице не приводятся данные по первой мере продуктивности из предлагавшихся Х. Баайеном – «реализованной», соответствующей понятию «регулярности» аффикса и измеряющейся в количестве лексем в словообразовательном типе. Эти данные приводились нами в [Коршунов, 2022]. Здесь следует отметить, что хотя для вычисления «реализованной» и «растущей» продуктивности применяются непересекающиеся множества (повторяющиеся vs. единичные лексемы), корреляция между ними очень велика: 0,94.

Корреляция «растущей» и «потенциальной» продуктивности ожидаемо отрицательная: – 0,1. Предложенная нами «универсальная» продуктивность показывает достаточно высокую корреляцию с «растущей»: 0,85, и отрицательную – с «потенциальной»: – 0,5.

Рассмотрим содержательно первую десятку суффиксальных морфем, выделенную каждой мерой.

Как видно из таблицы, из 10 первых позиций в колонках «растущей» и «универсальной» продуктивности восемь представлены повторяющимися значениями. Можно утверждать, что это наиболее продуктивные суффиксальные морфемы в китайском новостном военном дискурсе. Рассмотрим их в порядке «универсальной» продуктивности (колонка 6 таблицы).

1. 人 *rén* – словообразовательный элемент существительных, обозначающих национальность, профессию и т. п., лексическое значение – ‘человек’ (все значения приведены по БКРС⁷). Он также первый в рейтинге «растущей» продуктивности и лишь 52-й по формуле «потенциальной» продуктивности. Наиболее частотные регулярные лексемы в языковом материале: 军人 *jūnrén* ‘военнослужащий’ и 敌人 *dírén* ‘противник’. Среди единичных употреблений такие лексические единицы, как 受阅人 *shòuyuèrén* ‘принимающий парад’, 文人 *wénrén* ‘гражданские лица’, 日本人 *ribenren* ‘японец’ и др.

2. 式 *shì* – в словаре описывается как родовая морфема со значениями ‘тип, образец’ и ‘обряд, ритуал’. Пятое место в «растущей» продуктивности и 36-е – в «потенциальной». Самые частотные регулярные лексемы: 方式 *fāngshì* ‘способ, метод’ и 仪式 *yíshì* ‘церемония’. Нередко выступает как суффикс прилагательных. Среди единичных такие слова, как 三点式 *sāndiǎnshì* ‘трехточечный’ (= трехточечного типа), 弹道式 *dàndàoshì* ‘баллистический’ (= баллистического типа), 返回式 *fǎnhuísì* ‘возвращаемый [спутник]’ и др.

3. 区 *qū* – в словаре словообразовательное значение не выделяется, лексическое значение – ‘район’. Второе место в «растущей» продуктивности и 32-е – в «потенциальной». Самые

⁷ БКРС – Большой китайско-русский словарь / Гл. ред. И. М. Ошанин. В 4 т. М.: Наука, 1983. 7947 с.

частотные регулярные лексемы: 地区 *dìqū* ‘район’ и 战区 *zhànqū* ‘объединенное командование’ (современный аналог военного округа, букв. боевой район). Среди единичных такие лексические единицы, как 教育区 *jiàoyùqū* ‘район обучения’, 任区 *rènqū* ‘район назначения’, 杀伤区 *shāshāngqū* ‘район поражения [живой силы]’ и др.

4. 员 *yuán* – в словаре описывается как родовая морфема для названий участников конференции, членов комитета, представителей профессии, членов общества, сотрудников. Занимает 15-е место в «растущей» продуктивности и лишь 74-е – в «потенциальной». Самые частотные регулярные лексемы: 人员 *rényuán* ‘сотрудники [учреждения]; личный состав’ и 队员 *duìyuán* ‘боец отряда; член команды’. Среди единичных такие слова, как 文员 *wényuán* ‘гражданский персонал’, 机械员 *jīxièyuán* ‘механик’, 救护员 *jiùhùyuán* ‘санитар; работник скорой помощи’ и др.

5. 力 *lì* – в словаре словообразовательное значение не выделяется, лексические значения – ‘сила, мощь’ и ‘сила, способность’. Десятое место в «растущей» продуктивности и 67-е – в «потенциальной». Самые частотные регулярные лексемы: 能力 *nénglì* ‘способность, возможность’ и 战斗力 *zhàndòulì* ‘боеспособность’. Среди единичных такие слова, как 耐久力 *nàijiǔlì* ‘выносливость; долговечность’, 抵抗力 *dīkànglì* ‘сопротивляемость, сила сопротивления’, 感知力 *gǎnzhīlì* ‘восприятие, способность к восприятию’ и др.

6. 者 *zhě* – в словаре описывается как суффикс активно действующего лица или синтаксическое служебное слово со значением ‘тот, кто’. Восьмое место в «растущей» продуктивности и 48-е – в «потенциальной». Наиболее частотные регулярные лексемы: 记者 *jìzhě* ‘корреспондент’ (букв. тот, кто записывает) и 志愿者 *zhìyuànzhě* ‘доброволец’. Среди единичных такие лексические единицы, как 改革者 *gǎigézhě* ‘реформатор’, 残民者 *cánmínzhě* ‘инвалид, человек с ограниченными возможностями’, 救护者 *jiùhùzhě* ‘санитар; работник скорой помощи’ и др.

7. 化 *huà* – основное лексическое значение ‘превращаться’, в словообразовании после основы (обычно двусложной) существительного или прилагательного является словообразующим суффиксом глагола и отглагольного существительного со значением обрести (придать) такой-то признак, рассматривать в таком-то значении и часто соответствует русским словообразовательным суффиксам и окончаниям *-изировать[ся]*, *-изация*. Шестое место в «растущей» продуктивности и 39-е – в «потенциальной». Наиболее частотные регулярные лексемы: 实战化 *shízhànhuà* ‘приближение [боевой подготовки] к условиям реального боя’, ‘повышение практической направленности [боевой подготовки]’, а также 现代化 *xiàndàihuà* ‘модернизация’. Среди единичных такие слова, как 数智化 *shùzhìhuà* ‘цифровизация и интеллектуализация’, 普及化 *pǔjìhuà* ‘популяризация’, 多极化 *duōjìhuà* ‘многополярность’ и др.

8. 型 *xíng* – в словаре словообразовательное значение не выделяется, лексические значения – ‘тип, образец’ и ‘шаблон, трафарет’. Как и синонимичный ему 式 *shì*, может служить образованию прилагательных. Седьмое место в «растущей» продуктивности и 25-е – в «потенциальной». Самые частотные регулярные лексемы: 新型 *xīnxíng* ‘новый’ (= нового типа) и 大型 *dàxíng* ‘крупный’ (= большого типа). Среди единичных такие лексические единицы, как 空射型 *kōngshèxíng* ‘[ракета] воздушного базирования’ (букв. типа воздушного пуска), 量产型 *liàngchǎnxíng* ‘серийный’ (букв. типа массового производства), 机械型 *jīxièxíng* ‘механизированный’ и др.

9. 子 *zǐ* – общепризнанный суффикс существительных, лексическое значение – ‘сын’. Четвертое место в «растущей» продуктивности и 37-е – в «потенциальной». Наиболее частотные регулярные лексемы: 女子 *nǚzǐ* ‘женщина’ и 孩子 *háizi* ‘ребёнок’. Среди единичных такие слова, как 斧子 *fǔzi* ‘топор’, 棚子 *péngzi* ‘сарай’, 中子 *zhōngzǐ* ‘нейтрон’ и др.

10. 度 *dù* – в словаре применительно к словообразованию описывается как родовая морфема со значениями ‘мера, измерение’, ‘степень, измеряемое качество’, ‘величина в градусах’, ‘предел, норма, лимит’, ‘режим, система’ и др. Занимает 22-е место в «растущей» продуктивности и 68-е – в «потенциальной». Наиболее частотные регулярные лексемы: 制度 *zhìdù* ‘режим, строй, система’ и 高度 *gāodù* ‘высота’. Среди единичных такие слова, как 敏感度 *mǐngǎndù*

‘чувствительность’, 可信度 *kěxìndù* ‘степень доверия; достоверность’, 危险度 *wēixiǎndù* ‘степень опасности; риск’ и др.

Кроме этого, в первую десятку «растущей» продуктивности входят морфемы 性 *xìng* и 处 *chù*.

性 *xìng* – в словаре описывается как суффикс имен существительных, обозначающих качество, свойство; часто соответствует русскому суффиксу *-ость*, лексическое значение – ‘природа; характер; свойство’. На практике нередко является суффиксом прилагательных, обозначающих названное основой качество предмета. Третье место в «растущей» продуктивности, 23-е – в «потенциальной», 21-е – в «универсальной». Самые частотные регулярные лексемы: 血性 *xièxìng* ‘самоотверженность; благородство; пыл’ и 针对性 *zhēnduìxìng* ‘целенаправленность’. Среди единичных такие слова, как 多功能性 *duōgōngnéngxìng* ‘многофункциональность’, 灾害性 *zāihàixìng* ‘стихийный, катастрофический’, 中立性 *zhōnglìxìng* ‘нейтральный, нейтральность’ и др.

处 *chù* – в словаре описывается как родовая морфема для названий различных учреждений или частей учреждения, а также в соединении с основами, обозначающими качества, образует отвлеченные названия данного признака, лексическое значение – ‘место’. Девятое место в «растущей» продуктивности, 15-е – в «потенциальной», 27-е – в «универсальной». Самые частотные регулярные лексемы: 深处 *shēnchù* ‘глубь; глубина; глубинный’ и 处处 *chùchù* ‘повсюду, везде, повсеместно; в разных местах’. Среди единичных такие слова, как 新闻处 *xīnwénchù* ‘информбюро’, 政工处 *zhènggōngchù* ‘отдел политической работы’, 细微处 *xìwēichù* ‘тонкости’ и др.

Представим теперь первую десятку суффиксальных морфем по критерию «потенциальной» продуктивности (колонка 4 таблицы). Для краткости приведем их лексические значения, которые лежат в основе суффиксальных, и в скобках укажем частоту употреблений в пересчете на миллион (*ipm*): 1) 丁 *dīng* ‘гвоздь; взрослый; работник’ (8 *ipm*); 2) 蛋 *dàn* ‘яйцо; дурак; негодяй’ (10 *ipm*); 3) 匠 *jiàng* ‘мастер; ремесленник’ (10 *ipm*); 4) 虫 *chóng* ‘насекомое; червяк; пресмыкающееся’ (16 *ipm*); 5) 霸 *bà* ‘гегемон; тиран; деспот’ (12 *ipm*); 6) 剂 *jì* ‘средство, препарат; лекарство’ (31 *ipm*); 7) 派 *pài* ‘секта; клан, партия, группа’ (6 *ipm*); 8) 郎 *láng* ‘молодой человек’ (11 *ipm*); 9) 盲 *máng* ‘слепой; неграмотный; несведущий’ (8 *ipm*); 10) 炎 *yán* ‘воспаление’ (28 *ipm*).

Приведенные данные показывают, что в верхней части списка «потенциальной» продуктивности оказались очень редкие суффиксальные морфемы, в основном имеющие отношение к обозначениям людей, нередко с отрицательной эмоциональной оценкой, просторечных и бранных. Такие слова иногда встречаются в воспоминаниях ветеранов о годах войны и подобных материалах, относимых редакциями к военной тематике. Две «медицинские» суффиксальные морфемы, вероятно, появились в военных новостях в связи с эпидемией коронавируса, начавшейся в конце 2019 года.

4. Обсуждение

«Потенциальная» продуктивность, как уже отмечалось выше, завышает ранги редких суффиксальных морфем. Эти морфемы встречаются в словах, не характерных для новостного военного дискурса. Нет никаких оснований ожидать, что просторечия и ругательства, образуемые с помощью этих морфем, расширят свое употребление в таком специфическом дискурсе. Соответственно, приписываемый им по формуле Х. Баайена большой словообразовательный потенциал в данном случае крайне сомнителен.

«Растущая» продуктивность Х. Баайена дает высокие ранги действительно продуктивным суффиксальным морфемам, от которых в китайском языке (и, в частности, в новостном во-

енном дискурсе) легко образуются разнообразные обозначения людей, предметов, районов, процессов и т. п.

Предложенная нами универсальная мера продуктивности обеспечивает качественно примерно такой же результат, что и «растущая» продуктивность, с ранговой корреляцией 0,85, которая иллюстрируется совпадением восьми из десяти первых морфем в рейтингах двух мер.

Можно дискутировать о том, какая последовательность морфем может «ощущаться» специалистами как более объективная. На наш взгляд, результаты обеих мер – и «растущей», и «универсальной» продуктивности – могут соответствовать эмпирическим ожиданиям. Однако предлагаемая нами формула представляется более обоснованной с точки зрения использованных для ее расчета параметров.

Она обладает следующими преимуществами:

1. Не опирается на единственный количественный параметр – в отличие от «реализованной продуктивности».

2. Не содержит постоянных для данного корпуса величин – в отличие от «растущей продуктивности» P^* .

3. Не имеет отрицательной корреляции с частотой употреблений в корпусе – в отличие от «потенциальной продуктивности» P .

4. Учитывает частоту не только единичных, но и регулярных слов с оцениваемым аффиксом. Такой подход позволяет, во-первых, не потерять реальные неологизмы, которые, в отличие от *haxes legomena*, могут употребляться в тексте более одного раза, и, во-вторых, учесть частотность при оценке продуктивности, что справедливо с психолингвистической точки зрения, поскольку при создании новых слов в речевой деятельности вероятность использования частотных элементов выше, чем редких.

5. Формула P_u превращает абсолютные величины в относительные, значения которых распределены в пределах от 0 до 1, что соответствует традиционному и универсальному диапазону значений вероятностных величин.

Заключение

В результате исследования было получено несколько вариантов перечня наиболее продуктивных суффиксальных морфем китайского новостного военного дискурса.

Сопоставление существующих мер измерения продуктивности и предложенной нами формулы позволяет сделать вывод, что формула «растущей продуктивности» Х. Баайена может использоваться лишь для примерной оценки продуктивности суффиксальных морфем. Не отражая непосредственно ряд существенных аспектов продуктивности, она, тем не менее, дает достаточно близкие к правдоподобным результаты.

Однако для более точного измерения продуктивности суффиксальных морфем следует использовать предложенную в настоящей работе формулу «универсальной» продуктивности, которая учитывает большее количество существенных словообразовательных параметров и является в этом смысле более обоснованной.

Список литературы

- Коршунов Д. С. Частотность суффиксальных морфем как характеристика китайского новостного военного дискурса // Вестник МГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 10 (865). С. 48–56. DOI 10.52070/2542-2197_2022_10_865_48
- Кубрякова Е. С. Что такое словообразование? М.: Наука, 1965. 78 с.

- Кузнецова А. И., Лавренова О. А.** О существовании корреляции между продуктивностью и употребительностью аффиксов в русском языке // Исследования по структурной и прикладной лингвистике. Вып. 7. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. С. 83–99.
- Лопатин В. В., Улуханов И. С.** Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2016. 812 с.
- Моделирование в корпусной лингвистике: специализированные корпуса русского языка / В. П. Захаров, И. В. Азарова, О. А. Митрофанова, А. М. Попов, М. В. Хохлова; отв. ред. В. П. Захаров. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2019. 208 с.
- Хаматова А. А.** Словообразование современного китайского языка. М.: Муравей, 2003. 224 с.
- Шанский Н. М.** Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М.: Учпедгиз, 1959. 246 с.
- Arcodia, G. F., Basciano, B.** On the productivity of the Chinese suffixes – 兒 *-r*, –化 *-huà* and –頭 *-tou*. *Taiwan Journal of Linguistics*. 2012. Vol. 10.2. Pp. 89–118.
- Arcodia, G. F., Basciano, B.** The Construction Morphology Analysis of Chinese Word Formation. In: Booij, G. (eds). *The Construction of Words. Studies in Morphology*, vol 4. Springer, Cham. 2018. Pp. 219–253. https://doi.org/10.1007/978-3-319-74394-3_9
- Baayen, R. H.** A Corpus-Based Study of Morphological Productivity: Statistical Analysis and Psychological Interpretation. Doctoral dissertation. Free University, Amsterdam, 1989.
- Baayen, R. H.** Corpus linguistics in morphology: Morphological productivity. Volume 2: An International Handbook, edited by Anke Lüdeling and Merja Kytö, Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 2009. Pp. 899–919. <https://doi.org/10.1515/9783110213881.2.899>
- Bauer, L.** Morphological Productivity. Cambridge Studies in Linguistics (95). Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 245 p. doi:10.1017/CBO9780511486210
- Bareato, S., Basciano, B.** Chinese Affixes in the Internet Era: A Corpus-Based Study of X-族 *zú*, X-党 *dǎng* and X-客 *kè* Neologisms. In: *Corpus-Based Research on Chinese Language and Linguistics* / Ed. by B. Basciano, F. Gatti, A. Morbiato. Venezia: Edizioni Ca' Foscari, 2020. Pp. 239–282.
- Nishimoto, E.** Measuring and Comparing the Productivity of Mandarin Chinese Suffixes // *Computational Linguistics and Chinese Language Processing*. 2003. Vol. 8. No. 1. Pp. 49–76.
- Plag, I., Dalton-Puffer, C., Baayen, R. H.** Morphological productivity across speech and writing // *English Language and Linguistics*. 1999. Vol. 3 (2). Pp. 209–228. DOI: 10.1017/S1360674399000222
- Saade, B.** Quantitative approaches to productivity and borrowing in Maltese derivation // *Morphology*. 2020. Vol. 30 (2). Pp. 447–467. <https://doi.org/10.1007/s11525-020-09358-2>
- Shen, T., Baayen, R. H.** Adjective–noun compounds in Mandarin: a study on productivity // *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*. 2022. Vol. 18 (3). Pp. 543–572. DOI: 10.1515/cllt-2020-0059
- Sproat, R., Shih, C.** A corpus-based analysis of Mandarin nominal root compound. *Journal of East Asian Linguistics*. 1996. Vol. 5. Pp. 49–71. DOI: 10.1007/BF00129805
- Tseng, Y.-H., Hsieh, Sh., Chen, P.-Y., Court, S.** Computational Modeling of Affixoid Behavior in Chinese Morphology. Proceedings of the 28th International Conference on Computational Linguistics. Barcelona, 2020. Pp. 2879–2888. DOI: 10.18653/v1/2020.coling-main.258
- 王春娇, 盛玉麒. 当代汉语新兴表称谓“类词缀”研究 // 中文教学现代化学报. 2019年6月. 第8卷, 第1期. 46–54页. [Ван Чуньцзяо, Шэн Юйци. Исследование “полуаффиксов” новых названий в современном китайском языке // Журнал модернизации преподавания китайского языка. Июнь 2019. Вып. 8 (1). С. 46–54.]

Список источников

中国新闻网 – 中新网 [сайт китайской службы новостей «Чжунсинь»]. 军事新闻滚动新闻 [список военных новостей]. (на кит. яз.) URL: <https://www.chinanews.com/mil/news> (дата обращения: 29.01.2022 – 28.02.2022).

References

- Korshunov, D. S.** Frequency of suffixal morphemes as a characteristic of Chinese news military discourse. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2022. Vol. 10 (865). Pp. 48–56. 10.52070/2542-2197_2022_10_865_48 (in Russ.)
- Kubryakova, E. S.** What is word formation? Moscow: “Nauka” Publ., 1965. 78 p. (in Russ.)
- Kuznetsova, A. I., Lavrenova, O. A.** On the existence of a correlation between the productivity and use of affixes in Russian. *Studies in Structural and Applied Linguistics*. Issue 7. Moscow: Moscow University Publ., 1975. Pp. 83–99. (in Russ.)
- Lopatin, V. V., Ulukhanov, I. S.** Dictionary of derivational affixes of the modern Russian language. Moscow: “Azbukovnik” Publ., 2016. 812 p. (in Russ.)
- Modeling in corpus linguistics: specialized corpora of the Russian language / V. P. Zakharov, I. V. Azarova, O. A. Mitrofanova, A. M. Popov, M. V. Khokhlova; resp. ed. V. P. Zakharov. St. Petersburg: St. Petersburg University Publ., 2019. 208 p.
- Khamatova, A. A.** Word formation of the modern Chinese language. Moscow: “Muravey” Publ., 2003, 224 p. (in Russ.)
- Shansky, N. M.** Essays on Russian word formation and lexicology. Moscow: “Uchpedgiz” Publ., 1959. 246 p. (in Russ.)
- Arcodia, G. F., Basciano, B.** On the productivity of the Chinese suffixes – 兒 –r, –化 –huà and –頭 –tóu. *Taiwan Journal of Linguistics*. 2012. Vol. 10.2. Pp. 89–118.
- Arcodia, G. F., Basciano, B.** The Construction Morphology Analysis of Chinese Word Formation. In: Booij, G. (eds). *The Construction of Words. Studies in Morphology*, vol 4. Springer, Cham. 2018. Pp. 219–253. https://doi.org/10.1007/978-3-319-74394-3_9
- Baayen, R. H.** A Corpus-Based Study of Morphological Productivity: Statistical Analysis and Psychological Interpretation. Doctoral dissertation. Free University, Amsterdam, 1989.
- Baayen, R. H.** Corpus linguistics in morphology: Morphological productivity. Volume 2: An International Handbook, edited by Anke Lüdeling and Merja Kytö, Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 2009. Pp. 899–919. <https://doi.org/10.1515/9783110213881.2.899>
- Bauer, L.** Morphological Productivity. *Cambridge Studies in Linguistics* (95). Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 245 p. doi:10.1017/CBO9780511486210
- Bareato, S., Basciano, B.** Chinese Affixes in the Internet Era: A Corpus-Based Study of X-族 zú, X-党 dǎng and X-客 kè Neologisms. In: *Corpus-Based Research on Chinese Language and Linguistics* / Ed. by B. Basciano, F. Gatti, A. Morbiato. Venezia: Edizioni Ca’ Foscari, 2020. Pp. 239–282.
- Nishimoto, E.** Measuring and Comparing the Productivity of Mandarin Chinese Suffixes. *Computational Linguistics and Chinese Language Processing*. 2003. Vol. 8. No. 1. Pp. 49–76.
- Plag, I., Dalton-Puffer, C., Baayen, R. H.** Morphological productivity across speech and writing. *English Language and Linguistics*. 1999. Vol. 3 (2). Pp. 209–228. DOI: 10.1017/S1360674399000222
- Saade, B.** Quantitative approaches to productivity and borrowing in Maltese derivation. *Morphology*. 2020. Vol. 30 (2). Pp. 447–467. <https://doi.org/10.1007/s11525-020-09358-2>
- Shen, T., Baayen, R. H.** Adjective–noun compounds in Mandarin: a study on productivity. *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*. 2022. Vol. 18 (3). Pp. 543–572. DOI: 10.1515/cllt-2020-0059
- Sproat, R., Shih, C.** A corpus-based analysis of Mandarin nominal root compound. *Journal of East Asian Linguistics*. 1996. Vol. 5. Pp. 49–71. DOI: 10.1007/BF00129805

- Tseng, Y.-H., Hsieh, Sh., Chen, P.-Y., Court, S.** Computational Modeling of Affixoid Behavior in Chinese Morphology. Proceedings of the 28th International Conference on Computational Linguistics. Barcelona, 2020. Pp. 2879–2888. DOI: 10.18653/v1/2020.coling-main.258
- 王春娇, 盛玉麒 (**Wang Chunjiao, Sheng Yuqi**). 当代汉语新兴表称谓“类词缀”研究 (Study on the Emerging Appellation Affix in Contemporary Chinese) // 中文教学现代化学报. 2019年6月. 第8卷, 第1期. 46-54页. (In Chin.)

List of Sources

- 中国新闻网 – 中新网 [“Zhongxin” news service site]. 军事新闻滚动新闻 [military news scroll list]. URL: <https://www.chinanews.com/mil/news> (accessed: 29.01.2022–28.02.2022) (in Chin.)

Информация об авторе

Коршунов Дмитрий Сергеевич, кандидат филологических наук, Военный университет радиоэлектроники
SPIN 7282-7336

Information about the Author

Dmitry S. Korshunov, Candidate of Sciences (Philology), Military University of Radio Electronics, Cherepovets, Russian Federation
SPIN 7282-7336

*Статья поступила в редакцию 28.06.2023;
одобрена после рецензирования 03.09.2023; принята к публикации 19.09.2023*
*The article was submitted 28.06.2023; approved after reviewing 03.09.2023;
accepted for publication 19.09.2023*

Научная статья

УДК 81'23 + 81'25

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-4-101-114

Юридическая лексика как средство осмысления культурных коммуникативных ситуаций аристократией в романе М. Пруста «В поисках утраченного времени»

Елена Сергеевна Савина

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия

savinaelena2006@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4301-5638>

Аннотация

В статье описывается вторичное образное использование юридических терминов в кругу французских аристократов в условиях республиканского общества в романе М. Пруста «В поисках утраченного времени». Автор показывает, что посредством юридических терминов в функции образных сравнений и метафор в романе создается интимный (закрытый) культурный код для общения представителей семьи Германтов между собой. Материалом для исследования послужили светские и политические ситуации, в которых смысл исходного сообщения, порождаемого чаще всего герцогиней Германтской, имплицитно другой более широкий прецедентный культурный контекст, который могут считать только французские аристократы и люди из их ближнего круга общения. В таких коммуникативных ситуациях используется юридическая лексика различных разрядов: общеправовая, термины конституционного, гражданского, международного публичного права, а также из истории государства и права Франции. Инструментальной базой исследования выступают методы семантического, лингвостилистического и контекстуального анализа. На основе проведенного анализа можно сказать, что Германты филигранно владеют искусством влиять на мнение своих собеседников; в этом отношении их можно сравнить с современными газетчиками, формирующими «независимую» точку зрения читателя при освещении политических событий. Для достижения цели Германты на своих приемах прибегают к тонкой и остроумной игре слов, ловко принижая при этом человека в глазах присутствующих. Неумение адресата понимать истинный смысл тех или иных образных высказываний, юридическая лексика которых используется для отсылки к самым разным прототипическим общекультурным и коммуникативным ситуациям, используется Германтами для того, чтобы подчеркнуть свою сословную исключительность и разделить всех людей, которые их окружают, на «своих» и «чужих». Что касается Пруста, то с помощью образного юридического переосмысления коммуникативных ситуаций подобного типа он показывает реакцию Марселя – наблюдателя из поколения буржуазии, его разочарование теперь знакомым ему истинным миром аристократов.

Ключевые слова

«В поисках утраченного времени», культурные коммуникативные ситуации, метафоры, образные сравнения, М. Пруст, стилистические фигуры, юридическая лексика, юридическая терминология, юридические термины, язык и стиль автора

Благодарности

Автор выражает глубокую признательность Татьяне Ильиничне Тарасовой и Елене Эмильевне Разлоговой за их помощь и поддержку.

Для цитирования

Савина Е. С. Юридическая лексика как средство осмысления культурных коммуникативных ситуаций аристократией в романе М. Пруста «В поисках утраченного времени» // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 4. С. 101–114. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-4-101-114

© Савина Е. С., 2023

Legal Vocabulary as a Means of Conceptualization of Cultural Communicative Situations by Aristocrats in Marcel Proust's Novel

Elena S. Savina

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation

savinaelena2006@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4301-5638>

Abstract

The author of the article argues that during the Third Republic French aristocrats used legal terms figuratively in their communication as is evidenced in Marcel Proust's novel. The paper presents legal terms which, used metaphorically and in similes, create a certain cultural code for the personages' private communication. Communicative situations (secular and political) employing figurative legal terms whose meaning can be perceived only by French aristocrats and their closest social circle, creating a special code for message exchange, served as material for our study. In order to describe these situations, Marcel Proust resorts to general legal vocabulary, the terms of Constitutional Law, Civil Law, International Public Law, as well as some concepts of the history of the French Law. The main methods of our study are semantic, linguistic, stylistic and contextual types of analysis. The relevance of our article could be justified by the fact that, to our knowledge, there are no scientific papers on stylistic devices, based on specialist terminology, in a literary text, or in communication. Linguists are interested in the functioning of specialist terminology as well as in the issues of classification and analysis of different stylistic devices. With regard to the stylistic analysis, we may say that the Guermants, the personages of the novel, are capable of impacting the opinion of their interlocutors in many subtle ways, just like journalists impact the viewpoints of their readers while covering political events in the news. For this purpose, they also resort to different delicate and ingenious techniques, such as play on words, aiming at belittling someone in the eyes of others. The inability of the readers to understand the meaning of some of their statements featuring legal terms to refer to some larger cultural and communicative situations, is one way for the Guermants to underline their own uniqueness, treating the people around them in terms of in-(out-)group members. Numerous communicative situations related to the figurative use of legal vocabulary allow the writer to represent Marcel's disappointment by the aristocrats' world he is now familiar with, as well as his misunderstanding of Baron de Charlus' sensual hints, and total incomprehension of the new modern art by the Duke of Guermants.

Keywords

"In Search of Lost Time", cultural communicative situations, metaphors, similes, Marcel Proust, stylistic devices, legal vocabulary, legal terminology, legal terms, language and style of an author

Acknowledgements

I would like to express my deep gratitude to Tatiana Tarasova and Elena Razlogova for their assistance and support.

For citation

Savina E. S. Legal vocabulary as a means of conceptualization of cultural communicative situations by aristocrats in Marcel Proust's Novel. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, vol. 21, no. 4, pp. 101–114. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-4-101-114

Введение

Актуальность работы объясняется тем, что в настоящее время, насколько нам известно, не существует работ, посвященных стилистическому функционированию в художественном тексте фигур, созданных на основе специальной терминологии, а также их роли в художественной коммуникации.

Цель этой статьи, как и предыдущих статей автора по юридической метафоре М. Пруста [Савина, 2019; 2020; 2021; 2022], – показать новые грани этой культурно-когнитивной стратегии французского писателя, «ищущего»¹ *le temps perdu*, т. е. реконструирующего уже почти казавшие в Лету социальные коды родовой аристократии. В романе М. Пруста «В поисках утраченного времени» Германты и приближенные к ним лица (т. е. получившие право быть у них

¹ Слово *recherche* в современном языке – это не только и не столько обозначение поиска, сколько основное слово для передачи понятия «научные исследования». Такая ассоциация названия романа не совсем случайна.

на светских приемах), все представители высшего аристократического общества используют в коммуникации между собой элементы особого культурного кода – отсылки к самым различным ситуациям из области правовой культуры. Для описания таких ситуаций Прустом используется как общеправовая лексика, так и термины конституционного, гражданского и международного публичного права, а также отдельные культурные концепты, связанные с понятиями из истории государства и права Франции. В исследовательскую выборку вошли ситуации с момента входа Марселя, наделенного автором ролью наблюдателя и аналитика, в закрытый мир Германтов до конца третьего тома романа.

В современном информационном обществе верно положение о том, что «трансляция культурных ценностей членам общества существуют благодаря их особому знаковому представлению, или кодированию» [Бакаева, Бибанина, 2017], но этого нельзя сказать об аристократических обществах прошлого или закрытой для посторонних и любопытствующих мира современной элиты.

Необходимо поэтому подчеркнуть, что отсылки протагонистов романа к различным правовым ситуациям периода Третьей республики могут легко ввести читателя в заблуждение, поскольку они подразумевают общекультурные контексты иного времени. Как следствие, имплицитруемый отправителем истинный, но «закодированный» смысл оказывается шире культурной ситуации конкретного текстового высказывания. В стилистике замены эксплицитного выражения мысли такими импликациями соответствует прием аллюзии. Подобная «кодировка» и обуславливает клановую закрытость описываемого мира.

В качестве примера лингвокультурной тактики такого рода можно привести ситуацию, в которой вынесение суждений госпожой Германтской о тех или иных людях и их восприятие ее аудиторией подается в виде аналогии с манипулятивной информационной политикой тогдашней буржуазной прессы в описании взаимодействия между Национальным собранием и массовым читателем. Внешне отчет о заседании парламента должен производить впечатление объективного изложения сказанного, на самом же деле газеты не пускают интерпретацию «на самотек» и пытаются исподволь формировать мнение так называемого «благоразумного читателя» по обсуждаемому вопросу. Интересно отметить в этой связи, что тема соотношения истины и манипуляций общественным мнением в прессе остро стоит и в наше время (см., например, [Фефелов, 2023]). За счет манипуляций такого рода восприятие информации читателем фактически меняется на противоположное: он не одобряет разумные меры и придает непропорционально большое значение происходящим в парламенте событиям.

Однако Марселю суждения самой герцогини Германтской представляются столь же произвольными, что и медийные:

Ce “tonnerre d’applaudissements” emporte les dernières résistances du lecteur de bon sens; il trouve insultante pour la Chambre, monstrueuse, une façon de procéder qui en soi-même est insignifiante; au besoin, quelque fait normal, par exemple: vouloir faire payer les riches plus que les pauvres, la lumière sur une iniquité, préférer la paix à la guerre, il le trouvera scandaleux et y verra une offense à certains principes auxquels il n’avait pas pensé en effet, qui ne sont pas inscrits dans le cœur de l’homme, mais qui émeuvent fortement à cause des acclamations qu’ils déchaînent et des compactes majorités qu’ils rassemblent [Proust, 1988. P. 459].

В данном случае мы имеем дело с аффективной «аргументацией», построенной на антитезе. Выражение “tonnerre d’applaudissements” «гром аплодисментов», введенное в отчет, подает благоразумие читателя (*bon sens*) и склоняет его на сторону богатеев, неправды, войны. С одной стороны, незначительность, с другой – естественность происходящих в парламенте событий (*insignifiante, normal*) описываются с помощью лексики, указывающей на их утрированное эмоциями восприятие (*insultante, monstrueuse, scandaleux, une offense, qui émeuvent*

fortement)². Данная лексика создает тем более резкий контраст, что с подачи газеты возмущение читателя относится именно к фактам социальной справедливости. Такова же тактика убеждения герцогини Германтской: преувеличивая значимость разных черт характера человека, она задает шаблон мнения о нем своему окружению.

Обращение Пруста к манипулятивным стратегиям прессы далеко не случайно. Как отмечает В. П. Трыков, М. Пруст «был вхож в этот мир [журналистики], знаком со многими его известными представителями, на протяжении многих лет печатался в разных парижских периодических изданиях» [Трыков, 2008]. Опыт М. Пруста в области журналистики подробно описан в том числе и в биографии писателя, составленной У. Картером, где на основе документальных свидетельств его жизнь воссоздана буквально по дням [Carter, 2013].

В рассматриваемом отрывке, развивая далее развернутое сравнение формирования нужного мнения читателя журналистами с задающим моду в свете мнением герцогини Германтской о других людях, М. Пруст образно представляет ее умелое манипулирование точкой зрения своего собеседника.

Что касается исследований юридической лексики в лингвистике, то не следует смешивать их с исследованиями в юрислингвистике и ее подходами, ориентированной на проблематику судебно-лингвистических экспертиз и юридическую номенклатуру (см. на материале русского языка [Голев, 2021] журнал «Юрислингвистика», который издается Алтайским государственным университетом с 1999 г., а также, например, статью о проблемах методологии анализа текста в рамках судебной экспертизы [Бурцева, Калашникова, Троцюк, 2022]).

В лингвистике текста вкрапления терминов рассматриваются с разных точек зрения: исследуется их функционирование в различных стилях [Глинская, 2002], восприятие носителями в рамках общелитературного языка [Малюкова, 2005]. В дидактике предлагаются классификации используемых российскими юристами иноязычных заимствований [Дьяков, Шилиева, 2021] и юридической лексики по степени ее терминологизации в отдельных дискурсах, а именно в речах адвокатов и прокуроров [Кэюнь, 2012], обосновывается необходимость расширения списка юридических терминов, которыми должны владеть выпускники языковых вузов [Безуглова, Кузнецова, 2016]. Нас будут интересовать ситуации, когда смысл высказывания, содержащего юридические термины, в тексте не равен языковому материалу.

Мы далее рассмотрим, как посредством использования юридических терминов, входящих в состав фигур речи, передается определенный культурный код, характеризующий аристократическое общество Германтов в романе М. Пруста.

Лексика из области конституционного права

Assemblée «палата парламента», *révocation* «отзыв»,
autonomie «автономия»

Для понимания нового для себя мира и недосказанностей, которые часто присутствуют в общении между представителями аристократического общества, Марсель обращается к аналогиям из области политики, административно-деловой сферы и военной ситуации периода Русско-японской войны 1905 года, являющихся для некомпетентных людей примерами якобы нелогичных решений, тогда как для посвященных они являются проявлением «тонкости» (*subtilité, finesse*) политика:

Il faut d'ailleurs reconnaître que cette *subtilité* des hommes politiques qui me servit à m'expliquer le milieu Guermantes et plus tard d'autres milieux, n'est que la perversion d'une certaine *finesse d'interprétation* souvent désignée par la locution "lire entre les lignes". Si dans les *assemblées* il

² Что также актуально и в наше время в связи с манипуляциями прессы и попытками повлиять на мнение читателя.

*y a absurdité par perversion de cette finesse, il y a stupidité par manque de cette finesse dans le public qui prend tout “à la lettre”, qui ne soupçonne pas **une révocation** quand un haut dignitaire est relevé de ses fonctions “sur sa demande” et qui se dit: “Il n’est pas révoqué puisque c’est lui qui l’a demandé”, une défaite quand les Russes par un mouvement stratégique se replient devant les Japonais sur des positions plus fortes et préparées à l’avance, un refus quand, une province ayant demandé l’indépendance à l’empereur d’Allemagne, celui-ci lui accorde **l’autonomie religieuse** <...> [Proust, 1988. P. 459].*

В рассматриваемом отрывке Марсель сравнивает нормы поведения в высшем обществе с неписаными законами в сфере государственного управления и политической жизни страны. В отличие от предыдущего контекста, где незначительность речей депутатов искусственно преувеличивается в прессе, здесь автор говорит, напротив, о неспособности рядовых читателей понимать саму суть событий. Так, неизбежный вынужденный отзыв сановника представлен как его отставка по собственному желанию (кавычки, как нам представляется, указывают здесь не только на прямую цитату из текста газетной статьи, но и на то, что данное выражение употреблено иронически), перегруппировка русской армии на более выгодные позиции – как поражение, а ответ императора на ходатайство немецкой земли о независимости в виде предоставления ей всего лишь религиозной автономии – как отказ³. Как и в области политики, в аристократическом обществе незначительное слово может восприниматься как нечто очень важное, поскольку глубинная суть происходящего наряду с истинным содержанием слова ускользает от постороннего наблюдателя.

*Députés «депутаты», délégués «делегаты», ministre «министр»,
délégation «делегация»*

Однако есть и ситуации, когда сами депутаты (т. е. посвященные) не считают всю суть политической ситуации в парламенте и превращаются в читателя («здравомыслящего гражданина»), которым умело манипулируют ловкие журналисты:

*<...> Il est possible d’ailleurs, pour revenir à ces séances de la Chambre, que quand elles s’ouvrent, **les députés eux-mêmes soient pareils à l’homme de bon sens** qui en lira le compte rendu. Apprenant que des ouvriers en grève ont envoyé leurs délégués auprès d’un ministre, peut-être se demandent-ils naïvement: “Ah! voyons, que se sont-ils dit? espérons que tout s’est arrangé”, au moment où le ministre monte à la tribune dans un **profond silence** qui déjà met en goût d’émotions artificielles <...> [Proust, 1988. P. 459].*

В данном контексте представители законодательной власти сами становятся жертвами той же уловки со стороны исполнительной власти: они не понимают скрытого смысла ситуации и невольно, из-за многозначительного молчания министра, по внешнему виду которого ничего нельзя понять, испытывают те самые эмоции, которые министр от них ожидает и планирует спровоцировать. Расписывая развитие ситуации, он использует довольно высокопарную лексику и весьма витиеватые синтаксические конструкции, имея целью создать эффект театральности и вызвать овации зала, но подчеркивает при этом свою скромность:

*<...> Les premiers mots du ministre: “Je n’ai pas besoin de dire à la Chambre que j’ai un trop haut sentiment des devoirs du gouvernement pour avoir reçu cette délégation dont l’autorité de ma charge n’avait pas à connaître”, soit **un coup de théâtre**, car c’était la seule hypothèse que le bon sens des députés n’eût pas faite. Mais justement parce que c’est **un coup de théâtre**, il est accueilli par de tels **applaudissements** que ce n’est qu’au bout de quelques minutes que peut se faire entendre*

³ Вероятно, религиозная автономия в Германии конца XIX – начала XX века подразумевала в том числе и определенную свободу в управлении местными делами. В Германии земли исторически имеют свои законодательные органы.

le ministre, le ministre qui recevra, en retournant à son banc, les félicitations de ses collègues <...> [Proust, 1988. P. 459–460].

В рассматриваемом случае форма победила содержание. Министр, представив свою встречу с рабочими как выполнение некоего морального долга, не предусмотренного официальными обязанностями, вызывал тем самым «бурные аплодисменты» со стороны депутатов, получил поддержку со стороны коллег-министров, хотя очевидно, что сама забастовка рабочих фактически свидетельствует о неудачах во внутренней политике правительства.

Président du Conseil municipal «председатель муниципального совета»

Восторженное восприятие депутатами данной ситуации как победы этого «настоящего истинного государственного деятеля» поддерживается еще одним его шагом – отказом пригласить на празднование великого национального события оппозиционно настроенного председателя муниципального совета:

<...> On est aussi ému que le jour où il a négligé d'inviter à une grande fête officielle le président du Conseil municipal qui leur faisait opposition, et on déclare que dans l'une comme dans l'autre circonstance il a agi en véritable homme d'État.

M. de Guermantes, à cette époque de sa vie, avait, au grand scandale des Courvoisier, fait souvent partie des collègues qui venaient féliciter le ministre <...> [Proust, 1988. P. 460].

Данная ситуация показывает скорее слабость министра, так как мэр в иерархии органов государственного управления занимает низшую позицию по отношению к главе исполнительной власти. Так же ее воспринимает в отличие от герцога Германтского и Курвуазье, который, сам депутат, старается соблюдать негласные законы республиканского общества.

Décret «декрет (акт, принимаемый главой государства или премьер-министром)»

Все приведенное выше подробное, развернутое описание политической жизни Франции периода Третьей республики приводится Прустом для того, чтобы показать, что герцогиня Германтская выносила свои светские суждения, основываясь на тех же «искусственных и волнительных» критериях, которые в ходу у политиков:

Pour en revenir à ses décisions artificielles et émouvantes comme celles des politiciens, Mme de Guermantes ne déconcertait pas moins les Guermantes, les Courvoisier, tout le Faubourg et plus que personne la princesse de Parme, par des décrets inattendus sous lesquels on sentait des principes qui frappaient d'autant plus qu'on s'en était moins avisé <...> [Proust, 1988. P. 460].

Термин *décret* указывает, прежде всего, на акт, принимаемый главой государства, поэтому сравнение высказываний герцогини Германтской о тех или иных происходящих в светской жизни событиях с провозглашением декрета позволяет представить ее как носителя истин (apporteur de vérités, как сказал бы Гюго) для Германтов, Курвуазье и всего аристократического общества в целом. Даже не понимая причин вынесенного герцогиней суждения, парижские аристократы его, тем не менее, разделяли, чтобы казаться столь же тонкими знатоками.

Arrondissement «округ, городской район»

В приведенном ниже отрывке иронически обыгрывается юридическое значение существительного *arrondissement* («избирательный округ»), связанное с этимологическим так же, как в русском эквиваленте («état de ce qui est arrondi» [TLF]). Цель этой параллели в том, чтобы представить генерала политическим неудачником, неспособным «округлить» свой успех даже

на низшем уровне, на муниципальных выборах, тогда как в семейной жизни это «округление» происходит с завидной регулярностью – жена снова беременна:

– Comment! Cette pauvre Mme de Montserfeuil est encore enceinte, s'écria la princesse.

– *Mais parfaitement, répondit la duchesse, c'est le seul arrondissement où le pauvre général n'a jamais échoué.*"

Je ne devais plus cesser par la suite d'être continuellement invité, fût-ce avec quelques personnes seulement, à ces repas dont je m'étais autrefois figuré les convives comme les Apôtres de la Sainte-Chapelle <...> [Proust, 1988. P. 496].

Выслушивание подобных разговоров, которые, по сути, представляют собой интимные сплетни, за ужином разбивает идеализированное представление Марселя об аристократах, об их мире и о светских приемах, который ранее воспринимал их как апостолов во время Тайной вечери на прекрасных средневековых витражах, очевидно, ведущих столь же возвышенные беседы.

Лексика из области финансового права

Débit «дебет счета»

Просьба о «нематериальной» помощи родственникам, обращенная к герцогине Германтской, образно сравнивается герцогом с принятием на себя некоего финансового обязательства в дальнейшем «расплатиться» за данное содействие оказанием аналогичной услуги в будущем лицу, перед которым герцогиня будет хлопотать за своего племянника по просьбе ее родных, «с общего банковского счета супругов», а точнее, ему самому «из своих собственных средств», то есть задействуя свои личные связи и влияние в свете:

“Puisque nous parlions de votre famille, Oriane, dit la princesse, j'ai vu hier votre neveu Saint-Loup; je crois qu'il voudrait vous demander un service.” Le duc de Guermantes fronça son *sourcil jupitérien*. *Quand il n'aimait pas rendre un service, il ne voulait pas que sa femme s'en chargeât, sachant que cela reviendrait au même et que les personnes à qui la duchesse aurait été obligée de le demander l'inscriraient au débet commun du ménage, tout aussi bien que s'il avait été demandé par le mari seul* [Proust, 1988. P. 492].

В данном контексте личная просьба родственника, обращенная к герцогине, образно сопоставляется с просьбой одолжить деньги с ее банковского счета, но герцог понимает, что фактически это означает, что будут использованы «денежные средства с совместного семейного счета», то есть будет задействовано положение их семьи в свете, а в действительности именно его личные связи.

Стоит подчеркнуть, что здесь имеется в виду не бухгалтерия и не деньги, которые тоже могут иметь место в отношениях супругов, а присутствует образное сравнение влияния в свете с денежными средствами (оно неоднократно встречается в романе). По контексту речь идет о том, что Сен-Лу через третье лицо просит об услуге (неденежной и нематериальной) свою тетю, а герцогу это не нравится, так как когда она будет хлопотать перед влиятельным лицом за Сен-Лу, это будет воспринято не как ее личная просьба, а как просьба обоих супругов, и в дальнейшем «расплачиваться» за нее (т. е. не деньгами, а задействуя свои связи и свое влияние в свете) придется не только герцогине, но и фактически супругу, хотя его никто ни о чем не спрашивал.

Лексика из области истории государства и права

Mariage des souverains par procuration «брак монархов по доверенности»

В приведенном ниже отрывке герцогиня Германтская сравнивает насекомых, переносящих пыльцу с тычинок мужского цветка на пестик женского, с посланниками монархических семей, заочно заключающими брак между наследниками престолов:

– Comme c’est curieux. Mais alors dans la nature...

– *Oui, il y a certains insectes qui se chargent d’effectuer le mariage, comme pour les souverains par procuration, sans que le fiancé et la fiancée se soient jamais vus.* Aussi je vous jure que je recommande à mon domestique de mettre ma plante à la fenêtre le plus qu’il peut, <...> dans l’espoir que viendra l’insecte indispensable <...> [Proust, 1988. P. 499].

В рассматриваемом случае *ma plante* – это орхидея, которая не имеет в Париже шансов получить пыльцу такого же растения. Именно она была уподоблена монархам, у которых не всегда была возможность увидеть воочию всех потенциальных невест и, возможно, приходилось заключать брак заочно, исходя исключительно из династических интересов и государственных расчетов. Кроме того, «оплакивая» далее судьбу своей орхидеи, занесенной в чужие края, герцогиня опасается, что та, скорее всего, «умрет девственницей». Данный отрывок композиционно вводит дальнейшее признание Шарлюса в своей гомосексуальности.

Saint Louis «Людовик IX»

Образное сравнение г-на де Норпуа с Людовиком IX, отправляющим правосудие под дубом (и здесь еще одна, пусть и неявная, аналогия – с царем Соломоном), – это всего лишь ядовитый намек протагониста на лстивую манеру маркиза оглашать свои высокие суждения о том или ином человеке, уподоблять его то известному своей справедливостью Людовику Святому, то беспристрастному набожному судье. Марсель давно уже понял, что де Норпуа говорит как профессиональный дипломат: лстит в глаза людям, когда это необходимо, а за глаза злословит о них:

<...> M. de Norpois était bien la dernière personne de qui j’eusse attendu un bon office. *La vérité est qu’étant moqueur et même assez malveillant, ceux qui s’étaient laissé prendre comme moi à ses apparences de Saint Louis rendant la justice sous un chêne, aux sons de voix facilement apitoyés qui sortaient de sa bouche un peu trop harmonieuse, croyaient à une véritable perfidie quand ils apprenaient une médisance à leur égard venant d’un homme qui avait semblé mettre son cœur dans ses paroles.* Ces médisances étaient assez fréquentes chez lui <...> [Proust, 1988. P. 512].

В рассматриваемом контексте то впечатление, которое господин де Норпуа производит на окружающих его людей, противопоставляется его истинной сущности. Лексика, описывающая производимое им впечатление, относится к семантическому полю доброты, сочувствия и искренности (*ses apparences de Saint Louis rendant la justice sous un chêne, les sons de sa voix facilement apitoyés qui sortaient de sa bouche un peu trop harmonieuse, sembler mettre son cœur dans ses paroles*). Портрет реального человека, известный протагонисту по опыту общения с ним, описывается рядом понятий, относящихся к семантическому полю злобы, вероломства и коварства (*une perfidie, une médisance à leur égard, ces médisances, moqueur, malveillant*). Важны также глаголы и прилагательные, указывающие на обманчивость внешних впечатлений (*ils croyaient, ils apprenaient, il avait semblé, véritable*). Примечательно, что, даже отлично зная об этом, Марсель так же обманывается, так как наивно верит словам герцогини Германтской о том, что маркиз де Норпуа искренне восхищался им на светском приеме.

Le congrès de Vienne «Венский конгресс»

Барон де Шарлюс, поняв, что Марсель не отвечает на его симпатию и сообщив ему в этой связи, что он разрывает с ним всякие светские и личные отношения, внезапно решает, что им надо будет все-таки встретиться еще один раз. Он не успел отдать его бабушке книгу маркизы де Севинье в особом переплете, заказанном специально для нее, и поэтому рассматривает возможность передать книгу внуку на память о покойной бабушке. Архисложность такого решения вопроса с точки зрения времени и усилий подчеркивается сравнением мелкой бытовой

ситуации с организацией эпохального для Европы Венского конгресса 1814–15-х годов по итогам наполеоновских войн:

<...> Il faut s'en consoler en se disant qu'on liquide rarement en un jour des affaires compliquées. *Regardez combien de temps a duré le Congrès de Vienne.*

– Mais je pourrais la faire chercher sans vous déranger, dis-je obligeamment <...> [Proust, 1988. P. 545].

Подобное сравнение привносит шутивно-ироничную нотку в речь барона, признавшего свое поражение, но цепляющегося за последнюю пристойную возможность и рассчитывающего, что Марсель придет на встречу. Марсель же, в свою очередь, использует нейтральную лексику, указывающую на его вежливость и желание поступить в соответствии с правилами этикета так, чтобы как можно меньше стеснять барона (употребление глагола *pouvoir* в форме условного наклонения, выражение *sans vous déranger* и характеристика его речи посредством наречия *obligeamment*). Это строгое соблюдение правил этикета и есть форма вежливого отказа от продолжения контактов.

Общая юридическая лексика

Notaire «нотариус»

С провинциальным нотариусом герцог Германтский иронически сравнивает мецената художника Эльстира, которого тот изобразил на одной из своих картин в неподобающем и неуместном, по мнению герцога, виде:

<...> Ça peut être un pontife très calé, mais il ignore évidemment dans quelles circonstances on met un chapeau haut de forme. *Avec le sien, au milieu de toutes ces filles en cheveux, il a l'air d'un petit notaire de province en goguette.* Mais, dites donc, vous me semblez tout à fait fêru de ces tableaux <...> [Proust, 1988. P. 484].

Данное описание вызывает ассоциации с картиной «Завтрак на траве» Э. Мане и непонимание, которое она вызвала в свое время. Используя подобное сравнение, герцог Германтский показывает, что буквально воспринимает то, что изображено на картине, противопоставляя высокое положение, занимаемое покровителем Эльстира в обществе, его неумению подбирать одежду, уместную для того или иного случая, что свидетельствует о непонимании герцогом новых тенденций в современной живописи. Марсель же, напротив, восхищается новизной и свежестью «буржуазных» картин Эльстира.

Poursuivre pour faux «привлекать к ответственности за подделку»

Выражение имеет здесь сугубо переносный смысл. Критерий истинной ценности артефакта для принца Фона прост: если один пожилой берлинский археолог, увидев находку, заплачет, то она настоящая, если нет, то продавца можно привлекать к судебной ответственности за подлог. Император же, с точки зрения дипломата, совсем не разбирается в искусстве: этого не понимает:

<...> S'il pleure, on achète la pièce pour le musée. *Si ses yeux restent secs, on la renvoie au marchand et on le poursuit pour faux.* Hé bien, chaque fois que je dîne à Potsdam, toutes les pièces dont l'empereur me dit: "Prince, il faut que vous voyiez cela, c'est plein de génialité", j'en prends note pour me garder d'y aller, et quand je l'entends fulminer contre une exposition, dès que cela m'est possible, j'y cours [Proust, 1988. P. 510].

В данном случае сравнение с правовой ситуацией иронически привносит нюанс объективности в описание субъективного восприятия, поскольку слезы (или отсутствие таковых) у берлинского археолога якобы являются объективным основанием для подачи искового заявления.

Так же, по мнению принца, чтобы понять фактическую ценность того или иного экспоната на выставке, надо воспринимать художественные вкусы немецкого императора с точностью до наоборот.

Jugement «судебное решение», condamnation «осуждение»

В приведенном ниже контексте барон де Шарлюс образно намекает, что Марсель подписывает себе обвинительный приговор, отказываясь понимать его завуалированные намеки и от светских возможностей, которые «дружеская» связь между ними могла бы ему предоставить:

<...> Vous voulez rentrer, quitte à manquer de respect à Beethoven et à moi. ***Vous portez contre vous-même jugement et condamnation***, ajouta-t-il d'un air affectueux et triste, quand le moment fut venu que je m'en allasse. Vous m'excuserez de ne pas vous reconduire comme les bonnes façons m'obligeraient à le faire, me dit-il <...> [Proust, 1988. P. 544].

В данном случае барон де Шарлюс всячески, в том числе и с помощью юридической метафоры, убеждает Марселя, что он принял некое ошибочное решение, хотя юноша вообще не понимает, о каком суде и приговоре барон ведет речь. Прискорбная для барона «бесчувственность» Марселя сравнивается и с его безразличием к красоте искусства: он уходит, не желая даже дослушать прекрасную музыку Бетховена, доносящуюся из соседнего дома.

Code «кодекс, свод законов», jurisprudence «судебная практика»

Существительное *code* определяется в словаре “Petit Robert” как “recueil de lois” [NPR, 1994. P. 397], а *jurisprudence* в словаре Ж. Корню – как “ensemble des décisions de justice rendues pendant une certaine période” [Cornu, 2016. P. 591]. Данные существительные имеют также производные значения “ensemble de coutumes ou de règles qu’il est convenu de respecter dans une matière” и “usage établi, manière d’agir, de dire, de juger, de penser établie” соответственно [TLF]. Однако в приведенном ниже примере, на наш взгляд, сочетание данных существительных в рамках одного высказывания отсылает также и к правовой ситуации, когда необходимо квалифицировать юридический факт:

“Qu’est-ce que vous me dites là?” s’écria la duchesse en s’arrêtant une seconde dans sa marche vers la voiture et en levant ses yeux bleus et mélancoliques, mais pleins d’incertitude. ***Placée pour la première fois de sa vie entre deux devoirs aussi différents que monter dans sa voiture pour aller dîner en ville, et témoigner de la pitié à un homme qui va mourir, elle ne voyait rien dans le code des convenances qui lui indiquât la jurisprudence à suivre*** et, ne sachant auquel donner la préférence, elle crut devoir faire semblant de ne pas croire que la seconde alternative eût à se poser; de façon à obéir à la première qui demandait en ce moment moins d’efforts, et pensa que la meilleure manière de résoudre le conflit était de le nier. “Vous voulez plaisanter?” dit-elle à Swann [Proust, 1988. P. 576].

Рассматриваемый отрывок построен на антитезе между двумя обязанностями: ехать на светский ужин или остаться выразить сочувствие умирающему от тяжелой болезни другу. Ее колебания в определении большей важности двух данных светских обязанностей, на самом деле несопоставимых по значимости, сравнивается с замешательством судьи, который не может из-за пробела в праве понять, какое решение нужно вынести по этому конкретному делу. Романтический эпитет *bleus et mélancoliques*, используемый при описании глаз герцогини, вводит резкий контраст между ее красотой, нежностью и чувствительностью, с одной стороны, и жестокосердием, которое она проявляет, с другой. Сравнение этой бытовой ситуации с правовой (попытка быстро найти нужную «статью» в тексте светских законов для правильной квалификации случая) показывает, что герцогиня беспокоится лишь о своей светской репутации, а не о друге.

Заключение

Итак, можно выделить три основных аспекта функционирования юридической лексики в коммуникации в среде аристократов в романе М. Пруста.

I. Пруст на примере умело применяемых Германтами коммуникативных стратегий выявляет механизмы формирования манипулятивного дискурса. Их речевые манипуляции, подобно медийным манипуляциям, образно представлены автором со всех точек зрения – как стремление ловко повлиять на мнение собеседника, при этом последний обычно не понимает, что его предварительное восприятие уже заранее искусственно сформировали, благодаря использованию определенной лексики, в том числе и юридической, будто бы объективно представляющей некую ситуацию, за счет чего, например, собеседники герцогини разделяют ее взгляд, а читатели газеты соглашаются с автором статьи.

II. Этой же цели служит и обыгрывание на светских ужинах Германтов значений юридического термина с отсылкой к различным пикантным правовым ситуациям, ассоциативно связанным с плотскими отношениями. Образные параллели позволяют завуалированно и иронично обсуждать непристойные подробности и вводить какое-нибудь натуралистическое описание (ср. рассуждения об «опылении» орхидеи герцогиней Германтской). Благодаря им подобные темы не шокируют никого из гостей, поскольку герцогиня прибегает к остроумным каламбурам, использует отсылки к другим общекультурным ситуациям, что и позволяет сдвинуть акцент с пикантного содержания на форму его выражения, на утонченность ее речи.

III. Непонимание связи конкретных культурных правовых ситуаций с другими жизненными ситуациями служит определенным маркером для разделения Германтами собеседников на «своих» и «чужих». Так, Марсель не понимает завуалированных намеков барона де Шарлюса и старается вести себя в соответствии с «обычными» нормами светской вежливости. Он также верит в то, что маркиз де Норпуа искренне восхищался им у Германтов, хотя и знает, насколько его публичный образ «святого Людовика» не соответствует действительности. Поведение герцогини Германтской в обществе представлено как следование законам и судебной практике, и оказывается, что в соответствии с ними поездка на светский ужин становится важнее, чем поддержка умирающего друга.

Список литературы

- Бакаева Ж. Ю., Бибанина Е. М. Проблема культурно-коммуникативной системы отношений и связей информационного общества // Общество: философия, история, культура. 2017. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-kulturno-kommunikativnoy-sistemy-otnosheniy-i-svyazey-informatsionnogo-obschestva> (дата обращения: 25.01.2023).
- Безуглова О. А., Кузнецова А. А. Юридическая лексика на занятиях по английскому языку в языковом вузе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. Ч. 1. № 4. С. 177–179.
- Бурцева А. В., Калашникова О. В., Троцюк С. Н. Анализ десигната в практике судебной лингвистической экспертизы: к вопросу о построении методологии // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20. № 3. С. 75–89. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-3-75-89
- Глинская Н. П. Юридическая терминология в разных функциональных стилях английской речи: Дисс. ...канд. филол. наук. М., 2002. 210 с.
- Голев Н. Д. Юрислингвистика. Вводный очерк теории: Учебное пособие. Кемерово: Изд-во Кемеровского гос. ун-та, 2021. 214 с.
- Дьяков А. И., Шилиева О. А. Зачем российским юристам англицизмы // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 6 (108). URL: <https://research-journal.org/archive/6-108-2021-june/zachem-rossijskim-yuristam-anglicizmy> (дата обращения: 25.01.2023).

- Кэюнь Д.** Юридическая лексика в судебной речи // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. 2012. № 1–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-leksika-v-sudebnoy-rechi> (дата обращения: 25.01.2023).
- Малюкова Е. В.** Юридическая терминология в системоцентрическом и антропоцентрическом аспектах: Дисс. ...канд. филол. наук. Бийск, 2005. 177 с.
- Савина Е. С.** Взаимодействие специального и общелитературного значений французских юридических терминов и культурных концептов как средство авторской характеристики персонажей в романе М. Пруста «В поисках утраченного времени» («À la recherche du temps perdu») // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20. № 2. С. 140–152.
- Савина Е. С.** Стилистическое функционирование юридической лексики во втором томе романа М. Пруста «В поисках утраченного времени» // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17. № 2. С. 65–76. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-65-76
- Савина Е. С.** Юридическая лексика как средство выявления М. Прустом культурных кодов аристократии, буржуазии и народа // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19. № 3. С. 98–109. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-98-109
- Савина Е. С.** Юридические макроструктурные и микроструктурные фигуры как средство изображения буржуазного мира Франции // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18. № 4. С. 110–121. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-110-121
- Трыков В. П.** Марсель Пруст – журналист // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 5. URL: www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Trykov_Proust/ (дата обращения: 25.01.2023).
- Фефелов А. Ф.** Лексико-семантическое поле post-truth в пространстве от истины до правды // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21. № 1. С. 83–101. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-83-101
- Carter, W. C.** Marcel Proust A Life. Yale University Press, 2013, 946 p.
- Cornu, G.** Linguistique juridique. Paris, Montchrestien, 2005, 443 p.
- Colin,** 2016, 224 p.

Список источников и словарей

- Proust, M.** Le Côté de Guermantes. Paris, Gallimard, 1988, 765 p.
- Гак В. Г., Ганшина К. А.** Новый французско-русский словарь. М.: Русский язык, 2002. 1195 с.
- Мачковский Г. И.** Французско-русский юридический словарь. М.: Руссо, 2004. 437 с.
- Cornu, G.** Vocabulaire juridique. Paris, PUF, 2016, 1101 p.
- Le Nouveau Petit Robert.** Dictionnaire de la langue française. Paris, Dictionnaires Le Robert, 1994, 2467 p.
- TLF – Le Trésor de la langue française.** URL: <http://atilf.atilf.fr> (дата обращения: 25.01.2023).

References

- Bakaeva, Zh. Ju., Bibanina, E. M.** Problem of Cultural and Communicative System of Relations and Links within Information Society. *Society: Philosophy, History, Culture*, 2017, no. 10. (in Russ.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-kulturno-kommunikativnoy-sistemy-otnosheniy-i-svyazey-informatsionnogo-obschestva> (accessed 25.01.2023).

- Bezuglova, O. A., Kuznecova, A. A.** Legal Vocabulary at English Languages Seminars at Language Universities. *Philological Sciences. Questions of Theory and Method*, 2016, no. 4, part 1, pp. 177–179. (in Russ.)
- Burtseva, A. V., Kalashnikova, O. V., Trocuk, S. N.** Designatum Analysis in Forensic Linguistic Expertise: On the Question of Constructing a Methodology. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 3, pp. 75–89. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-3-75-89.
- Carter, W. C.** Marcel Proust A Life. Yale University Press, 2013, 946 p.
- Cornu, G.** Linguistique juridique. Paris, Montchrestien, 2005, 443 p.
- Djakov, A. I., Shiljaeva, O. A.** Why do Russian Lawyers Need Anglicisms. *International Scientific-Research Journal*, 2021, no. 6 (108). (in Russ.) URL: <https://research-journal.org/archive/6-108-2021-june/zachem-rossijskim-yuristam-anglicizmy> (accessed 25.01.2023).
- Fefelov, A. F.** Lexico-semantic field of POST-TRUTH through the Prism of it's Russian Correspondences *Istina and Pravda. Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, vol. 21, no. 1, pp. 83–101. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-83-101.
- Glinskaja, N. P.** Legal Terminology in Different Functional Styles of English Speech. Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2002, 210 p. (in Russ.)
- Golev, N. D.** Legal Linguistics. Introduction to Theory: Manual. Kemerovo, Kemerovo State University Publ., 2021, 214 p. (in Russ.)
- Kjejun, D.** Legal Vocabulary in Judicial Speech. *Scientific Notes of Crimea Federal University named after V. I. Vernadsky. Philological Sciences*, 2012, no. 1–2. (in Russ.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-leksika-v-sudebnoy-rechi> (accessed 25.01.2023).
- Maljukova, E. V.** Legal Vocabulary in System-centric and Anthropocentric Aspects. Cand. Philol. Sci. Diss. Biysk, 2005, 177 p. (in Russ.)
- Savina, E. S.** Interaction between Special and General Meaning of French Legal Terms and cultural concepts as a Means of Social Characterization in Marcel Proust's Novel "À la recherche du temps perdu". *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 2, pp. 140–152. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-140-152
- Savina, E. S.** Stylistic Functioning of Legal Vocabulary in the Second Volume of Marcel Proust's Novel "In Search of Lost Time". *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 2, pp. 65–76. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-65-76
- Savina, E. S.** Legal Vocabulary as Means of Revealing by Marcel Proust of the Cultural Codes of French Aristocracy, Bourgeoisie and Peasantry. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 3, pp. 98–109. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-98-109
- Savina, E. S.** Legal Macro- and Microstructural Devices as a Means of Representing French Bourgeoisie. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 4, pp. 110–121. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-110-121
- Trykov, V. P.** Marcel Proust as a Journalist. *Knowledge. Understanding. Skill*, 2008, no. 5. (in Russ.) URL: www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Trykov_Proust/ (accessed 25.01.2023).

List of Dictionaries and Sources

- Proust, M.** Le Côté de Guermantes. Paris, Gallimard, 1988, 765 p.
- Cornu, G.** Vocabulaire juridique. Paris, PUF, 2016, 1101 p.
- Gak, V. G., Ganshina, K. A.** New French-Russian Dictionary. Moscow, Russian Language Publ., 2002, 1195 p.
- Machkovsky, G. I.** French-Russian Legal Dictionary. Moscow, Russo Publ., 2004, 437 p.

Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire de la langue française. Paris, Dictionnaires Le Robert, 1994, 2467 p.
TLF – Le Trésor de la langue française. URL: <http://atilf.atilf.fr> (accessed 25.01.2023).

Информация об авторе

Савина Елена Сергеевна, кандидат филологических наук, PhD университета Париж-Сорбонна (Париж-4), доцент кафедры иностранных языков юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Information about the author

Elena S. Savina, Candidate of Sciences (Philology), PhD of Paris-Sorbonne (Paris-IV) University, Associate Professor, Foreign Languages Department, Law Faculty, Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russian Federation

*Статья поступила в редакцию 28.01.2023;
одобрена после рецензирования 25.08.2023; принята к публикации 28.08.2023
The article was submitted 28.01.2023; approved after reviewing 25.08.2023;
accepted for publication 28.08.2023*

Научная статья

УДК 81'33

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-4-115-130

Обработка русских идиом эритажными носителями русского языка и изучающими русский как иностранный

Екатерина Михайловна Гриднева¹, Нина Станиславовна Здорова^{1,2},
Анастасия Андреевна Иваненко^{1,3}, Мария Андреевна Грабовская^{1,4}

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия

²Институт языкознания Российской академии наук
Москва, Россия

¹egridneva@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3551-0791>

²nzdorova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2279-2905>

³nastyaiwanenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9925-0963>

⁴magrabovskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2585-1819>

Аннотация

Данное исследование посвящено изучению процесса обработки идиом нестандартными носителями русского языка (эритажные носители и студенты РКИ) в сравнении со стандартными (носители русского языка). Употребление идиом является характерной чертой речи носителей, которая отличает их от изучающих русский язык как иностранный. Стоит отметить, что экспериментальные исследования в отношении употребления идиом эритажными носителями русского языка ранее не проводились. Эритажные носители – это несбалансированные билингвы, которые усваивают русский язык в семьях естественным образом. Однако их уровень владения может быть сопоставим со студентами РКИ: язык эритажных носителей формируется в языковой среде, где доминирующим языком является английский (в рамках нашего исследования). Соответственно, русский язык является для них слабым. Чтобы сравнить обработку идиом у эритажных носителей со студентами РКИ, мы провели эксперимент по чтению с регулировкой скорости, учитывая уровень владения русским языком, а также социолингвистические особенности участников эксперимента. Идиомы в стимульном материале были разделены на три категории в зависимости от фактора межъязыкового влияния: имеющие полные английские эквиваленты, полужэквивалентные или не имеющие эквивалентов. Межъязыковое влияние – это ключевой параметр, который влияет на усвоение и обработку идиом в рамках нашего исследования. Наши результаты не показали существенной разницы в обработке идиом эритажными носителями и студентами РКИ. В то же время обработка идиом обеими группами нестандартных носителей существенно отличалась от контрольной группы (носители русского языка). Мы обнаружили, что все три группы участников по-разному обрабатывают полные эквиваленты и неэквивалентные идиомы. Помимо этого, эритажные носители и студенты РКИ демонстрируют разницу в обработке полных и полужэквивалентных идиом. Данные результаты можно проинтерпретировать, учитывая различные факторы: развитие определенных навыков у эритажных носителей (устная речь), сравнивая со студентами РКИ (чтение, письменная речь).

Ключевые слова

обработка идиом, эритажные носители, билингвизм, русский язык как иностранный, чтение с регулировкой скорости, межъязыковое влияние

Благодарность

Мы выражаем благодарность Нине Ладинской за помощь в подготовке эксперимента и сборе данных, Андрею Тициану за помощь в подготовке статистического анализа, а также Наталии Слюсарь за помощь в подготовке эксперимента.

© Гриднева Е. М., Здорова Н. С., Иваненко А. А., Грабовская М. А., 2023

Финансирование

Исследование осуществлено при поддержке ФГН, НИУ ВШЭ (Конкурс проектных групп студентов и аспирантов).

Для цитирования

Гриднева Е. М., Здорова Н. С., Иваненко А. А., Грабовская М. А. Обработка русских идиом эритажными носителями русского языка и изучающими русский как иностранный // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 4. С. 115–130. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-4-115-130

The processing of Russian Idioms in Heritage Russian Speakers and L2 Russian Learners

Ekaterina M. Gridneva¹, Nina S. Zdorova^{1,2},
Anastasiya A. Ivanenko^{1,3}, Maria A. Grabovskaya^{1,4}

¹HSE University, Moscow, Russian Federation

²Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

¹egridneva@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3551-0791>

²nzdorova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2279-2905>

³nastyaiwanencko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9925-0963>

⁴magrabovskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2585-1819>

Abstract

The use of idioms differentiates native speakers (NSs) from second language (L2) learners, whereas the use of idioms by heritage speakers (HSs) might resemble both groups at the same time. This study examines the processing of idioms in heritage Russian speakers (N = 16) and L2 Russian learners (N = 16), comparing them to Russian native speakers as a control group (N = 23). Heritage speakers acquire Russian similarly to the first language acquisition in their family. This enables them to have a more natural approach to language than L2 learners. However, heritage speakers are also similar to L2 learners since their Russian language competence is still not native-like due to insufficient language input. To test whether idiom processing in HSs resembles that of L2 learners or rather in NSs, we conducted a self-paced reading experiment. The idioms were divided into three categories based on the cross-language influence factor: having full English equivalents, semi-equivalents, or no-equivalents. Our findings show no significant difference in idiom processing in HSs and L2 learners, whereas their processing significantly differed from that by NSs of Russian. Also, we found different processing for full and semi-equivalent idioms (in the HS and L2 groups). Full and no-equivalent idioms were also processed differently in all the three groups.

Keywords

idiom processing, heritage speakers, bilinguals, second language learners, self-paced reading, cross-language overlap, cross-language influence

Acknowledgements

We would like to express our special thanks and gratitude to our colleague Nina Ladinskaya who contributed largely to the experiment design and data collection; our colleague Andrey Titsian who contributed greatly to the statistical analysis in this research; to Professor Natalia Sloussar from HSE University who assisted us in the experimental design. Also, we thank all the participants of the experiment who voluntarily invested their time in the research/project.

Funding

The research was supported by the HSE University student grant.

For citation

Gridneva E. M., Ivanenko A. A., Zdorova N. S., Grabovskaya M. A. The processing of Russian Idioms in Heritage Russian Speakers and L2 Russian Learners. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, vol. 21, no. 4, pp. 115–130. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-4-115-130

1. Introduction

Frequent use of idiomatic expressions in spontaneous speech is a characteristic feature of native speech. Native speakers (NSs) tend to use idioms without being aware of their figurative meaning. Cieślicka [2017] underlines that the pervasiveness of figurative language is best shown in the estimates concerning the number of figurative expressions that an average NS produces on a daily basis. This amount can be represented as approximately 4.7 million novels and 21.4 million frozen or conventional metaphors over a sixty-year lifespan [Pollio, Barlow, Fine, & Pollio, 1977]. Jackendoff [1997] noted that the number of fixed expressions in a native speaker's mental lexicon is nearly similar to that of single words. An idiom is generally understood as a collocation or phrase which meaning is not obvious from the meaning of individual words and which must be learnt as a whole unit [Hornby, 2005]; [Irujo, 1986; Abel, 2003]. The majority of studies define an idiom as a fixed multiword item whose figurative interpretation cannot be obtained from the compositional analysis of the individual words (e.g., [Chafe, 1970; Fraser, 1970; Katz, 1973; Makkai, 1972]). We use this definition in our study.

Idiom processing in Heritage speakers (HSs) is of special interest as this group is opposed and at the same time close to both NSs and L2 learners. According to Polinsky [2015. P. 3], HSs are “unbalanced bilinguals, sequential or simultaneous whose home language is much less present in their linguistic repertoire than the dominant language of their society”. In HSs' language development, there has always been a strong dominant language and a weak minority language, the level of which could range from fluent to barely speaking [Montrul & Polinsky, 2011; Polinsky & Kagan, 2007]. The majority of studies mainly investigated morphosyntactic features of heritage language, its differences from the “usual” language, and the process of its acquisition, whereas idiom processing in Russian HSs remains understudied. Considering their native-like Russian acquisition, their idiom processing might be strong and consolidated like in NSs, but due to the limited input of Russian they might rather be like L2 learners. At the same time, studies into collocations (and idioms are a certain type of them) outlined that HSs differ from monolinguals and L2 learners [Doğruöz & Backus, 2009; Rakhilina et al., 2016; Treffers-Daller et al., 2016]. Hence, we might also expect unique idiom processing in HSs not seen in NSs or L2 learners.

The present study investigates Russian idiom processing in HSs and L2 learners (with native speakers of Russian, aka NSs, as a control group) from the perspective of cross-language influence that was proven significant in L2's idioms processing [Yamashita & Jiang, 2010; Wolter & Gyllstad, 2011, 2013; Carrol et al., 2016]. Based on this factor, we divided Russian idioms into three groups: having full English equivalents (congruent), semi-equivalents (semi-congruent), or no-equivalents (incongruent). Our main aim is to find out to what extent HSs are closer either to NSs or L2s in their idiom processing, and how these results correlate with the cross-language influence, or cross-language overlap, in particular. We analyse whether Russian-English full equivalents, semi-equivalents, and no-equivalents are processed differently across the groups of HSs, L2 learners, and NSs based on a self-paced reading experiment with Russian sentences containing idioms.

The paper is structured as follows: in section 2 the literature overview and theoretical background of the study are provided. Section 3 describes the methodology of the study, including participants' profiles (demographic and socio-linguistic information), materials of the experiment, apparatus and procedure. Section 4, statistical analysis and its results are provided. Section 5 we discuss the results obtained in relation to previous studies and make general conclusions.

2. Literature Review and Theoretical Background

2.1. Heritage Russian speakers. Their language competence has been previously studied from different perspectives: describing specific grammatical features of heritage languages [Polinsky, 2008, 2011], outlining its acquisition [Montrul, 2010; Montrul et al., 2015], and the relationship between

heritage language and L2 [Montrul, 2010; Montrul et al., 2015]. In her works, Montrul [Montrul, 2010; Montrul et al., 2015] described the correspondences in the acquisition of heritage languages and second languages. The study by Rakhilina, Vyrenkova & Polinsky [2016] into the grammar of mistakes and the grammar of specific constructions has made a crucial impact in this area. According to [Rakhilina et al., 2016], HSs are more likely to follow general principles of compositionality in constructing innovative expressions compared with L2 learners.

2.2. Idiom processing in heritage Russian speakers. To the best of our knowledge, idiom processing in HSs has not yet been extensively studied. Kopotev et al. [2020] analysed the use of frequency-based collocations defined with a quote from [Evert, 2008] as “recurrent and predictable word combinations” [Kopotev et al., 2020. P. 2] such as *to apply for a [job/position]*. In contrast to idioms, frequency-based collocations “do not necessarily presuppose semantic non-compositionality” [Kopotev et al., 2020. P. 2]. Kopotev et al. [2020] used three corpora of narratives collected for other research projects from Russian HSs residing in different countries and speaking different dominant languages (Finnish-dominant, German-dominant and English-dominant). The analysis of heritage collocations (nonexistent in Russian) enabled the researchers to categorise them into three categories: *calques*, *amalgams* (“combinations of structures present in the heritage and the dominant language” [Kopotev et al., 2020. P. 17]), and *non-transfer collocations*. This evidence substantiates the idea of the strong L1 influence in collocation production in HSs, and might also predict a similar influence in idiom processing.

2.3. Preliminary study. A previous pilot study by Gridneva [2018] was conducted in Russian immigrant families living in the US, exploring the recognition and knowledge of Russian idioms in parents (first-generation immigrants or baseline speakers) and their children (Russian heritage children). Participants had to guess a Russian idiom by means of an explanation and with the help of a picture associated with this idiom. The results showed that the majority of parents knew and recognised all of the idioms, while their children did not know them at all. Importantly, even idiom naming in parents was drastically improved when pictures and explanations were used. This facilitating effect was also seen in Russian heritage children, although the majority of Russian heritage children did not know the idioms even with pictures and when having been given the answers. Importantly, when these results were compared to Russian native children of the same age (i.e. Russian HSs vs. Russian NSs), it turned out that Russian native children were significantly more accurate in idiom naming than their heritage peers. However, the parents of Russian heritage children were still better at idiom knowledge when compared to Russian native children. Consequently, we observed that age matters in idiom recognition when we compare parents of Russian HSs and Russian NSs. However, when we compare Russian heritage children and Russian native children, age does not play a significant role as Russian native children still recognise idioms better.

2.4. Idioms acquisition and processing in L1. There are noncompositional and compositional theories of idioms processing. The first one referred to direct look-up models [Glucksberg, 1993], idiom meanings are arbitrary and understood by retrieving the meaning of an idiomatic phrase as a whole, rather than by processing their component parts. The major noncompositional models include the Idiom List Hypothesis [Bobrow & Bell, 1973], the Lexical Representation Hypothesis [Swinney & Cutler, 1979], and the Direct Access Model [Gibbs, 1980, 2002]. Compositional models of idiom processing suggest that idiomatic meaning unfolds both from the literal analysis of idiom constituents and the specific figurative interpretation of these constituent word meanings within a given context. Major compositional theories of L1 idiom processing are the Idiom Decomposition Model [Gibbs & Nayak, 1989; Gibbs, Nayak, & Cuting, 1989], the Configuration Model [Cacciari & Tabossi, 1988; Cacciari & Glucksberg, 1991; Vespignani, Canal, Molinaro, Fonda, & Cacciari, 2010], and the Phrase-Induced Polysemy Model [Glucksberg, 1993, 2001]. The most recent approaches are the Hybrid Model [Caillies & Butcher, 2007; Cutting & Bock, 1997; Sprenger, Levelt, & Kempen, 2006] or Constraint-Based Model [Libben & Titone, 2008] which assume that idioms are non-compositional because they are highly automatised multi-word phrases whose meaning can be accessed

directly from the mental lexicon. At the same time, some idioms can be described as compositional because a literal analysis of their constituents allows inferring the original motivation from their figurative meaning.

2.5. L2 and the Parasitic Hypothesis. The Parasitic Hypothesis of vocabulary development [Hall, 2002] suggests that the “initial referent of a new L2 vocabulary item is a conceptual structure of the most closely corresponding L1 word” [Cieśllicka, 2017. P. 214]. As a consequence, a new L2 word does not constitute its own separate meaning but relies or parasites on the L1 concept. However, at a more advanced level, L2 meaning “can be accessed directly through active within-language connections that have been built between the idiom entry at the lexical level and its L2 conceptual representation at the conceptual level” [Cieśllicka, 2017. P. 215]. Matlock and Heredia [2002] suggested that at the beginner stage, learners translate the L2 idiom into their native language before they access its figurative meaning. Advanced learners directly retrieve the figurative meaning. Beck & Weber [2016] also found that L2 listeners with high levels of proficiency process idioms’ figurative meaning in a way that is not wholly distinctive from L1 listeners, that is, it is influenced by the same factors that L1 idiom processing is. The rates of reading time (RT) in their experiment showed that the translatability of idioms from listeners’ L1 to their L2 did not have a measurable impact on idiom processing, the main decisive factor was the level of L2 proficiency.

2.6. Idioms acquisition and processing in L2. The Idiom Diffusion Model of Second Languages in Liontas [2002] is based on the interaction of cross-language idiom similarity and context in L2 idiom comprehension. There are two stages of L2 idiom comprehension. First comes the prediction stage: the learner tries to predict the L2 idiom’s figurative interpretation where the predictions are based on the level of its transparency, semantic distance from the corresponding idiom in L1, and the presence of the supporting context. If the context is absent, the learner has to rely only on the literal analysis of the idiom components. The next model of L2 idiom processing is the Model of Dual Idiom Representation [Abel, 2003], which refers to the level of idiom decomposability and familiarity. Basically, a representation of idioms in the lexicon depends on its decomposability. Non-decomposable idioms do have their separate lexical entries (idiom entries), while decomposable idioms can be accessed through their constituents (constituent entries). Plus, idiom familiarity matters: the more frequently a learner comes across it, the more likely this idiom has its own idiom entry. Cieśllicka’s Literal Salience Model [2006] is strongly based on a literal analysis by L2 learners who acquire their L2 mainly in a classroom environment. The main idea is that the literal meaning of idiom components is more salient than the whole figurative meaning of this idiom. As L2 language is learned in a formal setting, speakers acquire the literal meaning before the figurative one, which means that the literal part is strongly encoded in their lexicon and is more salient.

2.7. Factors affecting L2 idiom processing. Literal plausibility (i.e., the extent to which the idiom can be explained in a direct interpretation), also called literality, or literalness [Cronk & Schweigert, 1992], mentioned in a number of L1 idiom-processing studies (e.g., [Cronk, Lima, & Schweigert, 1993; Forrester, 1995; Mueller & Gibbs, 1987; Titone & Connine, 1994]). Idiom semantic decomposability, or the “degree to which idiom meaning is decomposable, may be particularly relevant for non-native language users, given their tendency to analyse fixed phrases into constituent parts” (e.g., [Abel, 2003]).

2.8. Cross-language similarity or Cross-language influence factor. This factor [Cieśllicka, 2015; Du et al., 2021] plays an important role in idiom processing. Its consequence – cross-language overlap was shown to be sufficient in the L2’ processing of multiword expressions (MWEs, they also include idioms); L2 speakers can process congruent MWEs more rapidly than incongruent L2-only MWEs [Yamashita & Jiang, 2010; Wolter & Gyllstad, 2011, 2013; Carrol et al., 2016]. This factor is a defining one for the purpose of our study as we classify our idioms into three groups: having full English equivalents (congruent), semi-equivalents (semi-congruent) or no-equivalents (Russian-only).

2.9. A self-paced reading test. As a means of examining idioms' processing, was also used in the Beck & Weber [2020] study where they considered how effects of biasing contexts in idiom processing interact with effects of idiom literality.

3. Material and Method

3.1. Participants. We conducted a self-paced reading experiment with three groups of participants. All participants gave informed consent before the study, and their participation was voluntary.

In the group of Russian Heritage speakers (HSs), participants were 16 adult speakers of Russian as their heritage language (10 females; $M_{age} = 27.9$ years; $SD = 6.5$; range 19–40; mean years of education = 17.6, range 12–22; 3 left-handed, 1 ambidextrous). Mean Russian test score was 33 (out of 36), $SD = 3.2$, median = 34, range 26–36. Almost half of the group ($N=7$) were born in Russia (or the USSR), and came to the United States at the mean age of 7.1 ($SD = 6.7$; range 6 months – 20 y.o.). All participants reported that both of their parents speak Russian, and 10 participants also indicated that their parents speak English. 93 % (i.e. 15 participants) started acquiring Russian from their birth. According to their self-assessment, their mean rate of reading ability in Russian (on the scale from 1 to 5 with 1 as very poor and 5 as excellent) was 3.3 with $SD = 1.1$.

The group of adult learners of Russian as a second language (L2 learners) included 16 participants whose L1 was English (5 females; $M_{age} = 24.1$ years; $SD = 3.0$; range 18–29; mean years of education = 17.1, range 12–20; 3 left-handed). Mean Russian test score was 28.4 (out of 36 points maximum), $SD = 6.9$, median = 29, range 16–36. According to their self-assessment, their mean rate of reading ability in Russian (on the scale from 1 to 5 with 1 as very poor and 5 as excellent) was 3.1 with $SD = 1.05$.

The control group included 23 adult NSs of Russian (12 females; $M_{age} = 30.4$ years; $SD = 8.9$; range 22 – 50; mean number of years of education = 17.9, $SD = 2.1$, range 15–22; all right-handed). All NSs were also English L2 speakers. The distribution of English levels among participants according to the Common European Framework of Reference (CEFR) scale (based on the reported self-assessment) was as follows: A1 (3), A2 (4), B1 (4), B2 (7), C1 (4), C2 (1).

3.2. Materials. Experimental stimuli were 45 Russian sentences from 6 to 9 content words in length, containing an idiom in the middle of the sentence, i.e. the idiom took word positions from 4 to 6. There were three experimental conditions based on the cross-language overlap in idioms between English and Russian. The first condition included Russian idioms that have a full equivalent in English, which implies both a similar structure, lexical components, and same meaning, e.g. *volej-nevolej/willy-nilly*. The second condition was presented with Russian idioms that have a semi-equivalent in English. They had similar meaning, but not necessarily the same structure or same lexical components, like *knut i prjanik/carrot-and-stick*. The third condition included Russian idioms that do not have an equivalent or semi-equivalent in English, e.g. *bud' drugom/please, be so kind and do a favour*; *čestnoe slovo/promise to do smth*, *dlja otvoda glaz/to divert attention*. An example of experimental conditions is provided in Table 1 below.

The idioms for the stimuli were selected from the Dictionary of Russian idioms [Baranov & Dobrovolsky, 2007], and were controlled for frequency in the Russian National Corpus [Lyashevskaya & Sharoff, 2009] and for their morpho-syntactic structure. All idioms had a frequency higher than 500 entries (i.e. were highly frequent) and were distributed morphologically as follows: 13 noun phrases, 13 verb phrases, and 19 adverbial idioms.

Filler sentences ($N = 25$) imitated the experimental ones, and had eight content words in length. They were unambiguous simple Russian sentences with the vocabulary of basic Russian level and without any idiomatic expressions. Each filler was followed by a comprehension question with two alternatives. For instance, a filler sentence *Vchera mama kupila tjoplyje perchatki v bol'shom novom magazine/Yesterday mom bought warm gloves in a big new store* was followed with a comprehension

Table 1

Example of an experimental item

Таблица 1

Пример экспериментального материала

Condition	English equivalence	
(1)	full	<i>Aniny deti xoteli ljuboj cenoj naučit'sja varit' sup.</i> Anna's children wanted at any price to learn how to cook soup.
(2)	semi	<i>Sergeia uvolili s raboty s eë podači, teper' ona dovol'na.</i> Sergey was fired from his job at her behest , now she is happy.
(3)	no	<i>Smelyx mal'čikov bylo xot' otbavliai v našem bol'som klasse.</i> There were plenty of brave boys in our big class.

sion question *Kakije perchatki kupila mama? / What gloves did mom buy?* The two alternatives were *tjeplyje / warm and kholodnyje / cold*. The full set of idioms and their classification, experimental sentences, filler sentences with comprehension questions, data, and analysis code are available online at the OSF project page <https://osf.io/k6q3g/>.

A considerable part of materials in the groups of HSs and L2 learners was a questionnaire of language experience and a Russian test. The former was LEAP-Q [Marian, Blumenfeld, & Kaushanskaya, 2007] in a shortened form. The latter was compiled by experts in Russian as Foreign language. It was a multiple-choice grammar test with 30 questions in total and 36 maximum points. The test covered language levels A1, A2, B1 on the CEFR scale, with 10 questions of each. Vocabulary in the questions was selected according to the official Lexical minimum in Russian as a foreign language for each level [Andryushina et al., 2019].

3.3. Procedure. The experiment was conducted by means of two platforms representing two steps of the experiment. First, participants filled in a sociodemographic questionnaire, language-experience questionnaire, a Russian placement test (for HSs and L2 learners only), and gave informed consent in Google Forms. Second, participants completed a self-paced reading task on the Ibex Farm platform (developed by Alex Drummond); that was later followed with a test on the knowledge of the Russian idioms used in the experiment (for HSs and L2 learners only). The whole experiment procedure lasted for approximately 20 minutes for Russian NSs, and about 40 minutes for HSs and L2 learners.

The self-paced reading task started with an instruction in both Russian and English, and continued with three practice sentences with a comprehension question after each. Sentences were presented word by word. Words were centered on the screen and appeared with a spacebar press. Comprehension questions appeared after filler sentences only. Their appearance could not have been predicted by participants. A question had two alternatives marked with letters F and J, and participants answered by pressing a corresponding keyboard letter. Both sentences and comprehension questions were presented in 20 pt black Verdana font.

HSs and L2 participants were also asked to complete a short multiple-choice test checking Russian idioms familiarity. The four alternatives (translated into English) included the real idiomatic meaning, the literal meaning, an irrelevant meaning, and the option *I haven't known it before*.

3.4. Data analysis. Data analysis was performed in R [R Core Team, 2016]. The preliminary analysis included the correlation between mean reading time for each participant (in HSs and L2 learners) and their Russian test scores. Further, we looked at the absolute reading time (RT) rates of the critical region (idiom) that was from 2 to 3 words in length. Then, comprehension accuracy in filler

sentences, and idiom familiarity test results (in HSs and L2 learners) were calculated. No participants were excluded based on the comprehension accuracy of fillers with the critical accuracy of 70 %, which indicated their high engagement and attention throughout the experiment. Importantly, we did not use the idiom familiarity test as a cut-off factor as (not) knowing the precise idiomatic meaning should not undermine idiom processing in a context, reliance on language intuition and the understanding of literal but not idiomatic meaning of an idiom. For this reason, we instead treated the idiom familiarity test as an additional tool to describe our participants' language profile.

Afterwards, to examine the impact of the Cross-Language influence factor on idiom's comprehension, which was the main aim of the current study, the main statistical analysis included three one-way ANOVA tests (aka Kruskal–Wallis test) with RT of idioms as a dependent variable (log transformed). The experiment included three experimental conditions depending on the lack or presence of English equivalent idioms with a full-equivalent, semi-equivalent and no-equivalent conditions. Therefore, one ANOVA test compared RT at the critical region between groups (with conditions being merged). The second test compared RT of the critical region between conditions in a merged group of HSs and L2. Finally, the third test compared RT of the critical region between conditions in a group of NSs. The results are reported further in the same sequence.

3.5. Results. The correlation between mean reading time for each participant (in HSs and L2 learners) and their Russian test scores was negative, meaning that participants with a more advanced Russian level read overall faster than the ones with a less advanced Russian level (see Figure 1).

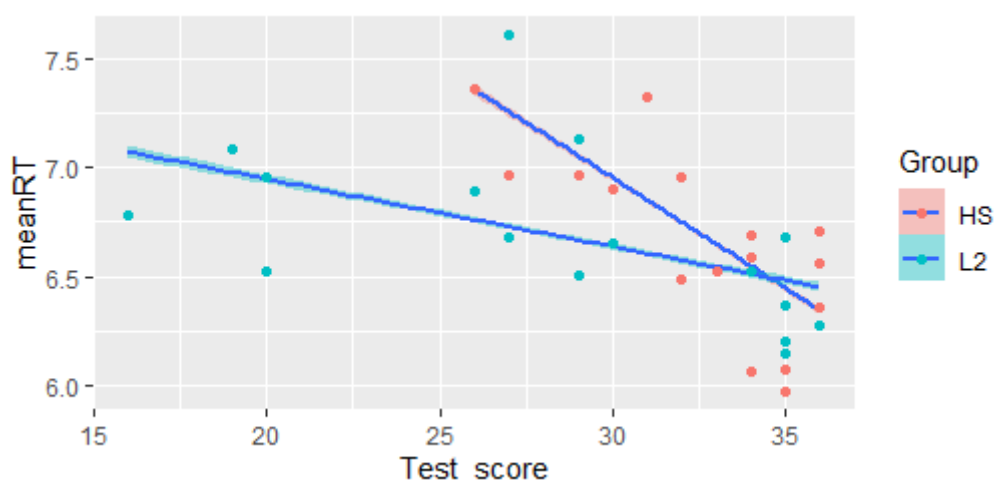

Fig. 1. Correlation between mean RT and Russian test score in HS and L2 learners

Рис. 1. Корреляция между средней скоростью чтения и результатом тестирования на знание русского языка у эритажных носителей русского языка и изучающих русский как иностранный

Crucially, the percentage of answers with completely irrelevant meaning was low in both groups (2.8 % in HSs and 2.1 % in L2 learners). HSs were quite familiar with the idioms used (63.5 % of answers were with correct idiomatic meaning and 25.6 % were “I haven’t known it before”), while L2 learners demonstrated the opposite with 60 % “I haven’t known it before” and 33.3 % of idiomatic answers. The more detailed descriptive statistics is summarised in Table 2.

The distribution of absolute reading time (RT) of the critical region (idiom) across groups and conditions is plotted in Figure 2 below.

Figure 2 shows that HSs and L2 learners tend to read idioms similarly, whereas they both differ from NSs. Full-equivalent idioms (condition a) are obviously read similarly in HS and L2 groups as

Table 2

Means and standard deviations (in parenthesis) RT at the critical region in msec, Russian test score (for HSs and L2 learners only), and idiom familiarity test results (for HSs and L2 learners only) in percentages

Таблица 2

Средние и стандартные отклонения (в скобках) скорости чтения в критической области в мс, результат тестирования на знание русского языка и результат теста на знание идиом в процентах (только у эритажных носителей русского языка и изучающих русский как иностранный)

Group	Idiom RT (msec)	Russian test score (max = 36)	Idiom familiarity test results (%)			
			distractor	idiomatic	literal	NA
HS	1064 (841)	32.1 (3.35)	2.8	63.5	8.1	25.6
L2	1017 (946)	28.3 (6.63)	2.1	33.3	4.6	60
NS	492 (238)	—	—	—	—	—

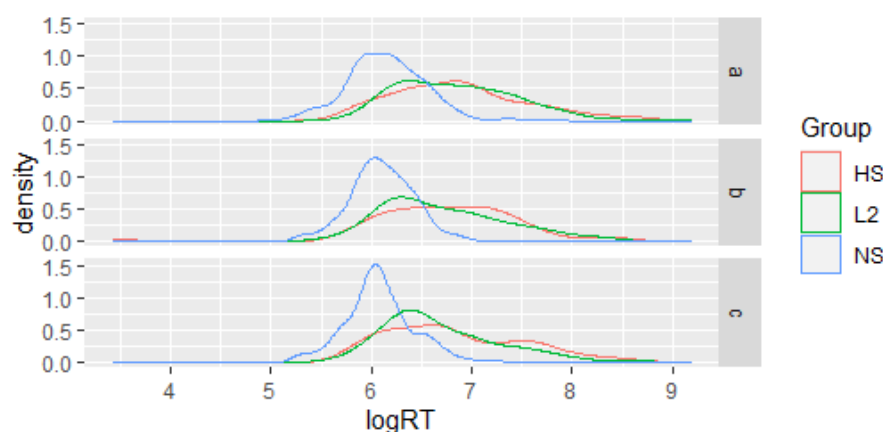

Fig. 2. Group difference in RT (log transformed) at the critical region across conditions Experimental conditions: (a) full-equivalent, (b) semi-equivalent, and (c) no-equivalent idioms consequently

Рис. 2. Разница в скорости чтения (log) в критической области в мс с учетом условий эксперимента: а) полные эквиваленты; б) полуквиваленты; в) идиомы без эквивалента

expected, whereas semi-equivalent (condition b) and no-equivalent (condition c) idioms' reading time might have some between-group statistical difference, which is reported below.

A one-way ANOVA test comparing RT between groups showed no difference between HS and L2 groups, whereas it showed significant differences between HSs and NSs, and between L2 and NS with p-values = 0.05. For more detail see Table 3.

ANOVA test comparing RT between conditions demonstrated an overall significant difference between full-equivalent and semi-equivalent conditions, as well as between full-equivalent and no-equivalent conditions (p-value = 0.05) in the groups HS and L2 merged together. A difference between semi-equivalent and no-equivalent conditions was not found. More detail is provided in Table 4.

Interestingly, the same analysis showed a significant difference between full- and no-equivalent conditions for the NS group with p-value = 0.05 (see Table 5).

Table 3

Multiple comparison test after one-way ANOVA output
with between-group difference

Таблица 3

Сравнение результатов всех участников эксперимента
после одностороннего дисперсионного анализа

Comparisons	Observed difference	Critical difference	Difference
HS-L2	46.67	91.25	FALSE
HS-NS	869.21	83.37	TRUE
L2-NS	822.54	87.55	TRUE

Table 4

Multiple comparison test after one-way ANOVA output with between-condition difference
for groups HS and L2 together

Таблица 4

Сравнение результатов после одностороннего дисперсионного анализа
(эригажные носители русского языка и изучающие русский как иностранный)

Comparisons	Observed difference	Critical difference	Difference
full-semi equivalent	77.83	67.20	TRUE
full-no equivalent	76.60	67.20	TRUE
semi-no equivalent	1.22	67.20	FALSE

Table 5

Multiple comparison test after one-way ANOVA output with between-condition
difference for NS

Таблица 5

Сравнение результатов после одностороннего дисперсионного анализа
(носители русского языка)

Comparisons	Observed difference	Critical difference	Difference
full-semi equivalent	23.83478	54.48605	FALSE
full-no equivalent	54.90870	54.48605	TRUE
semi-no equivalent	31.07391	54.48605	FALSE

To sum up, there were significant differences in idiom reading time between HSs and L2 learners versus NSs (2 distinct groups). This means that HSs tend to process idioms like L2 learners rather than like NSs. The type of idiom (not) having an English full or semi equivalent matters for HSs and L2 learners. Specifically, for both groups (HS and L2) significant differences were found between the full and semi equivalent conditions and between the full and no equivalent conditions. Moreover, a significant difference in idiom reading time was found between full and no equivalent conditions in the NS group, which was quite unexpected. The differences in idiom reading time between conditions are summarised within each group in Figure 3.

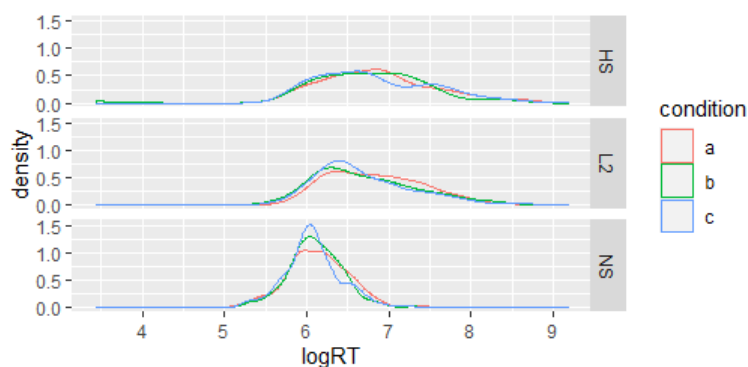

Fig. 3. Condition difference in RT (log transformed) at the critical region across groups
 Experimental conditions: (a) full-equivalent, (b) semi-equivalent, and (c) no-equivalent idioms consequently
 Рис. 3. Разница в скорости чтения (log) в критической области с учетом условий эксперимента:
 а) полные эквиваленты; б) полуквиваленты; в) идиомы без эквивалента

4. Discussion

In this research, we studied how HSs and L2 learners processed Russian idioms. The cross-language similarity factor (as a factor that can influence L2 learners' idiom processing) served as the basis of this study, i.e. we tested whether the processing of Russian-English full equivalent, semi-equivalent and no-equivalent idioms is different across the groups. In order to study the impact of this factor, a self-paced reading experiment was conducted. The experiment included Russian sentences with idioms in the middle of the sentence.

The experiment involved three groups of participants: HSs, L2 learners and NSs. The data from non-standard participants (HSs and L2 learners) were considered as comparable with the control group data (NSs) in accordance with their Russian language level with the following scores on the Russian placement test: HSs = 32.1; L2 = 28.3; max = 36. Evidence of L2 idioms processing theories show that high proficiency L2 learners process idiom's figurative meaning in a mode that is not unlike native speaker's strategy [Matlock & Heredia, 2002; Beck & Weber, 2016; Cieřlicka, 2017]. Thus, the scores on the Russian placement test illustrate that the level of Russian proficiency among non-standard speakers is commensurate and this allows us to assess the impact of the nature of bilingualism on the idiom processing.

An interesting finding is that L2 learners who scored less in the Russian placement test read sentences almost with the same reading speed as HSs with a higher Russian test score (Figure 1). This difference can be accounted for by the features of language acquisition in both groups. HSs typically acquire language in a natural setting, drawing on oral input and less written input, while L2 learners in a classroom environment learn language not only from oral input but also from written input. L2 participants reveal a moderate advantage in Idiom RT over HSs (Table 2), but both of these groups of non-standard Russian speakers significantly differ from NSs, whose Idioms RT is 2 times less. In this paper, we set ourselves the task of studying how the processing of idioms by HSs is more consistent to NSs or to L2 learners, and the data (Table 2) shows that it is more aligned with L2 processing.

The results of the idiom familiarity test (Table 2) showed that L2 learners correctly chose the meaning of the stimuli idioms only in 33.3 % of cases. This can be attributed not only to their high uncertainty about idioms, but also to their "safe" strategy of dealing with the test. They chose the option "I do not know" most of the time (over 60 %), to be on the safe side, when they were not completely sure about the idiom's figurative meaning, as incorrect answers with a literal or irrelevant meaning of an idiom were rarely chosen (4.6 % and 2.1 % correspondingly). As mentioned, the idiom familiarity test was not used as a cut-off factor.

Hereinafter are cross-language similarity factor's effects on idiom comprehension in our data. Crucially, we discovered a significant difference between the full-equivalent and semi-equivalent conditions, as well as between the full-equivalent and no-equivalent conditions in the groups of HSs and L2 learners. This can be explained by the parasitic mechanism of L2 idiom acquisition [Hall, 2002; Cieřlicka, 2017]. These models could also be applied for HSs, as they behave and acquire idioms as L2 learners. They rely on their strong language (English), so the difference between acquiring full-equivalent and semi-equivalent idioms is crucial as is between full-equivalent and no-equivalent. HSs may use parasitic mechanisms of acquiring idioms as L2 learners do. This is consistent with results of Kopotev and co-authors project [Kopotev et al., 2020], which showed the strong L1 influence in collocation production in HSs speaking different dominant languages.

Our analysis showed the difference between the reading time of full equivalents and no equivalents in NSs. We have three possible explanations for these results. First, a significant difference between them in the statistical analysis was based on a quite small difference between observed value (54.5) and the critical one (54.9). Second, all participants from NSs indicated that they know English as L2 to some extent. The presence of English as L2 even at a low or moderate level could have contributed to the idiom processing with L2 influence [Weinreich, 1953. P. 1; Cook, 2003]. Third, there is the possibility of universal ways of metaphorization, with the help of which new idioms (the idioms that are full equivalents in different languages), with the same mechanism of meaning transfer, may appear.

5. Conclusion

Our study highlights the fact that further investigation of cross-language influence factors for experiments in idiom processing are essential. Participants from 3 groups process full Russian - English equivalents and no English equivalents noticeably differently. While bilingual groups of participants (HSs and L2 learners) are also more susceptible to semi Russian - English equivalents. The obtained findings are in line with previous studies outlining the role of congruency in L2 idiom processing [Yamashita & Jiang, 2010; Wolter & Gyllstad, 2011, 2013; Carrol et al. 2016]. NSs in our control group use English less frequently in everyday communication than HSs and L2 learners, so they seem to "unite" three types of idioms into two groups. In contrast, HSs and L2 learners are more sensitive to lexical variations of idioms that express a similar idea in Russian and English (semi-equivalent idioms).

In the current work we divided idioms mainly according to their cross-linguistic similarity. However, there are other approaches to idiom classification. For example, Beck and Weber [2016, 2020] compared idioms with a high potential for literal interpretation, such as *break the ice*, and the ones with a low potential like *lose one's cool*. Beck and Weber tested whether these two types of idioms were processed differently in figuratively and literally biasing contexts. For Russian idioms, there is no similar research that studies idioms from the same perspective as there is still no idiom database for these purposes. Consequently, our future research will be devoted to the creation of a database of Russian idiom indexes for literality and familiarity.

References

- Abel, Beate.** English idioms in the first language and second language lexicon: A dual representation approach. *Second language research*, 2003, 19 (4), p. 329–358.
- Alexander, Richard J.** Problems in understanding and teaching idiomaticity in English. *Anglistik und Englischunterricht*, 1987, 32 (2), p. 105–122.
- Andryushina, N. P. et al.** *Lexical minimum in Russian as a foreign language*. Saint Petersburg: Zlatoust, 2019.

- Araneum Russicum III Maximum.** URL: http://ucts.uniba.sk/aranea_about/_russicum.html (accessed 14 December 2020)
- Baranov, Anatolii N. & Dmitrii O. Dobrovol'skij.** Phraseological explanatory dictionary of the Russian language. Moscow, Eksmo, 2009. (In Russ.)
- Beck, Sara D. & Andrea Weber.** Bilingual and monolingual idiom processing is cut from the same cloth: The role of the L1 in literal and figurative meaning activation. *Frontiers in psychology*, 2016, 7, p. 1350.
- Beck, Sara D. & Andrea Weber.** Context and Literality in Idiom Processing: Evidence from Self-Paced Reading. *Journal of Psycholinguistic Research*, 2020, 49 (5), p. 837–863.
- Boatner, Maxine Tull & John Edward Gates.** *A dictionary of American idioms*. Barron's Educational Series, 1975.
- Bobrow, Samuel A. & Susan M. Bell.** On catching on to idiomatic expressions. *Memory & cognition*, 1973, 1 (3), p. 343–346.
- Bortfeld, Heather.** Comprehending idioms cross-linguistically. *Experimental psychology*, 2003, 50 (3), p. 217.
- Cacciari, Cristina & Patrizia Tabossi.** The comprehension of idioms. *Journal of memory and language*, 1988, 27 (6), p. 668–683.
- Cacciari, Cristina & Sam Glucksberg.** Understanding idiomatic expressions: The contribution of word meanings. *Advances in psychology*, 1991, vol. 77, p. 217–240.
- Caillies, Stéphanie & Kirsten Butcher.** Processing of idiomatic expressions: Evidence for a new hybrid view. *Metaphor and Symbol*, 2007, 22 (1), p. 79–108.
- Carrol, Gareth, Kathy Conklin & Henrik Gyllstad.** Found in translation: The influence of the L1 on the reading of idioms in a L2. *Studies in Second Language Acquisition*, 2016, 38 (3), p. 403–443.
- Common European Framework of Reference, CEFR description.** URL: <https://www.coe.int/en/web/common-european-framework-reference-languages/the-cefr-descriptors> (accessed 27 May 2023)
- Chafe, Wallace L.** *Meaning and the Structure of Language*, 1970.
- Charteris-Black, Jonathan.** Second language figurative proficiency: A comparative study of Malay and English. *Applied linguistics*, 2002, 23 (1), p. 104–133.
- Cieśllicka, Anna B.** Literal salience in on-line processing of idiomatic expressions by second language learners. *Second Language Research*, 2006, 22 (2), p. 115–144.
- Cieśllicka, Anna B.** *Idiom acquisition and processing by second / foreign language learners*. 2015.
- Cieśllicka, Anna B.** Bilingual figurative language processing. *Psychology of Bilingualism*, 2017, Springer, Cham, p. 75–118.
- Cook, Vivian.** Changing the first language in the L2 user's mind. *Effects of the Second Language on the First*, 2003, p. 1–18.
- Cronk, Brian C. & Wendy A. Schweigert.** The comprehension of idioms: The effects of familiarity, literalness, and usage. *Applied Psycholinguistics*, 1992, 13 (2), p. 131–146.
- Cronk, Brian C., Susan D. Lima & Wendy A. Schweigert.** Idioms in sentences: Effects of frequency, literalness, and familiarity. *Journal of psycholinguistic research*, 1993, 22, p. 59–82.
- Cutting, J. Cooper & Kathryn Bock.** That's the way the cookie bounces: Syntactic and semantic components of experimentally elicited idiom blends. *Memory & cognition*, 1997, 25 (1), p. 57–71.
- Danesi, Marcel.** Metaphorical competence in second language acquisition and second language teaching: The neglected dimension. *Georgetown University round table on language and linguistics*, 1992, 7, p. 489–500.
- Doğruöz, A. Seza & Ad Backus.** Innovative constructions in Dutch Turkish: An assessment of ongoing contact-induced change. *Bilingualism: language and cognition*, 2009, 12 (1), p. 41–63.

- Du, Lingli, Irina Elgort & Anna Siyanova-Chanturia.** Cross-language influences in the processing of multiword expressions: From a first language to second and back. *Frontiers in psychology*, 2021, 12.
- Evert, S.** Corpora and collocations. In A. Lüdeling & M. Kytö (Eds.). *Corpus Linguistics: An International Handbook*, 2008, p. 1212–1248.
- Fraser, Bruce.** Idioms within a transformational grammar. *Foundations of language*, 1970, 22–42.
- Gibbs Jr, Raymond W., Nandini P. Nayak & Cooper Cutting.** How to kick the bucket and not decompose: Analyzability and idiom processing. *Journal of memory and language*, 1989, 28 (5), p. 576–593.
- Gibbs, Raymond W.** Spilling the beans on understanding and memory for idioms in conversation. *Memory & cognition*, 1980, 8 (2), p. 149–156.
- Gibbs, Raymond W. & Nandini P. Nayak.** Psycholinguistic studies on the syntactic behavior of idioms. *Cognitive psychology*, 1989, 21 (1), p. 100–138.
- Gibbs Raymond W.** A new look at literal meaning in understanding what is said and implicated. *Journal of pragmatics*, 2002, 34 (4), p. 457–486.
- Giora, Rachel.** *Understanding figurative and literal language: The graded salience hypothesis*, 1997, p. 183–206.
- Glucksberg, Sam.** Idiom meanings and allusional content. *Idioms: Processing, structure, and interpretation*, 1993, p. 3–26.
- Glucksberg, Sam & Matthew S. McGlone.** *Understanding figurative language: From metaphor to idioms*. Oxford University Press on Demand, 2001, no. 36.
- Gridneva, Ekaterina.** Lexical knowledge in Heritage Russian: Linguistic and Cultural aspects. *Proceedings of the International Conference on Russian Studies at the University of Barcelona, MKR-Barcelona 2018*, 2018, p. 571–579.
- Hall, Christopher J.** *The automatic cognate form assumption: Evidence for the parasitic model of vocabulary development*, 2002, p. 69–87.
- Holsinger, Edward & Elsi Kaiser.** Processing (non) compositional expressions: Mistakes and recovery. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 2013, 39 (3), p. 866.
- Hornby, Albert Sydney.** *Oxford advanced learner's dictionary of current English*. Sally Wehmeier (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2005, vol. 7.
- Irujo, Suzanne.** Don't put your leg in your mouth: Transfer in the acquisition of idioms in a second language. *Tesol Quarterly*, 1986, 20 (2), p. 287–304.
- Jackendoff, Ray.** *The architecture of the language faculty*. MIT Press, 1997, no. 28.
- Jakubíček, Miloš, Adam Kilgarriř, Vojtěch Kovář, Pavel Rychlý & Vít Suchomel.** The TenTen corpus family. *7th International Corpus Linguistics Conference CL*, 2013.
- Katz, Jerrold J.** Compositionality, idiomaticity, and lexical substitution. A Fest-schrift for Morris Halle", Stephen R. Anderson & Paul Kiparsky (eds.), 1973, p. 357–376.
- Kopotев, Mikhail, Olesya Kisselev & Maria Polinsky.** Collocations and near-native competence: Lexical strategies of heritage speakers of Russian. *International Journal of Bilingualism*, 2020.
- Libben, Maya R. & Debra A. Titone.** The multidetermined nature of idiom processing. *Memory & cognition*, 2008, 36, p. 1103–1121.
- Liontas, John.** Context and idiom understanding in second languages. *EUROSLA yearbook* 2002, 2 (1), p. 155–185.
- Lyashevskaya, Ol'ga N. & Sergei A. Sharov.** *Frequency Dictionary of the Modern Russian Language: Based on the Materials of the Russian National Corpus*. Moscow: Azbukovnik, 2009. (In Russ.)
- Makkai, Adam.** *Idiom structure in English*. The Hague, 1972.
- Marian, Viorica, Henrike K. Blumenfeld & Margarita Kaushanskaya.** The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): Assessing language profiles in bilinguals and multilinguals, 2007.

- Matlock, Teenie & Roberto R. Heredia.** 11 Understanding phrasal verbs in monolinguals and bilinguals. *Advances in psychology*. North-Holland, 2002, vol. 134. p. 251–274.
- Montrul, Silvina & Maria Polinsky.** Why not heritage speakers? *Linguistic Approaches to Bilingualism*, 2011.
- Montrul, Silvina, Rakesh Bhatt & Roxana Girju.** Differential object marking in Spanish, Hindi, and Romanian as heritage languages. *Language*, 2015, p. 564–610.
- Montrul, Silvina.** Current issues in heritage language acquisition. *Annual Review of Applied Linguistics*, 2010, 3, p. 3–23.
- Mueller, Rachel A.G. & Raymond W. Gibbs.** Processing idioms with multiple meanings. *Journal of psycholinguistic research*, 1987, 16, p. 63–81.
- Nesselhauf, Nadja.** *Collocations in a learner corpus*. John Benjamins Publishing, 2005, vol. 14.
- Nunberg, Geoffrey, Ivan A. Sag & Thomas Wasow.** Idioms, *Language*, 1994, 70 (3), p. 491–538.
- Polinsky, Maria.** Gender under incomplete acquisition: Heritage speakers' knowledge of noun categorization. *Heritage language journal*, 2008.
- Polinsky, Maria.** Reanalysis in adult heritage language: New evidence in support of attrition. *Studies in second language acquisition*, 2011, 33 (2), p. 305–328.
- Polinsky, Maria & Olga Kagan.** Heritage languages: In the 'wild' and in the classroom. *Language and linguistics compass*, 2007, 1 (5), p. 368–395.
- Pollio, Howard R., Jack M. Barlow, Harold J. Fine & Marilyn R. Pollio.** *Psychology and the poetics of growth: Figurative language in psychology, psychotherapy, and education*. Lawrence Erlbaum Associates, 1997.
- R Core Team.** *R: A Language and Environment for Statistical Computing*. R Foundation for Statistical Computing. Vienna, Austria, 2016.
- Rakhilina, Ekaterina, Anastasia Vyrenkova & Maria Polinsky.** Linguistic creativity in heritage speakers. *Glossa*, 2016, 1 (1), p. 1.
- Russian National Corpus.** URL: www.ruscorpora.ru (accessed 9 December 2020)
- ruTenTen.** URL: <https://www.sketchengine.eu/rutenten-russian-corpus/> (accessed 14 December 2020)
- Scontras, Gregory, Zuzanna Fuchs & Maria Polinsky.** Heritage language and linguistic theory. *Frontiers in psychology*, 2015, 6, p. 1545.
- Sojka, Petr, Aleš Horák, Ivan Kopeček & Karel Pala.** (ed.). *Text, Speech and Dialogue: 17th International Conference, TSD 2014. Brno, Czech Republic, September 8–12, 2014, Proceedings*. Springer, 2014, vol. 8655.
- Sprenger, Simone A., Willem JM Levelt & Gerard Kempen.** Lexical access during the production of idiomatic phrases. *Journal of memory and language*, 2006, 54 (2), p. 161–184.
- Suchomel, Vít & Jan Pomikálek.** Efficient web crawling for large text corpora. *Proceedings of the seventh Web as Corpus Workshop (WAC7)*, 2012.
- Swinney, David A. & Anne Cutler.** The access and processing of idiomatic expressions. *Journal of verbal learning and verbal behavior*, 1979, 18 (5), p. 523–534.
- Teliya, Veronika N.** (eds.). *Big phraseological dictionary of the Russian language: meaning, usage, cultural commentary*. Ast Press Book, 2006. (In Russ.)
- Thyab, Rana Abid.** The Necessity of idiomatic expressions to English Language learners. *International Journal of English and Literature*, 2016, 7 (7), p. 106–111.
- Titone, Debra A. & Cynthia M. Connine.** Comprehension of idiomatic expressions: effects of predictability and literalness. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 1994, 20 (5), p. 1126.
- Titone, Debra A. & Cynthia M. Connine.** On the compositional and noncompositional nature of idiomatic expressions. *Journal of pragmatics*, 1999, 31 (12), p. 1655–1674.
- Titone, Debra & Maya Libben.** Time-dependent effects of decomposability, familiarity and literal plausibility on idiom priming: A cross-modal priming investigation. *The Mental Lexicon*, 2014, 9 (3), p. 473–496.

- Treffers-Daller, Jeanine, Michael Daller, Reyhan Furman & Jason Rothman.** Ultimate attainment in the use of collocations among heritage speakers of Turkish in Germany and Turkish–German returnees. *Bilingualism: Language and Cognition*, 2016, 19 (3), p. 504–519.
- Vespignani, Francesco, Paolo Canal, Nicola Molinaro, Sergio Fonda & Cristina Cacciari.** Predictive mechanisms in idiom comprehension. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 2010, 22 (8), p. 1682–1700.
- Weinreich, Uriel.** Languages in Contact. The Hague: Mouton. *Versión española: Lenguas en contacto, trad. de F. Rivera, Caracas: Universidad Central de Venezuela* 1, 1953, p. 974.
- Wolter, Brent & Henrik Gyllstad.** Collocational links in the L2 mental lexicon and the influence of L1 intralexical knowledge. *Applied Linguistics*, 2011, 32 (4), p. 430–449.
- Wolter, Brent & Henrik Gyllstad.** Frequency of input and L2 collocational processing: A comparison of congruent and incongruent collocations. *Studies in Second Language Acquisition*, 2013, 35 (3), p. 451–482.
- Yamashita, Junko & Nan Jiang.** L1 influence on the acquisition of L2 collocations: Japanese ESL users and EFL learners acquiring English collocations. *Tesol Quarterly*, 2010, 44 (4), p. 647–668.

Информация об авторах

- Гриднева Екатерина Михайловна**, преподаватель Школы иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
- Здорова Нина Станиславовна**, младший научный сотрудник Центра языка и мозга Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», младший научный сотрудник отдела экспериментальных исследований речи Института языкознания РАН
- Иваненко Анастасия Андреевна**, преподаватель Школы лингвистики, факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
- Грабовская Мария Андреевна**, преподаватель Школы лингвистики факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Information about the Authors

- Ekaterina M. Gridneva**, Lecturer, School of Foreign Languages, HSE University, Moscow, Russian Federation
- Nina S. Zdorova**, Junior Research Fellow, Center for Language and Brain, HSE University, junior research fellow, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
- Anastasiya A. Ivanenko**, Lecturer, School of Linguistics, HSE University, Moscow, Russian Federation
- Maria A. Grabovskaya**, Lecturer, School of Linguistics, HSE University, Moscow, Russian Federation

Статья поступила в редакцию 07.07.2023;
 одобрена после рецензирования 17.08.2023; принята к публикации 06.09.2023
*The article was submitted 07.07.2023; approved after reviewing 17.08.2023;
 accepted for publication 06.09.2023*

Научная статья

УДК 81'37(=512.36)

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-4-131-142

Вербализация страха в бурятском языке

Екатерина Владимировна Сундеева

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия

sundueva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2299-3384>

Аннотация

В статье рассматриваются лексемы бурятского языка на фоне халха-монгольского и калмыцкого языков, вызывающие различные проявления страха, а также фразеологические единицы данного семантического поля. Выявлена связь между акустико-артикуляционными характеристиками доминантных согласных корня с психологическими проявлениями страха. Доминантный согласный корня, являясь носителем генерального признака, содержит базовую информацию о денотате. Так, установлено, что доминантный согласный [g], благодаря соприкосновению задней части языка с мягким небом, обозначает задержку дыхания. Доминантный согласный [l] передает течение воздуха, резкий вдох, доминантные согласные [r], [ʃ] и [č], вызывающие внутренний дискомфорт, служат для актуализации в языке дрожания, трепета. Дальнейшие исследования в данном направлении позволят выявить звуко-символические значения лексем, актуализирующих информацию не только о психологических характеристиках, но и о свойствах поверхности, форме объекта, динамических состояниях и иных характеристиках. Фразеологизмы характеризуют такие физиологические формы проявления страха, как холодок по спине, дрожь, шевеление волос на голове, расширение глаз, оцепенение и попытка побега. Также рассмотрены фразеологические единицы с компонентом *зүрхэн* 'сердце', который выступает в значениях 'воля, решимость; смелость, отвага' и близок слову *зориг* 'смелость, сила воли'. Они проиллюстрированы цитатами из бурятской художественной литературы, демонстрирующими естественное функционирование эмотивов страха в языке. Национально-культурная специфика выявлена в развитии значения глаголов монг. *хулчийх* 'бояться' на основе значения 'прижимать уши от страха (о лошади, собаке)'. В целом паремии со словом *морин* 'лошадь' в монгольских языках изображают это животное как очень ценное для кочевника животное, не случайно его называют *морин эрдэни* 'конь-драгоценность', в большинстве случаев компонент *морин* имеет положительную эмоциональную окраску. Однако лошадь может актуализировать другие метафорические смыслы, образно характеризующие человека, в частности, его трусость. Компоненты фразеологических единиц, обозначающие домашнее животное, также участвуя в интерпретации окружающей действительности, формируют национально-культурные стереотипы, отражают менталитет народа, его самобытность и особенности мировосприятия.

Ключевые слова

бурятский язык, эмотивная лексика, фоносемантика, восприятие, фразеология

Благодарности

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», № 121031000258-9).

Для цитирования

Сундеева Е. В. Вербализация страха в бурятском языке // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 4. С. 131–142. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-4-131-142

© Сундеева Е. В., 2023

Verbalization of Fear in the Buryat Language

Ekaterina V. Sundueva

Institute for Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

sundueva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2299-3384>

Abstract

The author considers Buryat lexemes naming various manifestations of fear, as well as phraseological units of the corresponding semantic field. The connection between the acoustic-articulatory characteristics of the dominant consonants of the root and the psychological manifestations of fear is revealed. The dominant consonant of the root, being the carrier of the general characteristic, contains basic information about the denotatum. Thus, it has been found that the dominant consonant [g], due to the contact of the back of the tongue with the soft palate, indicates breath delay. The dominant consonant [l] conveys the flow of air, a sharp inhalation, the dominant consonants [r], [ʃ] and [ç], causing internal discomfort, serve to actualize trembling in the spoken language. Further research in this direction will reveal the sound-symbolic meanings of lexemes that update information not only on psychological characteristics, but also on the properties of the surface, the shape of the object, dynamic states and other characteristics. Phraseological units characterize such physiological forms of fear manifestation as a chill on the back, trembling, stirring of hair on the head, widening of the eyes, numbness and an attempt to escape. Phraseological units with the component *zürhen* 'heart' are also considered. It has the meanings 'will, determination, courage' and is close to the word *zorig* 'courage, willpower'. Phraseological units are illustrated with quotations from Buryat fiction, demonstrating the natural functioning of fear emotives in the language. The national-cultural specificity is revealed in the development of the meaning of the Mongolian verb *hulchiih* 'to be afraid' based on the meaning of 'to press your ears with fear (about a horse or a dog)'. In general, the proverbs with the word *morin* 'horse' in the Mongolian languages depict this animal as a very valuable animal for a nomad; it is not by chance that it is called *morin erdeni* 'horse-jewel', in most cases the component *morin* has a positive emotional coloring. However, 'a horse' can actualize other metaphorical meanings that figuratively characterize a person, namely his cowardice. The components of phraseological units denoting domestic animals, also participating in the interpretation of the surrounding reality, form national and cultural stereotypes, reflect the mentality of the people, their identity and peculiarities of world perception.

Keywords

Buryat language, emotive vocabulary, phonosemantics, perception, phraseology

Funding

The research was carried out within the state assignment (Man's World in Mongolian Languages: Analysis of Expressive Means of Emotional Breadth, № 121031000258-9).

For citation

Sundueva E. V. Verbalization of fear in the Buryat Language. Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2023, vol. 21, no. 4, pp. 131–142. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-4-131-142

Введение

Страх относится к одной самых сильных отрицательных эмоций, продиктованных инстинктом самосохранения, ее интенсивность зависит от характера угрозы. Целью данной работы является анализ лексической репрезентации эмоции страха в бурятском языке, для чего были поставлены задачи: выявление мотива номинации в глагольных эмотивах страха с учетом данных психофизиологии, а также рассмотрение фразеологизмов семантического поля «страх» в бурятском языке. В данной работе рассматриваются процессуальные наименования, связанные с обозначением страха, поскольку субстантивные и адъективные наименования данной лексической группы в монгольских языках в основном представляют собой отглагольные образования. Актуальность исследования обусловлена отсутствием системного описания эмотивной лексики монгольских языков, в частности, эмотивов страха. Научная новизна проведенного исследования заключается в том, что впервые установлена связь между акустико-артикуляционной характеристикой доминантного согласного корня некоторых эмо-

тивов и физиологическими формами проявления страха. Также впервые были проанализированы фразеологизмы семантического поля «страх» с учетом особенностей функционирования организма у человека, испытывающего данную эмоцию. Материалы для статьи были взяты из двуязычных, толковых, фразеологических словарей монгольских языков. Были использованы описательный метод, методы сплошной выборки, систематизации выбранных языковых единиц и их контекстологического анализа.

Глагольные эмотивы с семами ‘бояться; испытывать ужас; робеть’

Базовым глаголом со значением ‘бояться’ является глагол бур. *айха* ‘бояться, пугаться, ужасаться’, п.-монг. *ayuqu* [Kowalewski, 1849. Р. 130], монг. *айх*, калм. *эх*. Можно сказать, что этот глагол занимает центральную позицию, а остальные – периферийную. В «Этимологическом словаре алтайских языков» к протомонг. **ayu-* ‘бояться’ дается прототюркская параллель **Ej-men-* ‘смущаться, робеть, пугаться’, как отмечают авторы, протомонгольская форма не может быть тюркизмом [EDAL, 2003. Р. 496]. Частотность проявления страха в тексте эпоса «Джангара» выявлена Н. М. Мулаевой: «В эпосе доминируют эмотивные глаголы семантической группы глаголов боязни <...> Анализ глагола, отражающего эмоцию боязни *эх* ‘бояться, пугаться, страшиться, опасаться’, показывает, что для богатыря наивысшие ценности – это преданность богдо, нерушимость клятвы, честное имя» [Мулаева, 2020. С. 16].

Материалы сайта «Бурятский корпус»¹ позволяют проследить, с какими близкими по смыслу глаголами сочетается бурятский глагол *айха*. Среди них глагол *жэгишэхэ*: *Энэ үедэ Арсаланай эжы баабай хоёрын тугаарай айхабтар ехээр айһан жэгишэһэнээ огтолон мартажа, ехэл урматтай баяртай болон, сай эдегээ шананад* (Х. Намсараев) ‘В это время родители Арсалана, напроць позабыв про свой недавний страх, принялись с воодушевлением варить чай’ (здесь и далее перевод наш. – Е. С.). В словаре О. М. Ковалевского п.-монг. *jigsiki* имеет лишь значения ‘иметь отвращение, гнушаться’ [Kowalewski, 1849. Р. 2357]. Бур. *жэгишэхэ*, монг. *жигших*, калм. *жигших* ‘испытывать отвращение, гнушаться’ содержат сему страха, как правило, если речь идет о лошади: калм. *жигших* ‘испугаться, отпрянуть’, монг. *жигших* ‘испугаться, перепугаться’. В «Бурятско-русском словаре» в глаголе *жэгишэхэ* не выделено данное значение, однако оно прослеживается в адъективных формах: *жэгишэмхэй*, *жэгишэнги*, *жэгишэһэн* ‘испуганный, пугливый – о лошади’ [БРС, 2006. С. 362]. В баргузинском говоре бурятского языка есть выражение *хүүни егшэхэ арилхаар муухай* ‘такой страшный, что можно испугаться и убежать’.

С позиции фоносемантики можно выделить доминантный заднеязычный согласный [g] в корне **jig*, который, являясь носителем генерального признака, содержит базовую информацию о денотате. Благодаря такой акустико-артикуляционной характеристике звука, как соприкосновение задней части языка с мягким небом у самой гортани, он может передавать значение прекращения, остановки как дыхания, так и любого другого процесса. Известно, что при страхе, тревоге возникает ощущение затруднения дыхания, комка в горле, давления и боли в груди, учащенного сердцебиения. В данном случае с помощью согласного [g/ɣ] вербализуется задержка дыхания от страха. Это ярко проявляется в глаголе бур. *эг гэхэ* ‘ёкнуть’: *Баярмаа Толя хоёрой зосоо эг гээд, ара нюргаарнь хүйтэ даагаадхиба* (Б. Мунгонов) ‘У Баярмы и Толи ёкнуло внутри, и по спине пробежал холодок’. Остановка процесса прослеживается в бур. *зогсохо*, п.-монг. *joysuqu*, монг. *зогсох*, калм. *зогсх* ‘останавливаться’, бур. *таг*, монг. *таг* ‘совсем, совершенно’: *таг дүлий* ‘совершенно глухой’, *таг тулаха* ‘наотрез отказываться’, *яг-таг бүтүүлхэ* ‘прочно закупорить’ и др. Участие гуттуральных гласных в передаче деятельности дыхательных органов и грудной клетки в абазинском языке отмечают А. Б. Михалев и Ж. М. Тамбиева, приводя такие примеры, как *гвылаха* ‘застревать в горле’, *гвылкъяра*

¹ URL: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru.

‘поперхнуться’, *гвыс* ‘тяжелое дыхание’, *гвыс-шысра* ‘задышаться’ [Михалев, Тамбиева, 1999. С. 19]. «Исследование звуков, артикулируемых в задней части полости рта, области фаринкса и гортани – гуттуральных согласных, являющих собой, возможно, древнейший фонетический состав языка, способно свидетельствовать об изначальном, ингерентном, непроизвольном использовании этих согласных для называния (обозначения) и горловой (речевой) деятельности» [Тамбиева, 2003. С. 44].

Тот же признак задержки дыхания, на наш взгляд, можно выделить в другом глаголе с корневым заднеязычным [g]: бур. *мэгдэхэ*, п.-монг. *megdekü* ‘тревожиться, беспокоиться, быть в смятении’ [Kowalewski, 1849. Р. 2018], монг. *мэгдэх* ‘прийти в смятение, опешить; паниковать’. В русском языке *тык-мык* говорится о попытках сделать что-либо, как правило, неудачных, т. е. везде встречать преграду. В бурятском языке *мэгдэхэ* также сочетается с глаголом *айха*: *Олёдой хүхихэн баярлаһандаа тугаар айжа мэгдэһэнээ хуу мартажархиба* (Ц. Дон) ‘Олёдой от радости совсем забыл про недавний страх’. В «Этимологическом словаре алтайских языков» п.-монг. *теке* ‘хитрость, обман’ и *megde-* ‘быть растерянным, озадаченным’ возводятся к единой прамонгольской форме **tek(e)-* [EDAL, 2003. Р. 896], хотя, на наш взгляд, в *теке* номинация скорее происходила на основе зрительного восприятия лица, точнее губ, хитрого человека (*мэх* – *хэм*, ср. бур. *һэм гэхэ* ‘злорадствовать’), нежели внутреннего состояния организма. Тесная связь значения бур. *багтарха* ‘цепенеть от страха’ с трудностью дыхания наглядно демонстрируется халха-монгольским глаголом *багтрах* ‘задышаться, быть не в состоянии дышать; лишиться чувств на почве удушья’.

Глагол п.-монг. *tiügsikü* ‘трепетать, дрожать от страха’ [Kowalewski, 1849. Р. 1934], монг. *түгших* ‘трепетать, биться, замирать – о сердце’, имеет звукоподражательное происхождение от *түг-түг гэхэ* ‘стучать тук-тук’ так же, как бур. *лугшаха*, монг. *лугших*, калм. *лугих* ‘пульсировать, биться’ от *луг-луг хийх* ‘пульсировать’. Бурятский глагол *түгшэхэ* имеет значение ‘задышаться, запыхаться’ [БРС, 2008. С. 264]: *Амишень даруулжа, үгсүүртэ аалидуулха хэрэгтэй. Тэрэгүй хаа, аймагаа хүрэнгүй түгшэжэ унашахадаа болохо ха юм* (Ц.-Д. Хамаев) ‘Нужно успокоить ее [лошади – Е. С.] дыхание и сбавить ход на подъеме. В противном случае она задохнется и упадет, так и не доехав до аймака’. Однако часто он сочетается с существительным *зүрхэн* ‘сердце’: *Тэрэ үхэтэрөө айшоод, зүрхэнэйнгөө түгшэтэр харайжа мэдэбэ* (Б. Мунгонов) ‘До смерти перепугавшись, она побежала так, что сердце застучало’, реже с *сэдьхэл* (*сэдьхэл түгшэхэ* ‘тревожиться’), что говорит о том, что в словарную статью следует добавить основное значение ‘пульсировать, биться’. В паре с глаголом *түлгэхэ* ‘колебаться; суетиться’ он выступает в значении ‘тревожиться, переживать’: *Ганса хүбүүнэйнгээ гарын ганзагада, хүлын дүрөөдэ хүргөө ха юмбиб, минии хүбүүн юунһээ дутабаб, эрэ хүн болоо, эрын замаар ябаг, юундэ иигэтэрээ түгшэнэ түлгэнэбиб* (Х. Намсараев) ‘Единственного сына я на ноги поставила, ни в чем он не нуждался, мужчиной стал, пусть и идет мужской дорогой, чего я так тревожусь’.

Многозначность слова *амин* в бурятском языке позволяет по-разному трактовать значение пословицы *Айһан хүнэй амин урид* досл. ‘У трусливого человека дыхание впереди’. Близкая по смыслу монгольская пословица *Айвал аминд тустай* толкуется следующим образом: *бага ч гэсэн болгоомж илүүдэхгүй* ‘даже небольшая осторожность не будет лишней’, это позволяет перевести ее ‘Страх полезен для жизни’, в данном контексте она близка рус. *Береженого Бог бережет*. Бурятскую же пословицу будет правильнее перевести: ‘У труса жизнь превыше всего’.

Также бурятский глагол *айха* встречается в сочетании с глаголом *һалганаха* ‘дрожать, трястись’: *Айха һалганаха болоо хаа, бүхы ажалаа хосороожо болохобди, үшөө өөһэдөө һалжа болохобди* (Б. Шойдоков) ‘Если бояться до дрожи, то можно всю работу упустить, можем и сами сгинуть’. В разговорной речи *һалганаха* может самостоятельно выступать в значении ‘бояться’: *Шалгалтада орохоһоо түрүүн ехээр һалганааб* ‘Я сильно боялся перед экзаменом’. С позиции фоносемантики сонант [l] передает слабость, мягкость и далее здесь дрожание, ср.

бур. *балбагар* ‘рыхлый’, монг. *бөлхөн* ‘слабый, малосильный, хрупкий’, монг. *булбагар* ‘слабый, вялый’, монг. *бүлбэгэр* ‘вялый, слабый, плохой’, бур. *хали-були, халай-балай* ‘спустя рукава, небрежно, кое-как’ и др.

Доминантный согласный [Л] также содержится в корне бур. *залд* [гэхэ], обозначающем испуг как рефлекторную реакцию на возможную угрозу: *Галзутов һаршаганаан тээшэ харасаа шэглүүлэн гэхэдээ, залд гээд, хүдэлхөө болишобо* (Б. Шойдоков) ‘Галзутов перевел взгляд туда, откуда исходил шорох, и в испуге застыл’. В данном случае сонант [Л], на наш взгляд, связан не со слабостью, а с течением воздуха при резком вдохе или выходе, о чем свидетельствует ряд образных лексем, передающих внутреннее состояние организма: бур. *зэлд гэхэ* ‘почувствовать облегчение’, бур. Барг. *һэлд гэхэ* ‘простудиться, выйдя легко одетым на мороз и вдохнув холодного воздуха’, *һал һууха* ‘так и сесть от неожиданности’, *һалд-һэлд гэхэ* ‘вздрыгнуть’, монг. *палхий-* ‘замереть (о сердце)’, *дотор пал хийнэ* ‘кровь стынет; мурашки по телу пошли’, бур. *хэлбэ бууха* ‘дрогнуть’ (*олон хүн хэлбэ бууба* ‘толпа дрогнула’) [см. подр. Сундуева, 2017].

В бурятском языке отсутствует глагол *балмагдаха*, в то время как в халха-монгольском языке глагол *балмагдах* ‘ужасаться, прийти в ужас, страшно испугаться’ обладает наибольшим экспрессивным потенциалом. Его семантика связана с производными корня **bal* ‘нечто темное, мрачное’: п.-монг. *bala boluqi* ‘потерять память, лишиться чувств от пьянства, старости’, *balai* ‘помраченный, тупой’, п.-монг. *balamad, balamud* ‘необдуманно говорящий и действующий’ [Kowalewski, 1849. Р. 1074]. Вероятно, это связано с тем, что ужас, помимо оцепенения, дрожи в теле, может сопровождаться головокружением, потемнением в глазах и даже потерей сознания. Не случайно бур. *ухаа алдаха* ‘ужасаться’ дословно переводится ‘терять разум от страха, гнева, радости’.

Монгольский глагол *халирах* ‘не осмеливаться приступить к чему-л., робеть, бояться’, очевидно, связан с глаголами монг. *халах* ‘стыдиться, стесняться, конфузиться; не смочь, не осмеливаться’, п.-монг. *qalusqu* ‘страшиться, пугаться, робеть’, монг. *халсах* ‘отступать; убежать; пугаться’, п.-монг. *qaluriyai, qaluril* ‘боязнь, страх, испуг’ [Kowalewski, 1849. Р. 794–795]. В другом глаголе монг. *хулчийх* значение ‘труситься, робеть’ дано как переносное к основному ‘бледнеть’, то же в *хулчгар* ‘бледный, блеклый; пугливый, трусливый, робкий’ [БАМРС, 2002. С. 164], также есть вариант *хулчганах* ‘бояться, труситься, робеть’. Можно предположить развитие семантики на основе цвета лица испуганного человека, однако, на наш взгляд, к глаголу *хулчийх* близки образные формы п.-монг. *qultayiqu* ‘приклеиваться, прилипнуть’ [Kowalewski, 1849. Р. 933], монг. *хулмайх*, бур. *хулмайха* ‘прижать уши, стараясь укунить в страхе или от злости (о лошади)’, *хулман* ‘прижатый к голове (об ушах животных, когда они испытывают страх или злость)’, калм. *хулмлэх* ‘озираться; прятать ушами’. Вероятно, изначально глагол *хулчийх* имел значение ‘прижимать уши (о животном)’, которое затем трансформировалось в ‘бояться (о животных и людях)’ и далее уже в ‘бледнеть’ на основе внешнего вида человека, испытывающего страх. Доминантный согласный [Л] в корне передает признак ‘прижатый, прилипший’, реализация которого связана с такой артикуляционной характеристикой фонем [Л], как прилегание языка к твердому небу.

В бурятском языке представлены глаголы со значениями ‘бояться; пугаться’ с корневым дрожащим сонантом [r], который передает внутреннее дрожание, содрогание от страха: *бард гэхэ* ‘вздрыгнуть, внезапно испугаться’, *пард гэхэ* ‘ёкнуть’, *хирүү* ‘застенчивый, несмелый’. В других монгольских языках: п.-монг. *šard*, п.-монг. *шард* выражает внезапный испуг, вздрагивание от грохота обвала; п.-монг. *dargiqu*, монг. *даргих* ‘судорожно, нервно вздрагивать’; *сэрд хийх, сэрхийх* ‘замереть (о сердце)’, *сэрвэсхийх* ‘вздрыгнуть, встрепнуться’; монг. *хирдхийх, хиртхийх* ‘быть пораженным ужасом, страхом; вздрагивать (от испуга), трепетать’, п.-монг. *kiraqi*, монг. *хярах* ‘прятаться (о зверях); притаиться, замирать (от сильного страха)’ [см. подр. Сундуева, 2010]. «Компонент “телодвижение” в момент испуга содержится в семантике тувинских глаголов *сертилээр, сырбацнаар*» [Ахматова и др., 2022. С. 226]. Ср. англ. *horror* ‘ужас’, *terror* ‘страх’, *risk* ‘страх, риск’, *tragedy* ‘трагическое событие’, *fright* ‘испуг’; нем.

Furcht ‘страх’, *Grauen* ‘ужас’, *Schreck* ‘испуг’; франц. *frayeur* ‘страх, испуг’, *frousse, terreur* ‘страх’, *effroi* ‘ужас; испуг’, *horreur* ‘ужас’ и др.

Бур. *һүрдэхэ* ‘бояться, быть подавленным мощью и величием’, п.-монг. *siirdekü* [Kowalewski, 1849. Р. 1437], монг. *сүрдэх*, калм. *сүрдх* ‘бояться, трепетать, робеть’ образованы от существительных бур. *һүр*, п.-монг. *siir* [Kowalewski, 1849. Р. 1434], монг. *сүр*, калм. *сүр* ‘величие, благолепие; сила, мощь, могущество’ с помощью словообразовательного суффикса *-da*. У.-Ж. Ш. Дондуков определяет одно из значений данного суффикса следующим образом: «испытывать внутреннее состояние, свойство человека в результате действия того, что обозначено производящей основой: *бахадаха* ‘быть в восторге, желать, стремиться’ от *баха* ‘желание, страсть, восторг’, *амидаха* ‘тяжело дышать, задыхаться’ от *амин* ‘дыхание’ и др.» [Дондуков, 1964. С. 197].

Следует отметить, что в бурятском языке есть глагол рассматриваемого семантического поля бур. *үргэхэ*, п.-монг. *ürgekü* [Kowalewski, 1849. Р. 592], монг. *үргэх*, калм. *үргх* ‘пугаться, шарахаться, бросаться в сторону’, который передает испуг животного, чаще лошади, напр. *үргэдэг морин* ‘пугливая лошадь’.

Наконец, в бурятском языке представлены глаголы со значением ‘бояться’ с аффрикатами [č] и [j] в качестве доминантных согласных корней. С позиции фоносемантики данные звуки благодаря своим акустико-артикуляционным свойствам, так же как и [r], способны передавать внутренний дискомфорт. Так, в монгольских языках корень, передающий щекотку, содержит звук [j]: п.-монг. *gejigdekü* ‘щекотать’ [Kowalewski, 1849. Р. 2491], монг. *гигиг* ‘чувствительность к щекотке; щекотка’, монг. *гигиг-гигиг*, бур. *гэжи-гэжи*, *гэжэгы-гэжэгы*, *гэжэгэй-гэжэгэй* – слова, произносимые при щекотании кого-л. Здесь звук [j] сопряжен с раздражением, дрожанием, возникающим при воздействии на кожу человека. В русском языке корень *щекот-* имеет близкий фонетический облик. В бурятском языке представлены глаголы *жэхыхэ* ‘опасаться, бояться; мёрзнуть’, *жэхүүрхэ* ‘чувствовать страх, бояться’, *жэхүүн* ‘жуткий – в том числе о холоде; вяжущий – о вкусе’. Анализ предложений в Бурятском корпусе с глаголами *жэхыхэ*, *жэхыдэнэ* *хүрэхэ* показал, что они передают жуткий, леденящий страх, от которого холодеет спина и начинают шевелиться волосы на голове. Например, *Юундэшьёб сула жэхын татаад, шэлэ хүзүүн руугаа мұльһэ хүүлээд ябаһан түхэлтэй* (Ж. Тумунов) ‘Ни с того, ни с сего его охватывал страх, и он ходил с таким видом, как будто ему за шиворот положили льдинку’; *Шэлын арада досоо жэхыдэнэ хүрэмөөр шонын улиха дуулдашаба* (С. Цырендоржиев) ‘Из-за гребня послышался волчий вой, леденящий душу’. Фонетически близки п.-монг. *jigirkekü*, *jigerkekü* ‘привести в ужас, настрашать’, *jigirkü* ‘содрогаться, трепетать от ужаса, бояться; дрожать от стужи’ [Kowalewski, 1849. Р. 2354], монг. *жийрхэх* ‘чураться; робеть; страшиться, бояться’, *жийрхэмших* ‘бояться, страшиться’.

Аффриката [j] представлена в корне **jeb* бур. *зэбэрхэ* ‘испытывать чувство страха, внутренне содрогаться’. У прилагательного бур. *зэбүүн* на первом месте сема ‘омерзительный, противный’, на втором ‘жуткий, страшный’: *Һэришоод, энэ зэбүүн харасые хаана, ямар газарта бүри наяшагай хараа һэнбиб гэжэ тон һанажа ядаба* (Б. Мунгонов) ‘Проснувшись, он никак не мог вспомнить, где совсем недавно видел этот жуткий взгляд’. Примечательно, что в халха-монгольском языке корень **jeb* служит для вербализации терморцепции, а именно работы холодовых терморцепторов кожи: монг. *зэврэх* ‘быть прохладным’. Связь страха с отвращением отражена в дефиниции англ. *horror* ‘нечто отталкивающее, вызывающее отвращение’ [Кириллова, 2007. С. 11]. Наконец, аффриката [č] выступает в роли доминантного согласного в корне бур. *сошохо*, п.-монг. *šočiqu*, *sočiqu* [Kowalewski, 1849. Р. 2211], монг. *цочих* ‘вздрагивать от испуга, пугаться; встревожиться’.

В бурятском языке отсутствует глагол *эмээхэ*, хотя в халха-монгольском глагол *эмээх* ‘страшиться, бояться, побаиваться; тревожиться, опасаться; стесняться’ употребляется в паре с *айх* ‘бояться’, он есть в словаре О. М. Ковалевского: п.-монг. *emiyeekü* ‘бояться, тревожиться, страшиться, опасаться’ [Kowalewski, 1849. Р. 216]. В калмыцком языке глагол *эмэх* используется

только в значении ‘стесняться, смущаться’. Объяснение значения страха и робости в данном глаголе затруднительно с точки зрения фоносемантики, поскольку согласный [т] чаще передает значения ‘мягкий’, ‘пушистый’, ‘нежный’, ‘тихий’. Это прослеживается в бур. *эмээхэ, эмээхэйрхэ* ‘ласково относиться, быть нежным’. В другом корне **bemb* глаголов монг. *бэмбийх, бэмбэгнэх* ‘дрожать, трепетать от страха, бояться, робеть’ согласный [т] передает такие физические свойства объекта, как ‘трясущийся, колыхающийся’, которые также реализуются в фонетически близком корне **bamb*: монг. *бамбалзуур*, бур. *бамбалзуур* ‘трясина, зыбкое болото’.

Таким образом, в бурятском языке было выявлено 11 глагольных форм, содержащих сему ‘бояться’: *айха, жэгшэхэ, мэгдэхэ, багтарха, халганаха, залд гэхэ, бард гэхэ, пард гэхэ, хүрдэхэ, үргэхэ, жэхыхэ, эбэрхэ*, 5 из них не встречаются в других монгольских языках (*багтарха, эбэрхэ, залд гэхэ, бард гэхэ, пард гэхэ*). В халха-монгольском языке также представлены глаголы, эквивалентов которых нет в бурятском и калмыцком языках: *халирах, балмагдах, жийрхэх*. В калмыцком языке подобных форм не обнаружено.

Большинство субстантивных и адъективных единиц со значениями ‘страх’, ‘боязливый, трусливый’ образованы от глагола *аууқи* ‘бояться’: *ауул* ‘страх, ужас, испуг, боязнь’, *ауумтайай* ‘боязливый, робкий, трус’ [Kowalewski, 1849. Р. 132–133], бур. *айдаһан*, монг. *айдас*, бур. *аймшаг*, монг. *аймшиг, аюумшиг*, ‘страх’, бур. *ехээр айлга* ‘страх’, калм. *ээлһн* ‘боязнь’; бур. *аймхай*, монг. *аймтгай, аймхай*, калм. *ээмтхэ* ‘боязливый, трусливый’. Также представлены: бур. *хүрдэлгэ*, калм. *сүрдлһн* ‘страх’; монг. *сүрдэмтгий, сүрдэмхий* ‘боязливый, робкий, пугливый’, монг. *бэмбэгэр, хулчгар* ‘трусливый, боязливый’ и др.

Фразеологизмы со значением страха

Как известно, переживание страха зачастую связывается с сердцем и душой (рус. *сердце чуть не разорвалось, сердце похолодело, душа ушла в пятки*). В письменном памятнике «Правдивые записи о монголах Цинской империи» в день черной курицы среднего летнего месяца 35-го года правления Энхэ-Амугулана (1696 г.) в предложении *Ene qulayai jiriken qayarju bayilduysan ügei buruyulbai* ‘Этот разбойник [Галдан – Е. С.] сильно испугался и бежал, не вступая в бой’ п.-монг. *jiriken qayaraqu* дословно переводится ‘сердце раскололось’, в китайском варианте фразеологизм 肝胆为之破裂 *gān dǎn wéi zhī pò liè* дословно означает ‘печень и желчный пузырь лопнули’ [Правдивые записи..., 2021. С. 50]. По древним представлениям китайцев, средоточие лучших чувств души человека и источник благородства и доблести заключаются именно в этих органах. У монгольских народов также значима печень, но не желчный пузырь. В монгольских языках слово со значением ‘печень’ активно участвует в создании фразеологизмов, однако в данном случае более подходящим оказалось ‘сердце’.

В бурятском языке робость выражается с помощью фразеологизма *зүрхэ алдаха*, п.-монг. *jiriken aldaqu* [Kowalewski, 1849. Р. 2364], монг. *зүрх алдах*, бур. калм. *зүркэн алдх* ‘потерять дух, оробеть’ (досл. ‘сердце упустить’). Здесь слово *зүрхэн* выступает в значениях ‘воля, решимость; смелость, отвага’ и с позиции фоносемантики близко слову *зориг* ‘смелость, сила воли’, в котором согласный [р] передает внутреннее напряжение, силу, решимость совершить какое-либо действие. Другой бурятский фразеологизм *зүрхэн амаараа гараха* ‘сердцу выйти через рот’ в значении ‘сильно испугаться’ рассматривается Б. Д. Цыреновым как калька с русского языка [Чертыкова и др., 2020. С. 151]: *Зүрхэмни амаараа гарахaya ханаһан шэнги түшэгэнэнэ* (Б. Мунгонов) ‘Сердце мое стучит так, будто хочет выскочить через рот’. На наш взгляд, этот фразеологизм характерен для ментальности монгольских народов, поскольку в том же значении он используется в халха-монгольском языке: *зүрх амаар гарах шахлаа* ‘чуть сердце не вышло через рот’. Кроме того, данный фразеологизм используется и для передачи состояния радости: *Агнууриингаа газарта ойртоходоо, Бармидай зосоо айхабтар хүхюун боложо, зүрхэниинь амаараа гараха дүтэлһэн хэбэртэй* (Б. Мунгонов) ‘По мере приближения к месту

охоты, на душе у Бармида повеселело, и сердце было готово выпрыгнуть из груди (досл. выйти через рот)’.

Что касается другого фразеологизма – *зүрхэн ула руугаа орохо* ‘сердце уходит в ступни’, то он больше похож на кальку русского выражения *сердце в пятки ушло*: *Тэмүүжэн ерээжэ ябана гэжэ дуулахадаа, зүрхэмни ула руугаа оронол!* (Ц. Цырендоржиев) ‘Как услышу о том, что Тэмужин прибывает, сердце в пятки уходит!’ Также в халха-монгольском языке сильный страх выражает фразеологизм *үнхэлцэг хагарах шахлаа* ‘чуть сердце не разорвалось’, где *үнхэлцэг* ‘околосердечная сумка’, досл. ‘чуть околосердечная сумка не разорвалась’. Кроме того, в монгольских языках представлены глаголы данного семантического поля, образованные от существительного *зүрхэн* ‘сердце’ с помощью словообразовательных суффиксов *-ши*, *-са*: п.-монг. *jirükesekei* ‘бояться, страшиться, трусить, робеть’ [Kowalewski, 1849. Р. 2366], монг. *зүрхиших* ‘робеть, трусить, бояться’, бур. *зүрхэсэхэ* ‘робеть, не решаться’.

К наиболее часто описываемым в литературе физиологическим формам проявления страха относится холодок по спине, внутри, реже на голове, сопровождаемый ознобом и мурашками. Сужение сосудов от страха, нарушающее кровоснабжение кожных покровов, передается с помощью бур. *нюрга руу хүйтэ дааха* ‘чувствовать холодок по спине’: *Муу юумэ бодоходоо нюрга руумни хүйтэ даана, досоом ямар бэ даа хооһон, аягүй, жишраггүй болоодхино* (С. Цырендоржиев) ‘Когда я думаю о плохом, по спине пробегает холодок, и внутри становится пусто и неприятно’; *досоо хүйтэ дааха* ‘чувствовать холодок внутри’: *Гэнтэ хадын арада шоно досоо хүйтэ даамаар улижархиба* (С. Цырендоржиев) ‘Вдруг за горой волк завыл так, что внутри похолодело’; *орой руу хүйтэ дааха* ‘чувствовать холод на голове’: *Орой уруунь хүйтэ даажа, үһэнинь арзайна* (Ц. Дон) ‘По голове пробежал холодок и волосы поднялись дыбом’. Этот холодок сравнивается с пауком или змеей: *Нюрга руум эрэн могойн мүлхийэндэл хүйтэ даажа эхилбэ* (Ц.-Д. Хамаев) ‘По спине побежал холодок, как пестрая змея’; *Хуухын үһэн эрээгэд гэн, арбан хүлтэй абаахайн ара нюрга уруунь гүйһэндэл хүйтэ дааба* (А. Шадаев) ‘Волосы на голове зашевелились, и по спине побежал холодок, подобно десятиногому пауку’. Также в бурятском языке вербализуется ощущение холодного пота на спине: *хүйтэн хүлһэ адхаха* ‘обливаться холодным потом’: *Нэгэ хэды ябад гээд, алууршадай зүрхэ сэдхэлые дагжа таамаар улиһан уляанинь нюргаарнь хүйтэн хүлһэ адхуулна* (Б. Ябжанов) ‘Немного пройдя, убийцы слышали вой, от которого сжималось сердце и по спине бежал холодный пот’.

Озноб и мурашки выражаются с помощью глаголов бур. *дагжа хүрэхэ* ‘чувствовать озноб’ и *заригад гэхэ* ‘чувствовать мурашки’: *Нюрга руунь хүйтэ даажа, дагжа хүрээжэ байһанаа болёодхибо* (Б. Шойдоков) ‘Холодок и мурашки по спине прекратились’; *Тээсэгэн һая Хумбаа Дагбын харааһан занһан Должондо гэнтэ һанагдажа, заригад гэжэ айдаһанинь ехээр хүрөөд, бэнь дагжаран, досоонь уйтаржа бахардаба* (Ц. Дон) ‘Должон вдруг вспомнилось, как недавно бранился Хумбаа Дагба, от страха ее пробрали мурашки, все тело забил озноб, и внутри стало тесно’. Сочетание сильных с позиции фоносемантики согласных [j], [č] и [r] в корнях слов бур. *зариша*, *заригад гэхэ* ‘трепетать, содрогаться’, монг. *царвалзах* ‘трястись от холода’, бур. *жэржэжэр* ‘дрожащий’ служит для актуализации в языке лихорадочного состояния организма.

Значение ‘побледнеть от страха’ передается с помощью идиом *айһайндаа хүхэ сагаан болошохо* досл. ‘стать сине-белым от страха’, *хухихар хүхэ болохо* ‘стать бледно-синим’: *Айхатар ехэ аюулһаа гарасалдаһан аянишад айһандаа хүхэ сагаанууд болошонхой, шэшэргэнэлдэһэн уралтай юумэд мүнөөхи шулуунуудай үнажа ерэхэн хабсагайн орой өөдэ айнгяар шэртэн зогсобод* (Б. Мунгонов) ‘Избежавшие большой опасности бледные путники с трясущимися губами боязливо всматривались в вершину утеса, с которого падали камни’.

Дрожь как другое экспрессивное проявление страха выражается в бур. *үбдэг шэшэрхэ* ‘колени трясутся’: *Зүрхэнэйнгөө гэнтэ шанга шангаар сохилжо, үбдэгэйнгөө аягүйгөөр һуларан, жээжэхэнээр, таһалгаряагүйгөөр шэшэржэ байһые тэрэ ажаглаба* (К. Цыденов) ‘Сердце вдруг бешено застучало, и он заметил, как колени его ослабли и начали мелко, беспрестанно

дрожать'. В русском языке в подобной идиоме помимо существительного колени используется слово поджилки, обозначающее коленное сухожилие. Данный признак воплощен в бурятской поговорке *Айһан хүнэй хормой халганаха* 'У труса подол трясется'. Часто от страха дрожит голос: *Тиигээд бэнь халганажа, ехээр сошоһон айһандаа муухайгаар, ямаанай маараһандал, абья гараба* (Ч. Цыдендамбаев) 'Он весь задрожал и с испугу издал страшный звук, похожий на бление козы'.

Шевеление волос на голове от страха связано с физиологическими особенностями организма: «из-за выброса адреналина в кровь происходит сокращение волосяной мышцы, поднимающей волосы» [Бекиров, Рублева, 2019. С. 11]. Бур. *үһэн үрзыхэ, үһэн орболзохо* 'вставать дыбом – о волосах': *«Хабшалга хорёом адатай шүдхэртэй болобо гү», – гэжэ ханахадаа, Монхойн үһэнишнь үрзыхэ, пэишэн дээрэхи дэнгээшье абаха тухаа таһаран, гэрэйнгээ тэг дунда байһаар байшана* (П. Малакшинов) 'Когда Монхой подумал: «Неужто в загоне черти завелись?», волосы его встали дыбом, и он встал как вкопанный посреди дома, даже не пытаюсь взять лампу с печи'.

Также выделяются такие реакции организма, как оцепенение и, напротив, стремление убежать (бур. *зугадаха* 'обращаться в бегство', *тэрвэдэхэ* 'удирать', *харайн бодохо* 'вскакивать'). С отказом ног связаны выражения бур. *доошоо хал хуушаха* 'так и сесть вниз', *гэдэргээ хуушаха* 'сесть назад': *Зэмьээгэй орой дээгүүр харан гэхэдээ, айһандаа гэдэргээ хуушан алдабаб* (С. Цырендоржиев) 'Взглянув на крышу зимовья, я чуть не сел назад от страха'. Непроизвольный жест закрывания лица руками продиктован стремлением отгородить себя от страха, бур. *нюураа бүглэхэ* 'закрывать лицо': *Тиигээд лэ, сонхыень бүглэн, барбагар хара тархи түглыбэ, Гүнсэн хүгшэн айһандаа нюураа бүглөөд, орон дээгүүрээ ухаа мэдээгээ табин, унашаба* (С. Цырендоржиев) 'На все окно показалась лохматая черная голова, и старушка Гунсэн, от страха закрыв лицо руками, без сознания рухнула на кровать'.

Оцепенение может касаться не только тела, но и языка: бур. *хэлээ тангалайдаа няаха* 'приклеить язык к небу'; *абья гаража шадахаа болихо, үгээ хэлэн ядаха* 'быть не в состоянии вымолвить ни слова': *Абья гараха, ооголхошье аргамни үгы. Айһандаа хэлэмни тангалайдаа няалдашоо* (Б. Мунгонов) 'Не могу ни пикнуть, ни крикнуть. От страха язык приклеился к небу'. Страх может сопровождаться и криком, с помощью которого человек пытается защитить себя: – *Юундэ һөөргөө ерэбэй? – гэжэ Барга-Няма мэгдүүгээр гүбэрөөд, ехээр айһандаа муухайгаар абья гараба, һүүхирбэ* (Б. Мунгонов) – 'Почему ты вернулся? – спросил встревоженно Барга-Няма и от ужаса страшно закричал'.

Наконец, страх, выражаемый с помощью глаз, передается в *нюдээз бэлтэлзүүлхэ* 'выпучивать глаза', *зэртэгэр болохо* 'таращить глаза', *ганса нюдэн болохо* 'превращаться в одни глаза': *Айһандаа Баярмаагай нюдэд зэртэгэр ехэнүүд болошоод, уралнуудын жэжэсхэнээр шэишэргэнэлдэн байба* (Б. Мунгонов) 'От страха глаза Баярмы выпучились, а губы мелко дрожали'. Это связано с прямым проявлением страха: верхние веки приподняты так, что видна склера, нижние – приподняты и напряжены [Бекиров, Рублева, 2019. С. 13].

Во фразеологическом фонде монгольских народов рассматриваемого семантического поля отражены слова, обозначающие домашних животных. Так, трусливый человек сравнивается лошастью и собакой: монг. *тушаагай морь шиг* 'как лошадь в путях', *хулжсан морь шиг* 'как одичавшая лошадь', *нуруугаа авахуулсан морь шиг* 'подобно лошади с поврежденной спиной', *сүү долоосон гөлөг шиг* 'как щенок, лизнувший молока'. Также про него говорят бур. *шубуун зүрхэтэй* 'с птичьим сердцем', монг. *туулайн зүрхтэй* 'с заячьим сердцем' (ср. рус. *труслив как заяц*). Следует отметить, что в целом паремии со словом *морин* 'лошадь' в монгольских языках изображают это животное как очень ценное для кочевника животное, не случайно его называют *морин эрдэни* 'конь-драгоценность', в большинстве случаев компонент *морин* имеет положительную эмоциональную окраску. Однако, как видно из примеров, лошадь может актуализировать другие метафорические смыслы, образно характеризующие человека, в част-

ности, его трусость. Подобные единицы, храня в себе национально-культурную информацию, демонстрируют особенности аксиологических категорий кочевых народов.

Заключение

Таким образом, результаты исследования показывают, что страх является «психическим процессом, отражающим отношение человека к самому себе и окружающему миру, характеризующееся мимическими, психосоматическими, поведенческими изменениями и объективирующимся в языке» [Кириллова, 2007. С. 9]. Нами рассмотрены значения доминантных согласных в корне лексем со значением ‘бояться’, которые связаны с тем или иным внутренним ощущением, сопровождающим страх. Так, установлено, что доминанта [g] обозначает задержку дыхания, доминанта [l] – течение воздуха, резкий вдох, доминанты [r], [ʃ] и [č] – дрожание, трепет. Фразеологизмы, описывающие физиологические формы проявления страха, такие как холодок по спине, дрожь, шевеление волос на голове, расширение глаз, оцепенение и попытка побега, в целом совпадают с таковыми в русском языке, поскольку страх у всех народов выражается одинаково. Примеры из бурятской художественной литературы свидетельствуют о том, что писатели, как правило, используют описание нескольких проявлений страха для того, чтобы показать глубину этой эмоции. Выявление мотивов номинации эмотивной лексики позволяет в определенной степени выявить национально-культурную, ментально-психологическую специфику и ценностную ориентацию монгольских народов.

Список литературы

- Ахматова М. А., Салчак А. Я., Чертыкова М. Д. Средства выражения эмоции страха в тюркских языках (на примере тувинского, карачаево-балкарского и хакаского языков) // Новые исследования Тувы. 2022. № 2. С. 224–238.
- Бекиров Р. А., Рублева В. В. Сопоставительная характеристика фразеологизмов семантического поля «страх» в арабском, русском и английском языках // Вестник Тюменского гос. ун-та. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2019. Т. 5, № 3 (19). С. 6–21.
- Дондуков У.-Ж. Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. 246 с.
- Кириллова Н. В. Концептуализация эмоции страха в разноструктурных языках (на материале русского, английского и чувашского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2007. 30 с.
- Михалев А. Б., Тамбиева Ж. М. Фоносемантические функции заднеязычных, фарингальных и ларингальных в корневых морфемах абазинского языка // Вестник Пятигорского гос. лингв. ун-та. 1999. № 4. С. 18–22.
- Мулаева Н. М. Эмотивные глаголы в калмыцком героическом эпосе «Джангар» // Oriental Studies. 2020. Т. 13, № 4. С. 1103–1120.
- Правдивые записи о монголах Цинской империи. Т. 3. Правление Шэнцзу (1696–1722 гг.) / Пер. со старописьменного монгольского Е. В. Сундуевой. Иркутск: Оттиск, 2021. 476 с.
- Сундуева Е. В. Интерпретация ощущения боли и чувства страха в монгольских языках // Вестник Бурятского гос. ун-та. Серия: Филология. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. Вып. 10. С. 132–136.
- Сундуева Е. В. Связь духа и дыхания в монгольских языках // Мир Центральной Азии – 4: Сб. науч. ст. Иркутск: Оттиск, 2017. С. 400–403.
- Тамбиева Ж. М. Межъязыковая фоносемантическая характеристика гуттуральных согласных: на материале русского, английского и абазинского языков: Дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2003. 169 с.

Чертыкова М. Д., Цыренов Б. Д., Каксин А. Д. Фразеологические единицы с соматизмом «сердце» в разноструктурных языках (на материале хакасского, бурятского и хантыйского языков) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Т. 6, № 4. С. 146–158.

Словари

- БАМРС, 2002 – Большой академический монгольско-русский словарь / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбе-ев. М.: Academia, 2002. Т. 4. X–Я. 532 с.
- БРС, 2008 – Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. В 2 т. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2008. Т. II. О–Я. 708 с.
- EDAL, 2003 – Starostin S., Dybo A., Mudrak O. (with assistance of Ilya Gruntov and Vladimir Glumov). Etymological Dictionary of the Altaic Languages, Part I [A–K], Part II [L–Z], Part III [Indices]. Leiden; Boston: Brill, 2003. 2096 p.
- Kowalewski, 1849 – Kowalewski J. E. Dictionnaire mongol-russe-français. Kasan: Imprimerie de l'Université, 1849. V. I–III. 2690 p.

References

- Akhmatova, M. A., Salchak, A. Ya., Chertykova, M. D.** Means of expressing the emotion of fear in the Turkic languages (on the example of Tuvan, Karachay-Balkar and Khakass languages). *Novye issledovaniya Tuvy* [New studies of Tuva]. 2022, no. 2, p. 224–238. (in Russ.)
- Bekirov, R. A., Rubleva, V. V.** Comparative characteristics of phraseological units of the semantic field “fear” in Arabic, Russian and English languages. *Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates* [Bulletin of the Tyumen State University. Humanitarian studies. Humanitates]. 2019, vol. 5, no. 3 (19), p. 6–21. (in Russ.)
- Dondukov, U.-Zh. Sh.** Affixal word formation of parts of speech in the Buryat language. Ulan-Ude: Buryat Publ. House, 1964, 246 p. (in Russ.)
- Kirillova, N. V.** Conceptualization of the emotion of fear in different structural languages (based on the material of Russian, English and Chuvash languages). PhD Thesis Abstr., Cheboksary, 2007, 30 p. (in Russ.)
- Mikhalev, A. B., Tambieva, Zh. M.** Phonosemantic functions of the posterior lingual, pharyngeal and laryngeal in the root morphemes of the Abaza language. *Vestnik Pjatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University], 1999, no. 4, p. 18–22. (in Russ.)
- Mulaeva, N. M.** Emotive verbs in the Kalmyk heroic epic “Dzhangar”. *Oriental Studies*, 2020, vol. 13, no. 4, p. 1103–1120. (in Russ.)
- True records of the Mongols of the Qing Empire. Vol. 3. The reign of Shengzu (1696–1722) / trans. from the old Mongolian by E. V. Sundueva. Irkutsk, Ottisk Publ., 2021, 476 p. (in Russ.)
- Sundueva, E. V.** Interpretation of the sensation of pain and the feeling of fear in the Mongolian languages. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Filologija* [Bulletin of the Buryat State University. Philology series]. Ulan-Ude, Buryat State University, 2010, issue 10, p. 132–136. (in Russ.)
- Sundueva, E. V.** The connection of spirit and breath in the Mongolian languages // *Mir Central'noj Azii-4* [The World of Central Asia–4]: collection of scientific articles. Irkutsk, Ottisk Publ., 2017, p. 400–403. (in Russ.)
- Tambieva, Zh. M.** Interlanguage phonosemantic characteristics of guttural consonants: on the material of Russian, English and Abaza languages: abstract. PhD Dis., Pyatigorsk, 2003, 169 p. (in Russ.)

- Chertykova, M. D., Tsyrenov, B. D., Kaksin, A.D.** Phraseological units with somatism “heart” in different structural languages (based on the material of Khakass, Buryat and Khanty languages). *Teoreticheskaja i prikladnaja lingvistika* [Theoretical and applied linguistics]. 2020, vol. 6, no. 4, pp. 146–158. (in Russ.)

Dictionaries

- БАМРС, 2002. Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar' [Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary]. G. C. Pjurbeev (Ed.), Moscow, Academia, 2001, vol. 1, 486 p.
- БРС, 2008. Buryatsko-russkij slovar': V 2 t. [Buryat-Russian dictionary: in 2 vols]. L. D. Shagdarov, K. M. Cheremisov (Comp.). Ulan-Ude, Respublikanskaya tip., 2008, vol. 2, 708 p.
- EDAL, 2003. Starostin S., Dybo A., Mudrak O. (with assistance of Ilya Gruntov and Vladimir Glumov). Etymological Dictionary of the Altaic Languages, Part I [A—K], Part II [L—Z], Part III [Indices]. Leiden; Boston: Brill, 2003. 2096 p.
- Kowalewski, 1849. Kowalewski J. E. Dictionnaire mongol-russe-français. Kasan: Imprimerie de l'Université, 1849. V. I–III. 2690 p.

Информация об авторе

Екатерина Владимировна Сундужева, доктор филологических наук, доцент Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Information about the Author

Ekaterina V. Sundueva, Doctor of Philology, Associate Professor, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation

*Статья поступила в редакцию 21.04.2023;
одобрена после рецензирования 30.08.2023; принята к публикации 13.09.2023
The article was submitted 21.04.2023; approved after reviewing 30.08.2023;
accepted for publication 13.09.2023*

Научная статья

УДК 81'2 + 81'33

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-4-143-155

Особенности перевода названий нормативно-правовых актов с английского языка на русский язык

Светлана Сергеевна Алешко-Ожевская¹,
Ирина Леонидовна Терновская²

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия

¹sv-ozhevskaya@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-7613-8562>

²i.l.ternovskaya@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1785-8428>

Аннотация

Статья посвящена вопросам перевода названий нормативно-правовых актов английского права – «The Act of Settlement 1701», «The Instrument of Government 1653», «The Act of Supremacy» 1534, 1559, «The Reform Act» 1832, 1867, 1884, «The Test Act» 1673, 1678. Анализ русскоязычных учебников и пособий по истории государства и права зарубежных стран показывает, что их авторы используют прочно закрепившиеся в русском языке и не всегда удачные переводы названий, дают свой зачастую буквальный перевод или стараются избежать упоминания названий актов в тексте. Качественный перевод названий нормативно-правовых актов необходим для лучшего восприятия информации, понимания исторических процессов, формирования фоновых знаний. При переводе важно учитывать многозначный характер многих юридических терминов, смысловое наполнение названий и исторический контекст, связанный с разработкой и принятием этих документов. Различия между правовыми и языковыми системами, обусловленные особенностями исторического и культурного развития, создают трудности в процессе перевода, с которыми не справляются даже самые современные программы автоматизированного перевода, основанные на нейросетях. Чтобы перевод был грамотным, а следовательно, и информационно-познавательная функция реализовывалась в полном объеме, что особенно важно для научных текстов, необходимы фоновые знания как в области юридической науки в целом, так и непосредственно о предмете, т. е. историческом контексте и содержании документа. Отсутствие понимания сути самого нормативно-правового акта приводит к буквальному, а иногда и ошибочному переводу, лишая в итоге весь текст смыслового наполнения. Емкость слов и терминов английского языка зачастую не позволяет подобрать в русском языке равноценный краткий вариант перевода. Описательный перевод с опорой на фоновые знания и с учетом языковых особенностей, а также применение вспомогательных средств, таких как сноски и пояснения, могут способствовать выполнению данной задачи.

Ключевые слова

названия нормативно-правовых актов, фоновые знания, исторический контекст, перевод юридических терминов, машинный перевод

Благодарности

Авторы выражают признательность Татьяне Ильиничне Тарасовой за помощь, советы и моральную поддержку.

Для цитирования

Алешко-Ожевская С. С., Терновская И. Л. Особенности перевода названий нормативно-правовых актов с английского языка на русский язык // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 4. С. 143–155. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-4-143-155

Titles of Acts: Translation from English into Russian

Svetlana S. Aleshko-Ozhevskaya¹

Irina L. Ternovskaya²

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

¹sv-ozhevskaya@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-7613-8562>

²i.l.ternovskaya@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1785-8428>

Abstract

The article examines titles of English acts such as ‘The Act of Settlement 1701’, ‘The Instrument of Government 1653’, ‘The Act of Supremacy; 1534, 1559, ‘The Reform Act’ 1832, 1867, 1884 and ‘The Test Act’ 1673, 1678 and their translation into the Russian language. The analysis of textbooks and manuals on law and state history of foreign countries in the Russian language shows that their authors refer to the titles that have firmly entrenched in the Russian language, even though some of them have been translated incorrectly. Some researchers provide their own mostly word-for-word translation or totally avoid mentioning the titles of acts in the text. At the same time, adequate translation is essential as it allows readers to elicit necessary information and gain extensive and comprehensive knowledge on the subject. The polysemy of legal terms and the underlying historical background make the process of translation into Russian even more complicated. The differences between legal systems and languages due to their unique historical and cultural development cause difficulties in the translation process even for the most advanced machine translation tools based on neural networks. In order for the translation to be accurate, and therefore the cognitive function to be fully performed in academic texts, it is necessary to be familiar with the field of legal science as a whole, to take into account the historical context as well as the background of a particular act. The lack of background knowledge and the inability to grasp the meaning, role and importance of this or that act of Parliament results in word-for-word erroneous translation that in its turn distorts the original meaning of the text. The polysemy of English terms makes it difficult to find the corresponding equivalent term in Russian. Descriptive translation based on background knowledge with due regard for language peculiarities, as well as the use of such tools as footnotes and comments, can contribute to achieving the purpose.

Keywords

titles of acts, background knowledge, history of state and law, translation of legal terms, machine translation tools

Acknowledgements

The authors would like to express their gratitude to Tatiana Tarasova for her help, advice, support and encouragement.

For citation

Aleshko-Ozhevskaya S. S., Ternovskaya I. L. Titles of Acts: Translation from English into Russian. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, vol. 21, no. 4, pp. 143–155. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-4-143-155

Введение

Переводческая деятельность в эпоху глобализации и непрерывного потока информации на разных языках является важной частью коммуникации в обществе. Разнообразие источников и общий объем передаваемых данных увеличился в разы за последние десятилетия, чему в значительной мере способствовало развитие и большая доступность вспомогательных средств, таких как специализированные словари и программы автоматизированного перевода. В подобных условиях создается ощущение, что роль и значимость профессионального переводчика начинает существенно ослабевать и терять свою актуальность. Однако вопрос о качестве перевода в данных условиях по-прежнему остается немаловажным.

Перевод представляет собой сложный процесс межкультурной коммуникации, включающий преобразование исходного текста с определенным смысловым наполнением, стилистическими, грамматическими и экспрессивными особенностями во вторичный текст на другом языке, обладающий максимальной схожестью или эквивалентностью. Так, О. С. Ахманова определяла перевод как «передачу информации, содержащейся в данном произведении речи средствами другого языка. Отыскание в другом языке таких средств выражения, которые обеспечивали бы передачу на него не только разнообразной информации, содержащейся в данном

речевом произведении, но и наиболее полное соответствие нового текста первоначальному также и по форме (внутренней и внешней), что необходимо в случае художественного текста, а также при передаче на другой язык понятий, не получивших в нем устойчивого выражения» [Ахманова, 1969. С. 316]. При передаче информации с одного языка на другой необходимо также помнить, что каждый язык обладает своими особенностями и является отражением разной исторически обусловленной действительности. Переводчик обязан учитывать не только грамматические, лексические, синтаксические особенности обоих языков, но и обладать фоновыми знаниями, чтобы суметь правильно «распознать» исторические, культурологические и прочие реалии, существующие в одной языковой культуре, и корректно передать их с использованием соответствующих приемов и средств, понятных для восприятия, в другой языковой культуре. Как отмечают С. Влахов и С. Флорин, «перевод реалий – часть большой и важной проблемы передачи национального и исторического своеобразия, которая восходит, должно быть, к самому зарождению теории перевода как самостоятельной дисциплины» [Влахов, Флорин, 1980. С. 5]. Как известно, реалии не имеют точных соответствий в другой культуре, перевести их напрямую на другой язык представляется трудной задачей. Более того, помимо географических названий, исторических фактов, наименований государственных органов, антропонимов и т. п. при переводе необходимо еще учитывать и «ситуативные реалии», т. е. то, «что нужно “читать между строк” и что, тем не менее, выражено или подсказано так или иначе языковыми средствами... характерные иносказания, намеки, аллюзии, все “сказанное” языком жестов и, шире, весь внеязыковый фон» [Там же. С. 15].

Жанрово-стилистическая принадлежность текста оригинала ставит перед переводчиком дополнительные задачи. Целью художественного текста является создание образа, достижение определенного эстетического воздействия на читателя. Задача переводчика состоит в том, чтобы передать образность, национальный колорит и добиться схожего эффекта средствами другого языка, при этом максимально возможная смысловая точность может отойти на второй план. Научный стиль со своей стороны характеризуется логичностью и последовательностью в изложении материала, смысловой определенностью и информативностью. Тексты данного стиля насыщены терминами, как общенаучными, так и узкоспециальными, которые часто являются полисемантическими и реализуют одно из значений в конкретном контексте. Основная цель перевода в таком случае состоит в передаче определенных сведений, терминологически оформленных, которые, как правило, носят узкоспециализированный характер, а от переводчика требуется знание предмета, о котором идет речь, т. е. экстралингвистические знания в той или иной области науки. Применительно к такой области, как юридическая наука, задачи и трудности, с которыми сталкивается переводчик, увеличиваются многократно.

Развитие юридической науки в отдельной стране неразрывно связано с ее историей. Правовое регулирование, существование различных, а иногда и уникальных форм власти и управления, государственного устройства – это результат многовекового особого пути развития народа. История и культура страны неизбежно влияют на правовую систему государства, при этом исторические, лингвокультурологические реалии находят свое отражение в языке права. В конечном итоге каждая правовая система является уникальной, а значит, и язык права в каждой стране уникален. Юридические термины, применяемые в одной правовой культуре, не всегда полностью соответствуют даже на первый взгляд схожим терминам другой правовой культуры. Таким образом, для работы с текстами юридической направленности переводчику необходимо не только владеть юридической терминологией, разбираться в ее структурно-семантических особенностях, но и обладать обширными знаниями в области истории государства и права, понимать особенности функционирования иноязычной правовой системы, находить различия и сходства между составляющими правовых систем, которые так или иначе должны быть отображены в переводе. При этом в некоторых случаях не всегда представляется возможным разграничить правовые термины и реалии, поскольку термины в праве исходного языка могут не иметь эквивалентов в языке перевода, а безэквивалентность зачастую присуща

именно реалиям [Швейцер, 1973. С. 108]. Примером таких размытых границ между реалиями и терминами можно считать названия исторических документов – актов Британского парламента и королевских указов.

Целью данного исследования является выявление основных недостатков существующих переводов на русский язык названий некоторых нормативно-правовых актов, предложение вариантов устранения этих недостатков, а также определение возможностей использования для такого перевода программ, основанных на нейросетях. В задачи работы входит исследование существующих вариантов перевода некоторых названий нормативно-правовых актов, анализ употребления данных переводов в специализированной литературе для студентов юридических вузов, рассмотрение особенностей и тонкостей перевода некоторых правовых терминов и реалий с помощью специализированных толковых словарей и других источников, оценка качества машинных переводов тех же названий.

Наименования нормативно-правовых актов

Первые акты были приняты в Англии еще в XIII в. и именовались по месту их принятия («The Statute of Winchester», «The Statute of Gloucester»). Такие названия являются ярким примером отсутствия границ между реалией (в названии используется топоним) и термином (определения к данным нормативно-правовым актам можно найти в авторитетном юридическом терминологическом словаре «Black's Law Dictionary»). Когда парламент начал заседать в Вестминстере, стали применяться другие способы наименования законодательных актов. Во время царствования королевы Виктории парламент начал давать своим актам укороченные заглавия, которые были призваны отражать его основной предмет и дату вступления в силу. Это значительно облегчило цитирование правовых источников, и данная практика получила официальное признание и распространение даже на те действующие акты, которые были приняты ранее («The Bill of Rights 1689», «The Act of Settlement 1701») [Jenks, 1967. P. 43–44]. Таким образом, в настоящее время у всех актов парламента есть два названия – короткое, например, «The Parliament Act 1911», и полное название, «An Act to make provision with respect to the powers of the House of Lords in relation to those of the House of Commons, and to limit the duration of Parliament».

В учебных пособиях, научных статьях и другой специализированной литературе за основу берется краткое название актов. Например, большинство авторов учебников по истории государства и права зарубежных стран для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция», используют закрепившийся в русском языке перевод кратких названий актов, дают свой перевод, чаще всего буквальный, или избегают упоминания названий в тексте. Такая сложившаяся практика в определенной мере входит в противоречие с заявлениями, подобно тому, которое можно найти в предисловии к учебному пособию А. А. Иванова «История государства и права зарубежных стран»: «...успешное освоение историко-правового материала возможно только в процессе изучения текстов важнейших нормативно-правовых актов, памятников права. Обращение к документальному материалу – важнейшее условие получения научно достоверных исторических знаний...» [Иванов, 2012. С. 4]. В случае отсутствия указания на название акта эта задача становится сложновыполнимой, поскольку обучающиеся получают довольно ограниченную информацию, т. е. информационно-познавательная функция реализуется не в полном объеме.

Проблема, связанная непосредственно с переводом названий нормативно-правовых актов, может быть решена различными способами. Отсутствие образности и языковых средств для создания эмоционально-экспрессивной выразительности обманчиво дает основания полагать, что адекватный перевод в юридическом дискурсе может быть выполнен современными программами автоматизированного перевода, технические возможности которых значительно

возросли за последнее десятилетие. Программы последнего поколения, основанные на нейросетях, несомненно, улучшили качество перевода. В отличие от предыдущих технологий нейронные сети позволяют создавать более сложные вероятностные модели. Они оперируют не отдельными словами и фразами, а целыми предложениями, в результате на выходе получается текст, по словам разработчиков, не уступающий по своему качеству профессиональному (человеческому) переводу. Однако для создания качественного перевода названий нормативно-правовых актов необходимо помимо прочего учитывать многозначный характер многих юридических терминов, смысловое наполнение названий и исторический контекст, связанный с разработкой и принятием этих документов.

The Act of Settlement 1701

Вышеизложенные теоретические выводы подкрепляются практическими примерами, один из которых – «The Act of Settlement 1701». В русскоязычной специализированной литературе он получил название «Акт об устроении», которое за ним прочно закрепилось. Такое название можно найти в учебнике для вузов «История государства и права зарубежных стран» под общей редакцией доктора юридических наук, профессора Н. А. Крашенинниковой, рекомендованного Министерством общего и профессионального образования в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» [Крашенинникова, 2010. С. 31], в учебном пособии с таким же названием А. А. Иванова [Иванов, 2012. С. 162] и ряде других. Обоснование такого варианта перевода представляется весьма затруднительным. Во-первых, лексическая основа в данном случае не может служить отправной точкой для перевода, поскольку термин *settlement* является полисемантическим. Согласно юридическому словарю «Black's Law Dictionary», авторитетному источнику в области юридической терминологии, у данного термина восемь значений:

- «1. The conveyance of property — or of interests in property — to provide for one or more beneficiaries, usu. members of the settlor's family, in a way that differs from what the beneficiaries would receive as heirs under the statutes of descent and distribution <in marriage settlements, historically, the wife waived her right to claim dower or to succeed to her husband's property>.
2. An agreement ending a dispute or lawsuit <the parties reached a settlement the day before trial>.
3. Payment, satisfaction, or final adjustment; esp., an adjustment with regard to accounts <settlement of accounts> <the seller shipped the goods after confirming the buyer's settlement of the account>.
4. A fixed time or period for settling accounts or concluding a transaction; CLOSING <the settlement on their new house will be Friday at noon>.
5. Wills & estates. The complete execution of an estate by the executor <the settlement of the estate was long and complex> .
6. The establishment of a legal residence. • This sense was frequently used in poor-relief contexts.
7. A regular or settled place of living; one's dwelling-place or residence.
8. An area of a country newly occupied by those intending to live and work there; a colonized region» [Black's Law Dictionary, 2014].

Для того чтобы установить значение термина *settlement*, необходимо ознакомиться с содержанием акта и историческими предпосылками, связанными с его принятием. Согласно учебному пособию А. А. Иванова, акт был разработан для «ограничения власти короля над правитель-

ством», что позволит «в определенной степени затруднить вмешательство монарха в работу кабинета министров» [Иванов, 2012. С. 162]. Однако большинство весьма надежных источников (www.parliament.uk, www.royal.uk и др.) указывают на то, что целью принятия данного акта было установление порядка престолонаследия, что подтверждается отдельной словарной статьей из Black's Law Dictionary:

«An act of Parliament (12 & 13 Will. 3, ch. 2, 1701) that resolved the question of royal succession unsettled after the Glorious Revolution of 1688. • The question was resolved by **limiting the Crown to Protestant members of the House of Hanover** The Act also provided that the sovereign must be a member of the Church of England, and it established that judges would hold office during good behavior rather than at the will of the sovereign. — Also termed Settlement of the Crown» [Black's Law Dictionary, 2014].

Более того, это подтверждается и полным названием акта – «An Act for the **further Limitation of the Crown** and better securing the Rights and Liberties of the Subject» («Акт о дальнейшем ограничении власти монарха и лучшем обеспечении прав и свобод подданных»). Под *further Limitation of the Crown* прежде всего подразумевается отстранение от английского престола лиц иного вероисповедания, нежели тех, которые принадлежали Англиканской церкви. Соответственно права престолонаследия лишались некоторые королевские особы, которые потенциально могли на него претендовать.

Такой подход к трактовке названия акта объясняется и историческими обстоятельствами, при которых он был принят. У власти на тот момент находился протестантский король Вильгельм III Оранский (William of Orange), у которого не было прямых наследников, а его непосредственной преемницей была сестра его покойной супруги Анна (Anne). В 1700 г. скончался сын Анны, 11-летний герцог Глостерский (Prince William, Duke of Gloucester), и встал вопрос о дальнейшем престолонаследии, поскольку все ближайшие претенденты на престол из рода Стюартов были католиками, что было совершенно неприемлемо для парламента и общества, прочно ассоциировавших католическую веру с абсолютной монархией. Таким образом, необходимость принятия данного акта была очевидна.

Справедливости ради необходимо отметить, что наряду с прочно закрепившимся переводом «Акт об устройении» в некоторых немногочисленных источниках можно встретить и адекватный перевод названия данного акта, в том числе и в упомянутом ранее учебнике под редакцией доктора юридических наук, профессора Н. А. Крашенинниковой: «Акт об устройении, [...] именуемый также Актом о престолонаследии» [Крашенинникова, 2010. С. 31]. Интересно также сопоставить эти варианты перевода названия акта с переводом, выполненным программами последнего поколения, основанными на нейросетях. Так, большинство из них (Google Translate, Yandex Translate, DeepL) дают следующий вариант перевода – «Акт урегулирования». Таким образом, данные программы не распознают в этом словосочетании название правового источника. Удалось это сделать только программе Bing от Microsoft, которая передала это название как «Акт об урегулировании», при этом лексическая единица *settlement* получила буквальный перевод.

The Instrument of Government 1653

Другой пример подобного небрежного отношения к переводу наименований исторических документов – название первой писаной конституции Англии, принятой в 1653 г., «The Instrument of Government». Энциклопедия Британика так описывает суть данного документа: «...the document that established the English Protectorate and under which Great Britain was governed from December 1653 to May 1657. The first detailed written constitution adopted by a

modern state, the Instrument attempted to provide a legal basis for government after the parliamentary failures in the wake of the English Civil Wars». В вышеупомянутом учебнике по истории государства и права под редакцией доктора юридических наук, профессора Н. А. Крашенинниковой о данном документе можно прочитать следующее: «Совет офицеров подготовил проект акта о новой временной форме правления, названного “Орудие управления”» [Крашенинникова, 2010. С. 25]. «Орудие управления» является широко распространенным вариантом перевода данного названия на русский язык, который находит отражение во всех специализированных и научно-популярных текстах, посвященных истории Англии XVII века. Очевидно, что данный вариант представляет собой буквальный перевод слов *instrument* и *government* в тех их общеупотребительных значениях, которые регистрируются англо-русскими словарями. Так, в Новом Большом англо-русском словаре под редакцией Ю. Д. Апресяна [Апресян, 1998. С. 60] для первого значения существительного *instrument* дается следующий перевод: «орудие; инструмент; прибор; аппарат», а перевод термина *government* соответствует третьему значению в том же словаре: «управление, руководство, регулирование». Подобный перевод никоим образом не раскрывает суть содержания документа, более того, само словосочетание «орудие управления» может привести к возникновению ложных коннотаций у непросвещенного читателя, поскольку слово «орудие» в русском языке можно понять и как «техническое приспособление, при помощи которого производится работа или какое-нибудь действие».

Основной причиной подобного некачественного перевода, вероятно, послужил тот факт, что изначально переводчик не сумел «распознать» в словах *instrument* и *government* полисемантические термины из области юридической науки. Различные значения обоих терминов легко найти в толковых юридических словарях. Так, Black's Law Dictionary дает следующие определения к терминам *instrument* и *government*:

«instrument

1. A written legal document that defines rights, duties, entitlements, or liabilities, such as a statute, contract, will, promissory note, or share certificate.

“An ‘instrument’ seems to embrace contracts, deeds, statutes, wills, Orders in Council, orders, warrants, schemes, letters patent, rules, regulations, bye-laws, whether in writing or in print, or partly in both; in fact, any written or printed document that may have to be interpreted by the Courts” Edward Beal, Cardinal Rules of Legal Interpretation 55 (A.E. Randall ed., 3d ed. 1924).

2. Commercial law. An unconditional promise or order to pay a fixed amount of money, with or without interest or other fixed charges described in the promise or order; esp., commercial paper or a security or any other writing that evidences a right to the payment of money and that is not itself a security agreement or lease but that is of a type that in the ordinary course of business is transferred by delivery with any necessary indorsement or assignment. • Under the UCC, a promise or order must meet several other specifically listed requirements to qualify as an instrument. UCC § 3-104(a).

3. A means by which something is achieved, performed, or furthered <an instrument of social equality>».

«government

1. The structure of principles and rules determining how a state or organization is regulated.

2. The sovereign power in a country or state.

3. An organization through which a body of people exercises political authority; the machinery by which sovereign power is expressed <the Canadian government>. • In this sense, the term refers collectively to the political organs of a country regardless of their function or level, and regardless of the subject matter they deal with.

4. The executive branch of the U.S. government.
5. The prosecutors in a given criminal case <the government has objected to the introduction of that evidence>.
6. An academic course devoted to the study of government; political science <Bridges is enrolled in Government 101>» [Black's Law Dictionary, 2014].

При изучении данных словарных статей и исторического контекста, учитывая тот факт, что речь идет о единственной в истории Англии писаной конституции, становится понятным, что в названии «The Instrument of Government» термин *instrument* употреблен в значении «правовой документ». А поскольку данный документ содержал информацию о форме правления и полномочиях основных институтов власти, то второй термин *government* имеет значение «The structure of principles and rules determining how a state or organization is regulated», т. е. может быть переведен как «государственное устройство», что подтверждается и при анализе полного названия документа «The Government of the Commonwealth of England, Scotland and Ireland and the Dominions thereunto belonging». Таким образом, логично предположить, что более точным переводом названия «The Instrument of Government» на русский язык было бы «О государственном устройстве». Термин *instrument* при этом опускается в переводе, поскольку его значение в данном контексте носит обобщенный характер, а в пояснении к словарной статье, раскрывающей суть этого термина, указано, что он используется для обозначения любого документа, который может при необходимости быть истолкован судом.

«An instrument seems to embrace contracts, deeds, statutes, wills, Orders in Council, orders, warrants, schemes, letters patent, rules, regulations, bye-laws, whether in writing or in print, or partly in both; in fact, any written or printed document that may have to be interpreted by the Courts» [Black's Law Dictionary, 2014].

Примечательно, что при наличии краткого исторически укоренившегося перевода («Орудие управления») в сборнике «Законодательство Английской революции 1640–1660 гг.», составленном Н. П. Дмитриевским, полное название документа переведено как «Форма правления государством Англии, Шотландии и Ирландии и владениями, им принадлежащими», где тот же самый термин *government* уже не «управление», а «форма правления», а термин *Commonwealth* вообще опущен и заменен на «государство» [Дмитриевский, 1946. С. 175].

Если перевод названия «The Instrument of Government» вызывает определенные сложности для профессионалов, возникает вопрос относительно того, как с данной задачей справляются автоматизированные программы. Попытки перевода данного названия с помощью электронных переводчиков успехом не увенчались. Варианты переводов, полученные от разных программ, приблизительно одинаковые – от «Инструмент правительства» и «Орудие правления» до «Инструмент государственного управления» или «Правительственный акт». Следует при этом отметить, что каждая программа давала два варианта перевода в зависимости от регистра, но даже исторический вариант «Орудие управления» получен не был.

The Act of Supremacy 1534, 1559

Значительно лучше некоторые программы (Google Translate и Yandex Translate) справились с переводом названия документа «The Act of Supremacy», который известен в специализированных источниках как «Акт о супрематии». Такой перевод приемами транскрипции и транслитерации не формирует представления о содержании документа и не является оправданным, поскольку в русском языке существует достаточное число лексических единиц со схожим значением: превосходство, первенство, господство, главенство, верховенство. Очевидно,

что в очередной раз необходимы фоновые знания для понимания его предмета и предназначения для целей перевода.

Закон, первоначально принятый в 1534 г. во время правления Генриха VIII, окончательно закрепил разрыв Английской Церкви с Римом в ходе реформации. Он провозгласил короля «единственным Верховным главой» (Supreme Head) Англиканской Церкви. Однако закон был отменен во время правления Марии Стюарт (Bloody Mary), которая была ярким приверженцем римско-католической церкви. В 1559 г. Елизавета I провела религиозную реформу, закрепив ее актом с таким же названием. В нем она именовала себя не «Верховным главой», а «Верховным правителем» (Supreme Governor) во всех духовных и церковных делах».

Принимая во внимание вышеизложенные факты, варианты машинного перевода – «Закон о главенстве английского короля над церковью» (Google Translate, Yandex Translate) и «Акт о верховенстве» (Bing, DeepL) – представляются более удачными, хотя вариант перевода, предлагаемый последними, требует пояснения в сноске или иным способом.

The Reform Acts 1832, 1867, 1884

Помимо рассмотренных выше случаев некачественного или неточного перевода названий нормативно-правовых актов в этой сфере существуют и другие сложности переводческого характера, которые можно рассмотреть на примере актов парламента о реформе избирательной системы «The Reform Acts» 1832, 1867, 1884. Принятие актов привело к значительному расширению электората за счет перераспределения избирательных округов, предоставления большего числа мест в парламенте представителям промышленных центров, а также снижения избирательного ценза. Интересно отметить, что помимо укороченного и полного наименования данные акты имеют еще и третий, общераспространенный вариант, под которым они и упоминаются во многих англоязычных источниках, например, на сайте парламента (www.parliament.uk). Так, полное название документа 1832 г. – «An Act to amend the representation of the people in England and Wales», его укороченный вариант – «The Representation of the People Act 1832», при этом в большинстве источников данный акт называют «The Reform Act 1832» или «The Great Reform Act». При таком многообразии наименований в исходном языке возникает путаница с переводом названия данного закона на русский язык. Например, в учебнике по истории государства и права под редакцией доктора юридических наук, профессора Н. А. Крашенинниковой этот закон вполне логично обозначен как «Акт о народном представительстве», что соответствует его укороченному названию на английском языке [Крашенинникова, 2010. С. 36]. Однако в учебнике с аналогичным названием М. Н. Прудникова данный закон назван «Биллем о парламентской реформе», что, на наш взгляд, не отражает сути этого закона [Прудников, 2013. С. 446].

Многочисленные доступные ресурсы сети Интернет предоставляют и иные варианты перевода от «Акта о реформе» до «Избирательной реформы». Интересно, что здесь варианты перевода, используемые русскоязычными интернет-ресурсами, не сильно отличаются от варианта машинного перевода («Закон о реформе»). При этом в учебном пособии по истории государства и права А. А. Иванова название данного акта при описании реформы избирательной системы не упоминается вообще, что, возможно, обусловлено необходимостью сохранить определенный объем текста [Иванов, 2012. С. 164]. Однако с нашей точки зрения, ссылка на тот или иной документ, представляющий большую роль для развития права в Великобритании, заслуживает упоминания особенно для лиц, изучающих право.

The Test Acts 1673, 1678

Избегание прямого наименования актов парламента в русскоязычных источниках можно наблюдать и на примере других законов, а именно «The Test Acts» 1673, 1678. Предположительно такой подход в данном случае обусловлен определенными трудностями перевода термина на русский язык. Словарь юридических терминов «Black's Law Dictionary» определяет «Test Act» следующим образом:

«An English statute that required a person who occupied a public office or position of trust to be a member of the Church of England, to swear the Oath of Supremacy, and to sign a declaration against transubstantiation. 25 Car. 2, ch. 2 (1673)» [Black's Law Dictionary, 2014].

Аналогичное определение дано и в энциклопедии Британника: «in England, Scotland, and Ireland, any law that made a person's eligibility for public office depend upon his profession of the established religion». Закон был принят в разгар так называемого религиозного конфликта между представителями Англиканской церкви и католиками в XVII в. с целью недопущения последних в органы публичной власти.

Полное название данного закона – «An act for preventing dangers which may happen from popish recusants». Укороченное же название закона указывает на необходимость со стороны лица, занимающего государственную должность, пройти определенные процедуры, которые могли бы доказать его принадлежность Англиканской церкви. Как отмечено в словаре «Black's Law Dictionary», требовалось принести присягу на верность монарху как «Верховному правителю во всех духовных и церковных делах» (*to swear the Oath of Supremacy*) и подписать отказ от пресуществления (в православной традиции используется также термин «преложение»), т. е. признания превращения в Таинстве Евхаристии существа хлеба и вина в Тело и Кровь Христа (*to sign a declaration against transubstantiation*). Пресуществление признается в католичестве и отрицается в англиканстве. Энциклопедия Британника описывает эту процедуру как проведение таинства Евхаристии в соответствии с традициями Англиканской церкви – «The form that the test took in England was to make the receiving of Holy Communion according to the rites of the Church of England a condition precedent to the acceptance of office».

Изложенные выше факты помогают понять, насколько емким является термин *test* в этом контексте. Невозможно подобрать всего одно слово или хотя бы словосочетание в русском языке, которое бы полностью раскрыло понятие *test* применительно к названию данного закона, а варианты, предложенные компьютерными программами («акт испытаний», «акт о тестировании») не выдерживают никакой критики. Но и принцип «избегания» упоминания названия закона, встречающегося в различных работах, тоже не является выходом из положения. Ссылка на закон чрезвычайно важна для лиц, изучающих историю и право, она делает текст более информативным и позволяет всем желающим глубже погрузиться в изучение предмета. В подобных случаях, на наш взгляд, наиболее подходящим вариантом при переводе без потери смысла и содержания было бы внесение дополнительной расширенной информации о законе в виде сноски или пояснения в русский текст. Возможным выходом из положения при переводе данного закона считаем подход, при котором в скобках пишется полное название документа: «Акт о предотвращении угроз, которые могут исходить от папистских отступников», а краткий вариант названия представить описательно: «Акт о подтверждении приверженности Англиканской церкви».

Заключение

Перевод названий исторических документов, очевидно, сопряжен с рядом сложностей. В той или иной культуре могут отсутствовать определенные понятия и реалии, существуют

различия в значениях терминов и их наполнении в исходном языке и языке перевода. Здесь важно учитывать исторический контекст, обладать необходимыми фоновыми знаниями об эпохе, традициях, культуре народа, и, конечно, обязательно иметь представление о содержании документа. Название документа неразрывно связано с его содержанием, поэтому и в языке перевода эту связь необходимо сохранить. Приведенные выше примеры показывают, что отсутствие понимания сути самого нормативно-правового акта хотя бы на минимальном уровне может привести к буквальному, поверхностному, неточному, а иногда и просто ошибочному переводу, в результате которого данная связь разрывается, а получившийся перевод никак не выполняет свою функцию по наполнению текста содержанием. Применение машинного перевода в подобных ситуациях не имеет никакого смысла, поскольку такие программы основываются исключительно на тех значениях слов, которые регистрируются словарями общей лексики, не специализированными терминологическими словарями, а фоновые знания у этих программ отсутствуют.

Анализ существующих вариантов перевода исторических документов на русский язык показывает, что переводчики используют различные методы для достижения поставленной цели. Перевод с помощью транскрипции и транслитерации в подобных случаях не всегда помогает сохранить и передать смысл названия, а получившееся в результате новое название не имеет под собой никакого содержания и наполнения в русском языке. Емкость слов и терминов английского языка зачастую не позволяет подобрать в русском языке равноценный краткий вариант перевода. В подобных случаях название передается описательно. Иногда целесообразно обратиться к полному названию акта парламента, чтобы оценить правильность перевода его краткого варианта. Какой бы метод перевода выбран ни был, всегда необходимо учитывать и особенности русского языка, равно как и стилистические, лексические и лингвокультурологические тонкости и различия между языками. Сноски и пояснения также являются хорошим вспомогательным средством, позволяющим расширить понимание исторического контекста, а также внести соответствующие уточнения к содержанию документа.

Список литературы

- Влахов С. И., Флорин С. П. «Непереводимое» в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 342 с.
- Миньяр-Белоручева А. П., Покровская М. Е. Интерпретативный подход к переводу // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2019. Т. 8. № 5. С. 13–19.
- Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М., 1973. 280 с.
- Jenks E. The Book of English Law. Sixth Edition. John Mixrray (Publishers) Ltd., 1967. 376 p.

Список источников и словарей

- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 607 с.
- Дмитриевский Н. П. Законодательство Английской революции 1640–1660 гг. [Текст] / Сост. Н. П. Дмитриевский; Акад. наук СССР. Ин-т права. М.; Л.: Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1946 (М.: Образцовая тип.). 382 с.
- Иванов А. А. История государства и права зарубежных стран: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 343 с.
- Крашенинникова Н. А. История государства и права зарубежных стран: учебник в 2 т. / Н. А. Крашенинникова. М.: Норма, 2010. Т. 2. 816 с.
- Матусов Е. Нейронные сети в машинном переводе: статус-кво. URL: <https://sysblok.ru/nlp/nejronnyye-seti-v-mashinnom-perevode-status-kvo/> (дата обращения: 13.07.2022).

- Прудников М. Н.** История государства и права зарубежных стран: Учебник для бакалавров / М. Н. Прудников. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013. 811 с.
- Апресян Ю. Д., Медникова Э. М., Петрова А. В. и др.** Новый Большой англо-русский словарь: в 3 т. М.: Рус. яз., 1998. Т. 2. 832 С.
- Black's Law Dictionary.** By Bryan A. Garner. 10th Edition for the iPhone and iPad. Thomson Reuters, 2014.
- Britannica, The Editors of Encyclopaedia "Instrument of Government". Encyclopedia Britannica, 23 Jun. 2019. URL: <https://www.britannica.com/event/Instrument-of-Government-England-1653>. Accessed 13 July 2022.
- Britannica, The Editors of Encyclopaedia "Test act". Encyclopedia Britannica, 23 Sep. 2019. URL: <https://www.britannica.com/topic/test-act>. Accessed 13 July 2022.

References

- Vlakhov S. I., Florin S. P.** The untranslatable in translation. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1980. 342 p. (in Russ.)
- Minyar-Beloruicheva A. P., Pokrovskaya M. E.** Interpretative approach to translation. Scientific research and development. Modern communication studies. Vol. 8, № 3. P. 13–19.
- Shveitser A. D.** Translation and Linguistics. Moscow, 1973. 280 p. (in Russ.)
- Jenks E.** The Book of English Law. Sixth Edition. John Mixrray (Publishers) Ltd., 1967. 376 p.

List of Dictionaries and Sources

- Akhmanova O. S.** The Dictionary of Linguistic Terms. Moscow: Sovetskaya ehntsiklopediya, 1969. 607 p. (in Russ.)
- Dmitrievskii N. P.** Laws passed during the English Civil Wars of 1640-1660. Moscow; Leningrad : USSR Acadimy of Sciences Publ., 1946. 382 p. (in Russ.)
- Ivanov A. A.** The History of State and Law of Foreign Countries: the manual for graduate law students. Moscow: YUNITI-DANA, 2012. 343 p. (in Russ.)
- Krashenninnikova N. A.** The History of State and Law of Foreign Countries: the textbook in 2 volumes. Moscow: Norma, 2010. Vol. 2. 816 p. (in Russ.)
- Matusov E.** Neural networks: status quo. URL: <https://sysblok.ru/nlp/nejronnye-seti-v-mashinnom-perevode-status-kvo/> (in Russ.)
- Prudnikov M. N.** The History of State and Law of Foreign Countries: the textbook for graduate students. 6th edition. Moscow: Yurait Press, 2013. 811 p. (in Russ.)
- Aprasyan, YU. D., Mednikova EH. M., Petrova A. V. et al.** New English-Russian Dictionary. In 3 volumes Moscow: Russky yazyk publishers. 1998. Vol. 2. 832 p.
- Black's Law Dictionary.** By Bryan A. Garner. 10th Edition for the iPhone and iPad. Thomson Reuters. 2014
- Britannica, The Editors of Encyclopaedia. "Instrument of Government" Encyclopedia Britannica, 23 Jun. 2019. URL: <https://www.britannica.com/event/Instrument-of-Government-England-1653>. Accessed 13 July 2022.
- Britannica, The Editors of Encyclopaedia. "Test act". Encyclopedia Britannica, 23 Sep. 2019. URL: <https://www.britannica.com/topic/test-act> . Accessed 13 July 2022.

Информация об авторах

Светлана Сергеевна Алешко-Ожевская, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Ирина Леонидовна Терновская, старший преподаватель кафедры иностранных языков юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Information about the Authors

Svetlana S. Aleshko-Ozhevskaya, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Foreign Languages Department, Law Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Irina L. Ternovskaya, Senior Lecturer, Foreign Languages Department, Law Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

*Статья поступила в редакцию 12.03.2023;
одобрена после рецензирования 17.07.2023; принята к публикации 19.07.2023*

*The article was submitted 12.03.2023;
approved after reviewing 17.07.2023; accepted for publication 19.07.2023*

Научная статья

УДК 811.111'25

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-4-156-167

Особенности передачи имен собственных в процессе аудиовизуального перевода (на материале англоязычного мультфильма «Мадагаскар»)

**Александра Меркулова¹
Анна Леонидовна Соломоновская²**

^{1,2}Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

¹a.merkulova1@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0009-0007-9112-3928>

²a.solomonovskaia@g.nsu.ru

Аннотация

Статья посвящена переводу с английского на русский язык имен собственных (ИС) в американском полнометражном мультфильме «Мадагаскар» (2005). Представлены результаты лингвокультурного анализа особенностей и способов передачи ИС в процессе дублированного аудиовизуального перевода в рамках стратегий сохранения, адаптации и опущения онимов. Наиболее продуктивной оказалась стратегия сохранения ИС, о чем свидетельствует больше половины представленных примеров. Это объясняется важностью ИС в сюжетной структуре анимационного фильма, стремлением переводчика сохранить смысл и замысел авторов исходного произведения, его культурную специфику. Авторы пришли к выводу, что для достижения адекватного и эквивалентного перевода ИС в дубляже требуется учитывать различные факторы, которые влияют на конечный выбор переводческого приема.

Ключевые слова

имя собственное, онимы, ономастика, аудиовизуальный перевод, мультипликационный фильм, переводческий прием, транскрипция, транслитерация, калькирование, описательный перевод, компенсация, адаптация, опущение

Для цитирования

Меркулова А., Соломоновская А. Л. Особенности передачи имен собственных в процессе аудиовизуального перевода (на материале англоязычного мультфильма «Мадагаскар») // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 4. С. 156–167. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-4-156-167

© Меркулова А., Соломоновская А. Л., 2023

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 4

Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2023, vol. 21, no. 4

Peculiarities of Transferring the Proper Names in the Process of Audiovisual Translation (based on the material of the English language cartoon “Madagascar”)

Alexandra Merkulova¹, Anna L. Solomonovskaya²

^{1,2}Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

¹a.merkulova1@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0009-0007-9112-3928>

²a.solomonovskaia@g.nsu.ru

Abstract

The article deals with the issue of translating proper names (PN) from English into Russian based on the American full-length cartoon “Madagascar” (2005). The results of the linguacultural analysis of the peculiarities and methods of PN transferring in the process of audiovisual translation within the framework of strategies for preserving, adapting and omitting onyms are presented. The PN preservation strategy proved to be most productive, as evidenced by more than half of the examples considered. This accounts for the importance of PN in the plot structure of the animated film, the translator’s aim to keep the meaning and intent of the authors’ original work and its cultural specificity. The authors of the article came to the conclusion that in order to achieve an adequate and equivalent translation of PN in dubbing, it is necessary to take into account various factors that affect the final choice of the translation technique.

Keywords

proper name, onyms, onomastics, audiovisual translation, animated film, translation technique, transcription, transliteration, calculus, descriptive translation, compensation, adaptation, omission

For citation

Merkulova A., Solomonovskaya A. L. Peculiarities of transferring the proper names in the process of audiovisual translation (based on the material of the English-language cartoon “Madagascar”) // *Vestnik NSU. Series: Linguistics, Intercultural communication*, 2023, vol. 21, no. 4, pp. 156–167. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-4-156-167

Введение

Одной из актуальных проблем современного переводоведения является анализ способов передачи ономастических единиц английского языка на русский язык в процессе аудиовизуального перевода мультипликационного дискурса. Особый интерес представляет исследование на материале дублированного перевода, который является наиболее популярным и продуктивным при работе с анимационными видеотекстами в большинстве стран мира.

Проблема перевода имен собственных (ИС) находится на пересечении лингвистики, переводоведения и лингвокультурологии и является актуальной, так как до сих пор нет единой стратегии их передачи на русский язык. Исследователи придерживаются мнения о том, что следует постепенно отказываться от нерегулярных соответствий и заменять их регулярными. Соблюдение этих правил необходимо для искоренения разноречия и самостоятельности в передаче ИС, исправления их искажений и некомпетентной передачи в переводах. Актуальность представленного исследования определяется трудностью перевода ИС, а также спецификой работы с данным лексическим пластом в аудиовизуальном переводе. Перевод мультфильмов является одним из самых сложных, а особенности передачи онимов в мультипликационных фильмах на русский язык связаны с лингвистическими и экстралингвистическими факторами.

Цель нашего исследования состоит в комплексном лингвокультурном анализе особенностей и способов передачи ИС в процессе дублированного аудиовизуального перевода мультипликационного фильма с английского на русский язык. В результате анализа предстоит также сделать вывод о факторах, влияющих на выбор переводческой стратегии и соответствующих ей переводческих приемов.

С ростом потребности в анализе аудиовизуальных видеовербальных текстов число публикаций по данной теме увеличилось. Основные принципы передачи ИС в аспекте межкультурной коммуникации зафиксированы в монографии Д. И. Ермоловича «Имена собственные: теория и практика межкультурной передачи» [2005], практическая часть которой впоследствии неоднократно дополнялась и переиздавалась. Автор опирался на рекомендации и примеры из справочника Р. С. Гиляревского и Б. А. Старостина [1985].

В нашей статье, посвященной лингвокультурному анализу кинодиалога мультфильма «Мадагаскар», мы делали первые попытки рассмотрения вопросов перевода культурно значимых ИС [Меркулова, 2022].

И. Б. Матюхин прослеживал основные тенденции в переводе ИС в зарубежных мультсериалах, сложившиеся в России в конце XX – начале XXI века. Получилось, что в наше время ИС уделяется все меньше внимания, что означает преобладание такого способа перевода, как транскрибирование ИС с английского языка без передачи их смысла на русский язык. Если ранее переводчики старались полностью заменять необычные или неблагозвучные ИС на более привычные для русскоязычной аудитории аналоги, то сейчас наблюдается отказ от замены в пользу транскрипции, а в редких случаях используются калькирование или замена, причем они не всегда удачные [Матюхин, 2019].

С. А. Давыдова и В. В. Коростик, проанализировав способы передачи ИС при переводе на русский язык, пришли к выводу, что нейтральные ИС в мультфильмах переводят при помощи транскрипции и транслитерации, а так называемые «говорящие» имена (описательные, ассоциативные, пародийные) чаще всего частично либо полностью калькируются или подвергаются транскреации [Давыдова, Коростик, 2021], т. е. адаптируются с сохранением «динамической эквивалентности» перевода.

А. П. Мельникова и О. С. Андреева изучали прецедентные феномены (в том числе прецедентные имена на примере мультфильма «Мадагаскар») при переводе анимационных фильмов для детей. Авторы сделали выводы о факторах, которые влияют на выбор стратегий перевода, и заключили, что наиболее удачными приемами передачи таких единиц являются компенсация, генерализация, конкретизация, и, в некоторых случаях, опущение информации [Мельникова, Андреева, 2021].

И. П. Рюмкина и В. С. Каллаур в ходе сравнительного анализа особенностей перевода значимых антропонимов англоязычных мультипликационных фильмов на русский и корейский языки акцентируют внимание на том, что «говорящие имена» дают дополнительную характеристику персонажам, поэтому они играют важную роль при переводе в детских произведениях. При переводе на русский язык чаще используется лексическая замена, а на корейский – транскрипция, ввиду большого числа заимствований из английского языка [Рюмкина, Каллаур, 2022].

А. П. Кононова рассматривала особенности перевода ИС англоязычного мультфильма в русле классических стратегий доместикации (адаптация ИС) и форенизации (сохранение ИС) [Кононова, 2023]. Учитывая тот факт, что в переводоведении нет устойчивой направленности по применению приемов перевода ИС, автор отметила, что в некоторых случаях возможны сочетания нескольких методов и одновременное их использование.

В качестве материала для исследования использован американский полнометражный мультфильм киностудии Dreamworks animation «Мадагаскар» (2005). Анализ был проведен на базе оригинального сценария (скрипта) и дублированного перевода, выполненного российской кинокомпанией «Невафильм» (переводчик – Ольга Воейкова). Данный мультипликационный фильм неоднократно становился объектом анализа отечественных [Вульпя, 2015; Камалетдинова, Плохих, Путилина, 2021; Каразия, Раджабова, 2021; Мартынова, Ораева, 2022; Мельникова, Андреева, 2021] и зарубежных [Божек, 2011; Łabendowicz, 2012; Szymańska, 2013] исследователей, ввиду его популярности и насыщенности инолингвокультурным субстратом. В результате сплошной выборки по полному тексту на исходном (английском) и переводящем

(русском) языке (общий хронометраж 86 минут) нами выявлено 62 ИС, основная часть которых относится к антропонимам, топонимам и урбанонимам.

Новизна работы заключается в обращении к анимационному видеовербальному тексту «Мадагаскар» как к объекту лингвокультурного анализа для описания способов и особенностей передачи ИС с английского на русский язык. Изучение и систематизация предыдущих литературных источников показали, что данный мультфильм использовался в рамках лингвистического или культурологического анализа, но эти исследования носили фрагментарный характер или были посвящены другим аспектам.

Следует отметить, что большинство существующих статей описывают способы перевода и этимологические особенности исключительно имен *персонажей* анимационных кинолент [Миронова, Пархоменко, 2017; Чоботова, 2017; Сафина, 2020; Томилина, 2017; Топорова, 2020; Миронова, Шейфель, 2021], а не ИС как разряд безэквивалентной культурно значимой лексики. Следовательно, корпус практических исследований, посвященных переводу ИС как культурно значимой категории реалий именно в мультипликации в аспекте аудиовизуального перевода все еще требует пополнения и детализации.

Результаты исследования

До настоящего момента не дифференцировано место ИС в общей структуре безэквивалентной лексики. Споры ученых лежат в плоскости включения ономастических языковых единиц в поле реалий (В. С. Виноградов) или исключения их из указанной категории (С. Влахов и С. Флорин). Нам представляется более разумным подход, при котором ИС, или онимы, все же являются частью типологии реалий, что упрощает их изучение и классификацию.

Перевод ИС в аудиовизуальном мультипликационном тексте имеет свою специфику, поскольку накладывает ряд ограничений на выбор переводческой трансформации. В отличие от художественного произведения литературного жанра, аудиовизуальный переводчик дубляжа не сможет применять комментарии, сноски и другие расширенные способы объяснений онима, незнакомого для зрителей. Он также ограничен спецификой аудиовизуального перевода в части хронометража, артикуляции, визуального и аудиоряда, контекста мультфильма, учетом особенностей принимающей культуры, традиций, особенностями целевой аудитории и т. д.

В современном переводе существуют различные типологии переводческих трансформаций, над которыми работали отечественные ученые: Л. С. Бархударов, А. И. Клишин, В. Н. Комиссаров, В. В. Кабакчи, Т. А. Казакова, Л. К. Латышев, Т. Р. Левицкая, Р. К. Миньяр-Белоручев, Я. И. Рецкер, А. М. Фитерман, А. Д. Швейцер и др. Надо понимать, что любое описание переводческих приемов условно, так как до сих пор не существует их универсальной, единой и полной классификации. В реальной практике аудиовизуальные переводчики очень часто используют различные комбинации этих приемов (метод параллельного подключения), что позволяет более полно передавать заложенный автором смысл исходного видеовербального текста.

В общем смысле в арсенале переводчика есть три основных направления работы с наименованиями: прямой перевод, трансформация и замена, т. е. ИС могут быть сохранены, адаптированы или опущены при переводе. Каждой из обозначенных стратегий присущи свои переводческие трансформации.

В ходе данного исследования методом сплошной выборки были отобраны 62 примера ономастических единиц. Изучение и классификация собранного материала позволила установить, что больше чем в половине случаев (37 из 62) ИС сохраняются при переводе в том или ином виде. Адаптация – вторая по популярности группа примеров, которая составила 20 из 62 единиц. Опускание – довольно редко применимый способ передачи ИС, что объясняется важно-

стью ономастической лексики в аудиовизуальных произведениях. Поэтому в нашем исследовании таким способом переведены, (вернее, не переведены), всего 4 из 62 онимов.

Стратегия «**сохранения имени**» [Кокунова, 2013, с. 36] реализуется в таких приемах, как трансплантация (перенос и сохранение ИС в оригинальной иноязычной форме), заимствование (транскрипция и транслитерация), лексическое расширение, дословный перевод (использование утвержденного словарного соответствия, транспозиция), калькирование и полукалькирование (гибридные образования) [Кабакчи, Белоглазова, 2012. С. 34]. Следует отметить, что данная стратегия эффективна только при условии, что именуемое явление хорошо известно реципиентам. Она применяется при отсутствии конфликта формы и содержания, а также непереводаемых культурно-маркированных компонентов. При этом структурные и концептуальные элементы рабочей пары языков соотносимы между собой.

Доминирующими приемами при переводе имен собственных в мультипликационном фильме выступают **транслитерация** и **транскрипция**. К примеру, имена и фамилии всех персонажей мультфильма переданы именно этими способами: *Alex* – Алекс, *Marty* – Марти, *Gloria* – Глория, *Melman Mankiewicz* – Мэлман Манкевич, *Mort* – Морт, *Julien* – Джулиан, *Maurice* – Морис, *Rico* – Рико, *Kowalski* – Ковальски, *Willie* – Вилли, *Stevie* – Стиви, *Howard* – Хавард 1, *Phil* – Фил, *Dr. Goldberg* – Доктор Голдберг. Исключение составляет только пингвин по кличке *Private* – Пранпор, имя которого перевели с помощью контекстуальной замены. Интересно, что в мультсериале, посвященном отдельно пингвинам из Мадагаскара, его называют Рядовым, что является более адекватным вариантом перевода данного воинского звания.

Кроме того, указанные методы перевода характерны и для передачи топонимов: *Madagascar* – Мадагаскар, *Antarctica* – Антарктика, *Africa* – Африка, *Lexington* – Лексингтон, *Manhattan* – Манхэттен, *San Diego* – Сан-Диего, *Lincoln Center* – Линкольн-центр.

Узнав из газеты случайного пассажира метро о проигрыше своей любимой баскетбольной команды, лев Алекс говорит: “Aw! *Knicks* lost again”. – «Ох! «**Нукс**» опять проиграли». Здесь спортивная реалья, не подкреплённая необходимыми фоновыми знаниями культурологического характера, а также контекстом и видеорядом, может быть потеряна для понимания аудитории [Меркулова, 2022].

Следует уточнить, что часто транскрипция и транслитерация используются в комбинации с другими приемами, например, с **лексическим расширением**. Так, в следующем примере уточняется, что *Park* – это название улицы, а не обширная озелененная зона для отдыха: *What about Park?* – А может, по **Парк Авеню**? Такое решение переводчика можно объяснить стремлением обеспечить аудитории адекватное восприятие этой фразы. Встречается и обратная ситуация, когда какой-либо компонент ИС является избыточным, по мнению переводчика, и опускается в дубляже: *New York City* – Нью-Йорк. В данном примере «ономастический классификатор» [Кабакчи, Белоглазова, 2012, с. 133], при условии его сохранения в переводе, позволил бы реципиентам понять, что речь идет именно о городе, а не об одноименном штате Америки. Тем не менее, перевод все равно можно считать удачным, так как прагматическая функция для зрителей сохранена: они и так понимают значение ИС из контекста, потому что события мультфильма происходят в г. Нью-Йорке.

Наименьшее количество сложностей для переводчика представляют собой ИС, которые имеют утвержденные словарные соответствия: *Spain* – Испания, *Lady Liberty* – Статуя Свободы. Словарная **транспозиция** используется, главным образом, при передаче топонимов и фраз с ними (*New York* – Нью-Йорк, *California animals* – Калифорнийские животные), урбанонимов и некоторых личных имен и фамилий (*Skipper* – Шкипер).

Другим распространенным приемом передачи ономастической лексики является **калькирование**, которое за счет сохранения смысла имени собственного позволяет передать автор-

¹ В данном случае более удачной моделью перевода нам представляется не транскрипционная, а транслитерированная: *Howard* – Ховард или Говард.

ский замысел [Ермолович, 2005]. Некоторые топонимы в мультфильме переданы с помощью этого способа: *Fifth Avenue* – *Пятая авеню*, *West 42nd* – *Западная 42-я*, *the San Diego Zoo* – *зоопарк в Сан-Диего*. Калькирование также может использоваться в комбинации с другими приемами, например, с заменой: *the San Di-lame-o Zoo* – *Зоопарк Сан-Ди-тпрущобы*.

Интересным представляется отдельно рассмотреть урбаноним *Grand Central (Station)*, который упоминается в 6 высказываниях и передается различными способами, в зависимости от речевой ситуации. Например, калькирование данного ИС помогает сохранить комический эффект, общий ритм и рифму целой реплики:

Grand Central Station! It's grand and it's central. – *Большой центральный вокзал!* Такой большой и такой центральный!

Did that say «*Grand Central Station*» or «my aunt's constipation»? – Оно сказала: «*Большой центральный вокзал*» или «*Большой сильно вонял*»?

При указании направления движения или вопросах, связанных с тем, как добраться до обозначенного урбанонима, перевод выполнялся с помощью калькирования с лексическим расширением (уточнением в виде «ономастического классификатора» [Кабакчи, Белоглазова, 2012. С. 133]) или опущением:

It's a straight shot down Fifth Avenue to *Grand Central*. – По Пятой авеню, напрямик до *Большого центрального вокзала*.

What you got to do is you got to go over to *Grand Central*. – Чтобы туда попасть... надо добраться до *Большого центрального вокзала*.

What's the fastest way to *Grand Central*? – Как быстрее попасть на *Центральный вокзал*?

В новостном репортаже описываемое ИС передано с помощью приема генерализации, что предположительно объясняется рамками хронометража и наличием контекста для понимания урбанонима: Last night's dramatic incident in *Grand Central* is an example of what animal rights wackos have been shouting for years. – Вчерашний инцидент на *вокзале* – яркое доказательство того, о чём постоянно твердят эти помешанные на правах животных.

Случаев **трансплантационного перевода** в ходе нашего анализа обнаружено не было.

В основе стратегии «**адаптации**» лежит механизм замены единицы исходного текста единицей из принимающей лингвокультуры с аналогичными коннотациями и, по возможности, сходными культурными смыслами. Такая прагматическая цель может находить отражение в лексико-грамматических заменах разного рода. К ним относятся генерализация, конкретизация, функциональный аналог, контекстуальная или онимическая замена (замена ИС другим именем на языке оригинала), модуляция, неологизм, компенсация, описательный перевод (объяснение), антонимический перевод.

Если контекст произведения позволяет, то переводчик может использовать принцип приблизительного перевода по родовидовому соответствию, иначе говоря, **генерализацию**. Однако в ряде ситуаций обобщающий перевод может быть неточным, поэтому переводчику следует использовать комбинацию переводческих трансформаций и проводить лингвокультурный анализ на подготовительном этапе работы, т. е. на «этапе понимания аудиовизуального дискурса» [Козуляев, 2019. С. 50]. К примеру, высказывание льва Алекса о предстоящей борьбе за зрителей с самым звездным животным во всей Америке в официальном дубляже передали через генерализацию, а всю фразу дополнили описательным переводом для сохранения прагматического и экспрессивного эффекта: *Now I'll have to compete with Shamu and his smug little grin*. – *Мне придётся тягаться с их дельфином. С этой их кинозвездой. С его наглой ухмылочкой!* Поиск информации в сети Интернет позволил уточнить, что Шаму – это не дельфин, а касатка из тематического парка SeaWorld в г. Сан-Диего, которая была очень популярна среди посетителей в 1960-х гг. [Меркулова, 2022. С. 425]. Поэтому для сохранения национально-культурной составляющей ИС логично было бы использование транслитерации с лексическим расширением: «Теперь мне придется тягаться с касаткой *Шаму* и его ехидной ухмылочкой». Фактор несовпадения по липсингу скорее всего не учитывался. Ошибку пере-

водчиков мы также исключаем, а их выбор лексической единицы «дельфин» объясняем культурно-социальными условиями: в РФ дельфинарии более популярны и распространены, чем тематические парки с касатками.

Близким к генерализации по прагматической функции является прием **контекстуальной** или **онимической замены**: *on Animal Planet!* – в *Мире животных*, *on the way to Connecticut* – *отправилась на восток*, *Popsicle sticks* – *напочки от эскимо*, *the Metro-North train* – *поезд, идущий на восток*, *like a Puffy party* – как *рэпперский тусняк*, *in the Big Apple* – в *большом городе*; *Canada. Cheap meds.* – *В Кумай! Восточная медицина*.

К описательному переводу специалист прибегает в тех моментах, когда стремится достичь адекватного и эквивалентного восприятия зрителями всех нюансов оригинального текста, а ИС совершенно незнакомо реципиенту или не обладает для него эмоциональной нагрузкой: *You're on the Jersey side of this cesspool!* – *Район гнилых трущоб и захолустье!* *Looks like I'm gonna have to take the Stamford local.* – *Теперь придётся тащиться со всеми остановками.*

Большим потенциалом при переводе ИС обладает **компенсация**, т. е. переводческий прием, при котором исходная языковая единица передается в переводе элементами другого порядка, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в оригинале. Примерами такого компенсирующего перевода могут быть следующие: *Hoover Dam!* – *Фугас мне в глаз!* *Lyme disease* – *Геморрой*; *Ziploc fresh* – *Из морозильника*; *wide-open spaces in Connecticut* – *дикая природа на Брайтон Бич*; *Casa del Wild* – *вилла Де ля Воля*; *Chrysler Building* – *здание ООН*; *Tom Wolfe is speaking.* – *лекция об анархии в обществе*; *They're on a slow lifeboat to China.* – *Тихим ходом, на шлюпке бороздят океан*. Из-за отсутствия прямых и функциональных аналогов при использовании этого приема переводчику приходится проявлять творчество и фантазию.

В некоторых случаях переводчик вправе воспользоваться стратегией «опущения», т. е. не упоминать то или иное ИС в конечной версии перевода. К таким случаям относятся следующие ситуации.

1. ИС не влияет на содержание и смысл, не играет важной роли в произведении или передача прагматического смысла ИС является невозможной:

Shut up, Spalding! – *Ну, чё лыбишься?*

It's on your left after Vanderbilt. – *Он у тебя будет по левому боку.*

2. Значение ИС определяется контекстом или видеорядом:

Night, Glo. – *Спокойной ночи.*

3. Значение ИС определяется тема-рематическим принципом:

What about Park? – *А может, по Парк Авеню?*

No, Park goes two ways. You can't time the lights. – *Нет, там на светофорах много времени теряем.*

Как видно из примеров выше, данный метод может применяться для разных видов ономастических единиц, например, антропонимов или топонимов.

Таким образом, рассматривая ИС в системе языковых реалий, можно сделать вывод о том, что при переводе их с английского на русский язык в дубляже аудиовизуального мультипликационного произведения используются различные переводческие трансформации в рамках трех основных стратегий: сохранение, адаптация или опущение ИС. В большинстве случаев переводчики придерживаются курса на сохранение исходного ИС. Если этого сделать не удастся, то применяют адаптационные приемы, а опущение используют крайне редко. Продуктивным показал себя комбинированный способ передачи ИС, который предполагает высокую степень профессионализма и креативности переводчика.

Заключение

Анализ особенностей и способов передачи ИС в процессе аудиовизуального перевода мультфильма «Мадагаскар» с английского на русский язык показал, что доминирующей стратегией в дубляже является сохранение ИС, что позволяет передать авторский замысел, не нарушив систему образов, художественных средств, благозвучность, стиль и национально-культурную специфику оригинала. Среди доступных и наиболее продуктивных приемов передачи ИС в аниматографе первенство сохраняют транскрипция и транслитерация, которые часто применяются в комбинациях с другими вспомогательными методами. Такой подход хорошо реализуется при условии, что ИС принадлежит к широко известным универсальным феноменам, или обусловлено глобализацией культуры. Если переводчик не уверен в степени осведомленности реципиентов с тем или иным ИС, то есть смысл адаптировать его в соответствии с доминирующей в принимающей культуре традицией. В таком случае различного рода антропонимы, топонимы, урбанонимы и другие ИС, проходя через лексико-грамматические трансформации, становятся ближе и понятнее зрителям мультфильма. Выбор способа перевода и общая стратегия передачи ИС в дубляже анимационного фильма также определяется наличием зафиксированного в словарях эквивалента перевода; необходимостью учитывать национальные особенности языка-оригинала ИС, особенности языка происхождения ИС на всех уровнях (фонетическом, морфологическом, грамматическом, лексическом, стилистическом и др.), исторически сложившиеся традиции, тип и семантику ИС, степень образованности и знакомства целевой аудитории с культурой страны-первоисточника, степень визуализации ИС непосредственно на экране, важность ИС в структуре произведения.

Перспективой исследования может стать лингвокультурный анализ особенностей и способов передачи ИС на материале других частей мультипликационной франшизы «Мадагаскар», других анимационных видеовербальных текстов массовой культуры, а также сопоставительный анализ перевода ИС в языковой паре русский-английский, что позволит сделать более достоверными выводы о выборе переводческих приемов для подачи онимов в дублированном аудиовизуальном переводе.

Список литературы

- Божек Д.** Полонизация в переводческом творчестве Бартоша Вежбенты (на основе польско-язычных версий мультфильмов «Побег из курятника», «Подводная братва», «Мадагаскар», «Мадагаскар II»): Дис. ... магистра филол. наук / Д. Божек. Краков, 2011. 67 с.
- Вульпя Е. В.** Анализ лексических трансформаций в переводе мультфильмов на примере мультфильма «Мадагаскар» // Молодой ученый. 2015. № 10 (90). С. 1374–1377.
- Гиляревский Р. С.** Иностранные имена и названия в русском тексте / Р. С. Гиляревский, Б. А. Старостин. М.: Высшая школа, 1985. 303 с.
- Давыдова С. А.** Особенности передачи имен собственных персонажей мультфильмов на русский язык / С. А. Давыдова, В. В. Коростик // Актуальные научные исследования в современном мире. Ноябрь 2021. Переяслав, 2021. Вып. 11 (79), ч. 7. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/272917/1/%d0%94%d0%b0%d0%b2%d1%8b%d0%b4%d0%be%d0%b2%d0%b0.pdf> (дата обращения: 23.05.2023)
- Ермолович Д. И.** Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи: Монография, 1-е изд. / Д. И. Ермолович. М.: Р. Валент, 2005. 416 с.
- Кабакчи В. В.** Введение в интерлингвокультурологию: Учеб. пособие / В. В. Кабакчи, Е. В. Белоглазова. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2012. 252 с.
- Камалетдинова А. И.** Трудности дублированного перевода англоязычных фильмов / А. И. Камалетдинова, Е. Д. Плохих, Е. А. Путилина // Актуальные проблемы теории языка и

- лингводидактики. Серия: Лингвистика. Вып. 1 (26) / Под ред. А. И. Фефилова. Ульяновск, 2021. С. 168–171.
- Каразия Н. А.** Проблема перевода стилистических средств создания комического эффекта в произведениях детского киноискусства на русский язык (на материалах американских мультфильмов) / Н. А. Каразия, Л. М. Раджабова // Вестник Краунц. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 1 (37). С. 27–32.
- Козуляев А. В.** Интегративная модель обучения аудиовизуальному переводу (английский язык): Дис. ... канд. пед. наук / А. В. Козуляев. М., 2019. 212 с.
- Кокунцова Ю. В.** Перевод культурнозначимых имен собственных в кино // Эрратология: теория ошибок и переводческих несоответствий. Методика преподавания. Перевод и сопоставительная лингвистика. 2013. Вып. 9. С. 35–39.
- Кононова А. П.** Имена собственные и способы их перевода (на примере мультфильма Пита Доктера «Головоломка») // Молодые ученые России: Сб. ст. XVII Всероссийской науч.-практ. конференции. Пенза: Наука и просвещение / отв. ред. Г. Ю. Гуляев. 2023. С. 102–104.
- Мартынова И. Н.** Лексические особенности перевода кинодиалогов с английского языка на русский (на примере комедийных мультфильмов) / И. Н. Мартынова, О. Г. Ораева // Актуальные вопросы межкультурной коммуникации и зарубежной литературы: Сб. науч. ст. по материалам XXXII Междунар. науч.-практ. конференции 21–22 апреля 2022 г. / отв. редакторы Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева. Чебоксары, 2022. С. 193–197.
- Матюхин И. Б.** Перевод мультсериалов: проблема перевода имен собственных // Вестник науки и образования. 2019. № 19 (73), ч. 1. С. 65–67.
- Мельникова А. П.** Проблема передачи прецедентных феноменов при переводе анимационных фильмов для детей / А. П. Мельникова, О. С. Андреева // Педагогическое образование на Алтае. 2021. № 1. С. 70–75.
- Меркулова А.** Особенности перевода культурно значимых имен собственных в мультипликационных фильмах // Сб. тезисов в 2 ч.: 1 ч. XLVII Науч.-практ. конференции студентов «Мир культуры глазами молодых исследователей» 18–23 апреля 2022 г. / Под. ред. А. Ю. Мельниковой. Пермь, 2022. С. 422–426.
- Миронова Г. В.** Особенности передачи имен собственных при переводе (на примере перевода персонажей мультфильма «Зверополис») / Г. В. Миронова, Е. В. Пархоменко // Лучшая научно-исследовательская работа-2017: Сб. ст. XIV междунар. науч.-практ. конкурса, Пенза, 25 дек. 2017 г. / отв. ред. Г. Ю. Гуляев. Пенза, 2017. С. 139–142.
- Миронова Г. В.** О приемах перевода имен персонажей мультфильмов (на примере анализа имен франшизы «История игрушек») / Г. В. Миронова, Н. А. Шейфель // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания: науч.-метод. журнал. Киров, 2020. № 1 (16). С. 77–82.
- Рюмкина И. П.** Особенности перевода значимых антропонимов англоязычных мультипликационных фильмов на русский и корейский языки / И. П. Рюмкина, В. С. Каллаур // Картина мира в системно-структурном и антропоцентрическом аспектах: Поиски общих закономерностей: Сб. материалов XI Всероссийской науч.-практ. конференции, Биробиджан, 30 ноября 2022 г. С. 160–165.
- Сафина А. А.** Специфика выбора способа перевода имен собственных в мультфильмах и мультсериалах // Сб. науч. труд. по материалам XXVI междунар. научн. конференции European scientific conference Анапа, 29 июня 2020 г. Анапа, 2020. С. 75–79.
- Томилина М. В.** Этимологические особенности перевода имен собственных в тексте мультфильма «Зверополис» // Оренбург: Шаг в науку. 2017. № 2. С. 243–246.
- Топорова А. И.** Особенности перевода имен собственных в детских мультсериалах // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: Сб. материалов VII (XXI) Междунар. науч.-практ. конференции молодых ученых (16–18 апреля 2020 г.). Вып. 21. Томск, 2020. С. 26–30.

- Чоботова В. О.** Виды передачи имен собственных при переводе англоязычных мультипликационных фильмов на русский язык // Сб. науч. тр. по материалам конференции «Ломоносов 2017», секция «Перевод и переводоведение» 10–14 апреля 2017. М.: МАКС Пресс, 2017. С. 1–3.
- Labendowicz O.** Translating Culture: Translating Cultural Aspects in Audiovisual Translation as Exemplified by the Polish Version of an Animated Film Madagascar. Łódź: Academia, 2012. 37 p.
- Szymańska M.** Domestication+Foreignisation=? A Nontraditional Approach to Audiovisual Translation. – Szczecin: Volumina. pl Daniel Krzanowski, 2013. 71 p.

References

- Bozhek D.** Polonizatsiya v perevodcheskom tvorchestve Bartosha Vezhbenty (na osnove pol'skoyazychnykh versii mul'tfil'mov Pobeg iz kuryatnika, Podvodnaya bratva, Madagascar, Madagascar II [Polonization in the translation work of Bartosz Wierzbenta (based on the Polish-language versions of the cartoons Escape from the Chicken Coop, Underwater Bratva, Madagascar, Madagascar II)]; dis. ... Master of Philology / D. Bozhek. – Krakow, 2011. 67 p. (in Russ.)
- Chobotova V. O.** Vidy peredachi imen sobstvennykh pri perevode angloyazychnykh mul'tiplikatsionnykh fil'mov na russkii yazyk [Types of proper names transmission when translating English-language animated films into Russian] // collection of scientific work. based on the materials of the conference “Lomonosov 2017”, section “Translation and Translation Studies” April 10-14, 2017. – Moscow: MAKSS Press, 2017. Pp. 1–3. (in Russ.)
- Davydova S. A.** Osobennosti peredachi imen sobstvennykh personazhei mul'tfil'mov na russkii yazyk [Features of the transfer of the proper names of cartoon characters into Russian] / S. A. Davydova, V. V. Korostik // Actual scientific research in the modern world. – Pereyaslav, 2021. Issue 11 (79), part 7. November 2021. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/272917/1/%d0%94%d0%b0%d0%b2%d1%8b%d0%b4%d0%be%d0%b2%d0%b0.pdf> (date of reference: 23.05.2023). (in Russ.)
- Ermolovich D. I.** Imena sobstvennye: teoriya i praktika mezh'yazykovoï peredachi [Proper names: theory and practice of interlanguage transmission]: monograph, 1st ed. / D. I. Ermolovich. M.: R. Valent, 2005. 416 p. (in Russ.)
- Gilyarevsky R. S.** Inostrannye imena i nazvaniya v russkom tekste [Foreign names and titles in the Russian text] / R. S. Gilyarevsky, B. A. Starostin. M.: Higher School, 1985. 303 p. (in Russ.)
- Kabakchi V. V.** Vvedenie v interlingvokul'turologiyu [Introduction to interlinguoculturology]: studies. manual / V. V. Kabakchi, E. V. Beloglazova. – St. Petersburg : Publishing House of SPbGUEF, 2012. 252 p. (in Russ.)
- Kamaletdinova A. I.** Trudnosti dublirovannogo perevoda angloyazychnykh fil'mov [Difficulties of dubbed translation of English-language films] / A. I. Kamaletdinova, E. D. Plokhikh, E. A. Putilina // Actual problems of the theory of language and linguadidactics. Series: Linguistics. – Issue 1 (26) / edited by A. I. Fefilov. Ulyanovsk, 2021. Pp. 168–171. (in Russ.)
- Karasia N. A.** Problema perevoda stilisticheskikh sredstv sozdaniya komicheskogo effekta v proizvedeniyakh detskogo kinoiskusstva na russkii yazyk (na materialakh amerikanskikh mul'tfil'mov) [The problem of translating stylistic means of creating a comic effect in children's cinema works into Russian (based on materials of American cartoons)] / N. A. Karasia, L. M. Radjabova // Journal collection of scientific works of Krassec (Herald of Kraunts). Series: The Humanities. 2021. № 1 (37). Pp. 27–32. (in Russ.)

- Kokunova Yu. V.** Perevod kul'turnoznachimyykh imen sobstvennykh v kino [Translation of culturally significant proper names in cinema] // Erratology: theory of errors and translation inconsistencies. Teaching methods. Translation and comparative linguistics. 2013. Issue 9. Pp. 35–39. (in Russ.)
- Kononova A. P.** Imena sobstvennye i sposoby ikh perevoda (na primere mul'tfil'ma Pita Doktera «Golovolomka») [Proper names and ways of their translation (on the example of the cartoon by Pete Docter “Inside Out”)] // Young scientists of Russia: collection of Articles of the XVII All-Russian Scientific and Practical Conference. Penza: Science and Enlightenment / editor G. Y. Gulyaev. 2023. Pp. 102–104. (in Russ.)
- Kozulyaev A. V.** Integrativnaya model' obucheniya audiovizual'nomu perevodu (angliiskii yazyk) [Integrative model of teaching audiovisual translation (English)] : Cand. Pedagogical Sci. Diss. / A.V. Kozulyaev. M., 2019. 212 p. (in Russ.)
- Labendowicz O.** Translating Culture: Translating Cultural Aspects in Audiovisual Translation as Exemplified by the Polish Version of an Animated Film Madagascar. Łódź: Academia, 2012. 37 p. (in Eng.)
- Martynova I. N.** Leksicheskie osobennosti perevoda kinodialogov s angliiskogo yazyka na russkii (na primere komediinykh mul'tfil'mov) [Lexical features of translation of film dialogues from English into Russian (on the example of comedy cartoons)] / I. N. Martynova, O. G. Oraeva // Topical issues of intercultural communication and foreign literature: collection of scientific articles based on the materials of the XXXII International Scientific and Practical Conference on April 21–22, 2022 / editors N. V. Kormilina, N. Y. Shugaeva. Cheboksary, 2022. Pp. 193–197. (in Russ.)
- Matyukhin I. B.** Perevod mul'tserialov: problema perevoda imen sobstvennykh [Translation of animated series: the problem of translating proper names] // Bulletin of Science and Education. 2019. № 19 (73), Part 1. Pp. 65–67. (in Russ.)
- Melnikova A. P.** Problema peredachi pretsedentnykh fenomenov pri perevode animatsionnykh fil'mov dlya detei [The problem of transmission of precedent phenomena in the translation of animated films for children] / A. P. Melnikova, O. S. Andreeva // Pedagogical education in Altai. 2021. No. 1. Pp. 70–75. (in Russ.)
- Merkulova A.** Osobennosti perevoda kul'turno znachimyykh imen sobstvennykh v mul'tiplikatsionnykh fil'makh [Features of the translation of culturally significant proper names in animated films] // collection of theses in 2 parts: 1 h. XLVII Scientific and Practical conference of students “The World of culture through the eyes of young researchers” April 18–23, 2022 / edited by A. Yu. Melnikova. Perm, 2022. Pp. 422–426. (in Russ.)
- Mironova G. V.** Osobennosti peredachi imen sobstvennykh pri perevode (na primere perevoda personazhei mul'tfil'ma «Zveropolis») [Features of the transfer of proper names in translation (by the example of the translation of the characters of the cartoon “Zveropolis”)] / G. V. Mironova, E. V. Parkhomenko // The best research work-2017 : collection of Art. XIV International scientific and practical competition, Penza, 25 Dec. 2017 / ed. by G. Y. Gulyaev. Penza, 2017. Pp. 139–142. (in Russ.)
- Mironova G. V.** O priemakh perevoda imen personazhei mul'tfil'mov (na primere analiza imen franshizy «Istoriya igrushek») [On the techniques of translating the names of cartoon characters (on the example of analyzing the names of the Toy Story franchise)] / G. V. Mironova, N. A. Sheifel // At the intersection of languages and cultures. Topical issues of humanitarian knowledge: scientific method. journal. Kirov, 2020. № 1 (16). Pp. 77–82. (in Russ.)
- Ryumkina I. P.** Osobennosti perevoda znachimyykh antroponimov angloyazychnykh mul'tiplikatsionnykh fil'mov na russkii i koreiskii yazyki [Features of translation of significant anthroponyms of English-language animated films into Russian and Korean languages] / I. P. Ryumkina, V. S. Kallaur // The picture of the world in system-structural and anthropocentric aspects: The search for common patterns: collection of materials of the XI All-Russian Scientific and Practical Conference, Birobidzhan, November 30, 2022. Pp. 160-165. (in Russ.)

- Safina A. A.** Spetsifika vybora sposoba perevoda imen sobstvennykh v mul'tfil'makh i mul'tserialakh [Specificity of the choice of the method of translation of proper names in cartoons and animated series] // sb. nauch. trud. based on the materials of the XXVI International Scientific Conference European scientific conference Anapa, June 29, 2020. Pp. 75–79. (in Russ.)
- Szymańska M.** Domestication+Foreignisation=? A Nontraditional Approach to Audiovisual Translation. – Szczecin: Volumina. pl Daniel Krzanowski, 2013. 71 p. (in Eng.)
- Tomilina M. V.** Etimologicheskie osobennosti perevoda imen sobstvennykh v tekste mul'tfil'ma «Zveropolis» [Etymological features of the translation of proper names in the text of the cartoon «Zveropolis»] // Orenburg: Step into science. 2017. No. 2. Pp. 243–246. (in Russ.)
- Toporova A. I.** Osobennosti perevoda imen sobstvennykh v detskikh mul'tserialakh [Features of the translation of proper names in children's animated series] // Actual problems of linguistics and literary studies: collection of materials of the VII (XXI) International Scientific and Practical Conference of Young Scientists (April 16-18, 2020). Issue 21. Tomsk, 2020. – Pp. 26–30. (in Russ.)
- Vulpya E. V.** Analiz leksicheskikh transformatsii v perevode mul'tfil'mov na primere mul'tfil'ma «Madagaskar» [Analysis of lexical transformations in the translation of cartoons on the example of the cartoon «Madagascar»] // Young scientist. 2015. № 10 (90). Pp. 1374–1377. (in Russ.)

Информация об авторах

Александра Меркулова, аспирант Гуманитарного института Новосибирского государственного университета

Анна Леонидовна Соломоновская, кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации, кафедры английского языка Гуманитарного института Новосибирского государственного университета

Information about the Authors

Aleksandra Merkulova, Postgraduate, Novosibirsk State University

Anna L. Solomonovskaya, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor (Department of Intercultural Communication and Department of English at Novosibirsk State University)

Вклад авторов

Александра Меркулова – отбор и анализ материала, разработка концепции исследования, написание исходного текста.

Анна Леонидовна Соломоновская – анализ и обобщение материала, формулирование выводов, редактирование и подготовка окончательной версии текста.

Contribution of the Authors

Aleksandra Merkulova selected and analyzed the material, developed the methodology and approach, prepared the first draft of the article.

Anna L. Solomonovskaya analyzed and generalized the material of the study, drew final conclusions, edited the text and prepared the final draft of the article.

Статья поступила в редакцию 31.05.2023;

одобрена после рецензирования 05.09.2023; принята к публикации 08.09.2023

The article was submitted 31.05.2023; approved after reviewing 05.09.2023;

accepted for publication 08.09.2023

Правила оформления текста рукописи

Авторы представляют статьи на русском языке объемом от 0,5 печатного листа (20 тыс. знаков, шрифт 14, межстрочный интервал 1,5) до 1 авторского листа (40 тыс. знаков) включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190×270 мм = $\frac{1}{6}$ авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором.

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

К рукописи необходимо приложить сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы, а также контактный телефон, электронный и почтовый адрес автора.

Обязательным требованием является наличие индекса УДК (Универсальной десятичной классификации), резюме статьи на русском и английском языках (до 300 слов), а также авторский перевод названия статьи на английский язык, ключевые слова (до 10 слов) на двух языках, сведения о финансовой поддержке.

Образец оформления статьи

УДК 81 + 811.131.1 + 811.161.1

Русская и итальянская абстрактная адъективная метафоризация

Иван Иванович Иванов

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

ivan@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Аннотация

Ключевые слова

Благодарности

Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036)

The Russian and Italian Abstract Adjectival Metaphorization

Ivan I. Ivanov

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

ivan@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Abstract

Keywords

Acknowledgements

The work was supported by the Russian Science Foundation, project 14-50-00036

Основной текст статьи

Список литературы

Список словарей
Список источников
References
List of Dictionaries
List of Sources
Информация об авторах/Information about the Authors

Подпись автора (авторов)

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания. Например: [Розен, 1969. С. 5]. В конце статьи помещается список литературы в алфавитном порядке без нумерации. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи). Ссылки на архивные документы оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы). Библиографические источники не нумеруются!

Образцы составления библиографического описания

Авторская монография:

Ильиш Б. А. История английского языка. М.: Лит. на иностр. яз., 1958. 366 с.

Коллективная монография

(все авторы должны быть упомянуты):

Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А. Х. Теория и методика ономастических исследований: Моногр. М.: Наука, 1986. 298 с.

Статья в сборнике:

Черкасова Г. А. Русский ассоциативный тезаурус: компьютерная технология создания и издания // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сб. науч. ст. / Под ред. Н. В. Уфимцевой. М., 2003. С. 181–190.

Статья в ученых записках (ученых трудах):

Скрипка А. С. К датировке некоторых типов сарматского оружия // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. 1977. Вып. 2. С. 60–77.

Статья в журнале:

Кириллов Д. А. Образ выборов в языковом сознании российской молодежи. Опыт сравнительного исследования на материале РАС и свободного ассоциативного эксперимента // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. Т. 6, № 2. С. 17–24.

Автореферат:

Яньшин П. В. Психосемантический анализ категоризации цвета в структуре сознания субъекта: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2001. 42 с.

Рецензия:

Панин Л. Г. [Рецензия] // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3–4. С. 245–247. Рец. на кн.: Турбин Г. А., Шулежкова С. Г. Старославянский язык: Учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2002. 145 с.

При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что рисунки следует предоставлять в форматах .gif, .jpg, .tif отдельными файлами.

Допускается создание таблиц и диаграмм в WinWord и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных)

шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Максимальное поле изображения 190 × 270 мм.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в процессе редакторской правки, должны сниматься авторами в ходе переписки по электронной почте в строго определенных для этого редколлегией сроки. Нарушение сроков ведет к отказу в опубликовании статьи. *Переписка традиционной почтой не осуществляется.*

Требования к содержанию публикуемых материалов

Требования к теме исследования, заявленной в статье. Как правило, выбор аспирантом темы публикации соотносится с темой его кандидатского диссертационного исследования. Прежде чем приступить к написанию статьи, необходимо выяснить, является ли разрабатываемая аспирантом тема актуальной и новой для филологических наук. В решении этого вопроса аспиранту не следует полагаться только на мнение научного руководителя и сотрудников своего НИИ или вуза. Необходимо тщательно проверить самому, какое количество работ уже было выполнено по данной теме отечественными и зарубежными исследователями. Для уточнения ситуации с актуальностью и новизной темы нужно обратиться к авторитетным библиографическим ресурсам (rsl.ru, rnl.ru, elibrary.ru, loc.gov и т. д.) и с помощью всех ключевых слов выявить круг уже выполненных исследований. Если, например, соматическим компонентам в составе английских фразеологизмов, в том числе социолектных, уже посвящено более 150 структурно-семантических исследований, то соискателям ученых степеней стоит переключиться на другие темы.

Требования к объектной и предметной новизне исследования. Новизна лингвистического исследования может быть объектной и предметной.

Требования к описанию объекта исследования. Автор статьи в результате выполненного им исследования должен иметь наиболее полное и системное представление об изученном им объекте. Границы объекта должны быть предельно четко очерчены в статье. Например, если речь идет о языковых единицах, то должно быть указано, к какому языку или языкам какого исторического периода или периодов относятся данные единицы, каково их общее количество, из каких именно источников, письменных или устных, они были взяты и каким методом были собраны. При отсутствии у объекта точных квалификативных характеристик выводы исследования нельзя считать репрезентативными.

Требования к характеристике предмета исследования. Об объекте, даже хорошо изученном в ряде направлений, можно получить ценную новую информацию при новом подходе к его изучению. Из содержания статьи специалистам должно быть ясно, в чем именно состоит предметная новизна выполненной работы.

Требования к формулировке названий статьи. Формулировка названия статьи должна четко отражать объектные и предметные характеристики исследования. Слишком широкие формулировки, не соответствующие содержанию работы (например «Морфологические категории: коммуникативный аспект интерпретации»), вводят читателей в заблуждение.

Требования к обоснованности и достоверности научных положений и выводов, представленных в статье. Степень обоснованности и достоверности научных положений и выводов любой лингвистической работы обуславливается репрезентативностью исследовательской картотеки и применением необходимых методов исследования. В настоящее время репрезентативность большинства лингвистических исследовательских картотек должна подкрепляться компьютерными корпусными данными (коллекции ссылок на лингвистические корпусы можно посмотреть, например, на сайте <http://www.uow.edu.au/~dlee/CBLLinks.htm>). Перечни методов лингвистических исследований представлены в учебной и специальной литературе.

Требования к соотношенности полученных в исследовании новых выводов с целью и задачами, заявленными в статье. Последовательно перечисленные в конце статьи выводы иссле-

дования (в порядке убывания их значимости) должны быть скоррелированы с заявленными в начале статьи целью и задачами.

Требования к точному и последовательному использованию терминов в научном тексте. Системность – отличительная черта научного знания. Субъективный эссеизм, компилятивность, слишком вольное обращение с терминами или полное игнорирование специальной терминологии свидетельствуют о непрофессионализме автора. Все необходимые для изложения термины должны быть системно стармонизированы и употреблены автором статьи только однозначно. В статьях, посвященных металингвистическим проблемам (истории лингвистической терминологии, неоднозначности толкования терминов в различных научных школах, фиксации терминов в специальных словарях и т. д.), должны быть представлены только новые для отечественных специалистов сведения. Введение оригинальной авторской терминологии должно быть объективно обосновано.

Требования к использованию цитат. Все приведенные в тексте статьи явные и скрытые цитаты должны иметь ссылки. Реферативность изложения, обилие цитат и другие признаки «вторичного текста» не позволяют рассматривать некоторые статьи как оригинальные и самостоятельные произведения научного стиля.

Требования к отражению в статье информации о личном участии автора в исследовании. Из содержания статьи должно быть понятно, в чем именно состоит личное участие автора или авторского коллектива в получении научных результатов. В теоретических исследованиях автор (или авторы) не должен «компоновать» конспекты чужих трудов в соответствии с замыслом своей работы, а должен выходить на качественно новый уровень самостоятельной рефлексии.

Требования к отражению в статье прикладного значения полученных результатов исследования. В тексте статьи должны быть указаны сферы использования результатов, полученных автором.

Соответствие текста статьи требованиям к научному стилю и оформлению. Текст статьи должен соответствовать требованиям, предъявляемым к текстам этого жанра. Информацию о жанровой специфике научных статей можно почерпнуть из учебных пособий по научному стилю речи. Требования к оформлению статей в журнале «Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация» публикуются на соответствующих страницах в каждом номере журнала. Просим авторов обращать внимание на объем присылаемых рукописей (не менее 20 000 знаков) и недопустимость тезисного изложения материала.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Доставка материалов

Представляемые в редакцию материалы можно передать лично (комната 1269, новый корпус НГУ) или переслать по электронной почте.

Адрес редакционной коллегии
серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация»

Кафедра истории и типологии языков и культур
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (383) 363 42 23

E-mail: lingua@vestnik.nsu.ru